

Нам - 85!

ISSN 0012-6756

**Дружба
народов**

8/2024

В номере:

НАДО УСПЕТЬ

Калейдоскоп жизни ленинградской писательской, научной, музыкальной интеллигенции 1970-х годов крутится в романе Алексей ИВАНОВА «Крестословица». Не самый крупный писатель Константин Елагин берётся за роман-биографию Тирана. Он не пользуется архивами, но у него чемоданы писем, разрозненных воспоминаний пока ещё живых свидетелей-«сидельцев». Они уходят... Надо успеть. Но сомнения не покидают: «Тяжёлый чемодан Друскина переместился, наконец, в комнату Елагина. И вместе с ним здесь поселился страх. С каждым документом, каждой рукописью или старой газетной вырезкой, извлекаемой из чемодана, страх перемещался вглубь, рождая внутри тревожный холодок... <...> Зачем лезу не в своё дело, зачем травлю себя страшным, смертным ядом воспоминаний очевидцев жизни тирана, когда ясно изначально, что понять ни эту жизнь современного Дракулы, питаемую исключительно кровью жертв, ни жизни жертв самих, шедших на убой, невозможно...»

«ЧТОБ САМА ЗЕМЛЯ БЫЛА КРАСИВА»

На страницах этого номера очень разные поэты. С неподдельной искренностью, когда хочется «допеть всё то, что не допето», признаётся в любви к Кавказу Дарья ВЕРЯСОВА. О трагических поворотах судьбы, о чём «сердце живое болит до сих пор» стихи Анны ДОЛГАРЕВОЙ. Темой любви к родной земле наполнена самобытная лирика Владимира КОЗЛОВА: « В букву заходит голос / и начинает петь». И психологические зарисовки Марии ЗАТОНСКОЙ тоже о нераздельности человека и природы, хотя «это так кажется —/ ничем не наполнен ландшафт».

ПОВЕСТЬ О СЕБЕ

Дневник Виктории ПОЛИЩУК «Пять минут до рассвета» — запечатлённое событие того, что ожидалось, но не состоялось. Личные, женские высказывания полны борений, но не с жизнью, а с самой собой, — воспитание Духа, которому отзывается Душа. Слово она призвана отвлечь от глубоко спрятанного трагизма одиночества. Философия личного бытия автора насквозь субъективна, но при этом доверчива и открыта диалогу. Жажда встречи проступает восходом, который постепенно поглощается закатом. Ожидание и разочарование существуют рука об руку. Изложено это изящно, слова будто парят, и не сразу ощущаешь, как всё это обрастает уроками мудрости с деликатной религиозностью.

«ВЫХОДЯ ИЗ ТЕАТРА, Я ПРОДОЛЖАЛ СПОРИТЬ...»

«Театр Наций, как всегда, был переполнен молодёжью, в основном девушками в вечерних платьях и на высоких каблуках, средний возраст плюс минус тридцать лет, для них, “целевой аудитории” театра, события и герои 80-х, эстетика перестройки — это вообще древняя история, как в учебнике для средней школы, настолько древняя, что её вполне можно ставить в один ряд с тургеневскими нигилистами и народовольцами. Сравнить одну древность с другой древностью и находить в них параллели и повторы — а, собственно, зачем?..» В рубрике «Правила игры» Борис МИНАЕВ размышляет о новой постановке «Отцов и детей». Перестроечные аллюзии, «наверное, я не видел ещё такого Базарова», песни Летова, диалоги из «Ассы»... Минаев читает спектакль как разговор о своём поколении: «Такой взгляд на перестройку, на её людей, конечно, вполне оправдан. Но соглашаться с ним всё равно не хочется...»

Дружба народов

*Независимый
литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

*Основан
в марте 1939 года*

Редакционная коллегия

Адрес редакции:
117218, Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, стр. 2,
журнал «Дружба народов»
Телефон (многоканальный):
8-499-519-02-12

E-mail: dn52@mail.ru,
Сайт журнала:
<http://дружбанародов.com>

Юридическая поддержка:
Congress Consulting.
Свидетельство о регистрации
№ 73 от 14.09.1990 г.
в Министерстве печати
и массовой информации РСФСР.
Свидетельство о регистрации
товарного знака № 288681.
Зарегистрировано в
Государственном реестре
товарных знаков и знаков
обслуживания РФ
12 мая 2005 г.

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»;
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

**Редакция не имеет возможности
рецензировать и возвращать
рукописи.**

**Во всех случаях полиграфического
брака в экземплярах журнала
обращаться в типографию, указанную
в выходных сведениях.**

**При перепечатке наших материалов
ссылка на журнал «Дружба народов»
обязательна.**

Сдано в набор 20.06.2024.
Подписано в печать 18.07.2024.
Формат бумаги 70 x 108 ¹/₁₆
Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 22,4. Усл. кр.-отг. 23,1.
Уч.-изд. л. 21. Тираж 1200 экз.
Заказ . Цена свободная.

Главный редактор Сергей
НАДЕЕВ
Леонид
БАХНОВ
Ирина
ДОРНИНА

Ответственный секретарь Елена
ЖИРНОВА

Первый заместитель главного редактора Наталья
ИГРУНОВА

Галина
КЛИМОВА
Владимир
МЕДВЕДЕВ

Заместитель главного редактора Александр
СНЕГИРЕВ

Редакционный совет

Мария
АНУФРИЕВА
Сухбат
АФЛАТУНИ
Муса
АХМАДОВ
Ольга
БАЛЛА
Дмитрий
БИРМАН
Ольга
БРЕЙНИНГЕР
Денис
ГУЦКО
Фарид
НАГИМ
Илья
ОДЕГОВ
Валерия
ПУСТОВАЯ
Ренат
ХАРИС
Александр
ЧАНЦЕВ
ЭЛЬЧИН

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Алексей ИВАНОВ. Крестословица, или Прогулки с тенью диктатора. <i>Роман</i>	3
Анна ДОЛГАРЕВА. И вода живая, и земля тоже живая. <i>Стихи</i>	78
Адель ХАИРОВ. Месть. <i>Рассказ</i>	82
Николай ЖЕЛЕЗНЯК. Найти проходимца. <i>Рассказы</i>	90
Дарья ВЕРЯСОВА. Память о Кавказе. <i>Стихи</i>	106
Дмитрий РАЙЦ. моменты усталости и любви. вторая тетрадь. <i>короткие истории</i>	109
Инна ВОЛОШИНА. Три рассказа.....	119
Мария ЗАТОНСКАЯ. Выходные жизни. <i>Стихи</i>	130
Тимур МАКСЮТОВ. Два рассказа	133
Татьяна ШАПОШНИКОВА. Тот, кто сильнее. <i>Рассказ</i>	142
Владимир КОЗЛОВ. Прожорливая почва. <i>Фрагменты чистого поля</i>	151
Ирина БАРАБАНОВА. Когда Бог смотрит в микроскоп. <i>Невероятно-вероятные истории из жизни землян</i>	154
Ольга СИЧКАРЬ. Азиза. <i>Рассказ</i>	160
Антон ЕРМОЛИН. Что-то новое в глазах, или Сын, отец и маменька. <i>Рассказ</i> ...	166
«Уйдёшь в литературу поутру». <i>Участники Мастерской АСПИР в Мурманске (2024)</i> <i>на страницах «ДН»: Дмитрий БОБЫЛЕВ, Владислав ЕМЕЛЬЯНЕНКО,</i> <i>Александр КУРАПЦЕВ, Алина МИТРОФАНОВА. Стихи</i>	171

ЗОЛОТЫЕ СТРАНИЦЫ «ДН»

Александр ЭБАНОИДЗЕ. Дом на горе	177

ПОЭТ О ПОЭТЕ

Нина ОРЛОВА-МАРКГРАФ. «У полумесяца, креста, кольца дорог». <i>Памяти Магомеда Ахмедова</i>	185

ПРОСТО ЖИЗНЬ

Виктория ПОЛИЩУК. Пять минут до рассвета. <i>Дневник. Избранное (2001–2019 гг.)</i>	194

НАЦИЯ И МИР

Александр МАХНЁВ. Собор Святейшего Сердца Иисуса. <i>Исторический очерк</i>	228

ЛИТУЧЁБА

Михаил ПАВЛОВЕЦ. Дайте сказать своими словами. <i>О сочинениях в школе — и в жизни</i>	239

ЧИТАЕМ ВМЕСТЕ

Об истории идей и устройстве человеческих типов. Ольга БАЛЛА и Юлия РАХАЕВА размышляют о книге Александра Чанцева «Бунт красоты: эстетика Юкио Мисимы и Эдуарда Лимонова»	251

ПОДРОБНОЕ ЧТЕНИЕ

Татьяна ВЕРЕТЁНОВА. «Уж точно не Гришка Отрепьев» (А.Макушинский. «Димитрий»)	259

ЛИТЕРАТУРНЫЙ БАРОМЕТР

Евгений АБДУЛЛАЕВ. С китайского и обратно	265

ПРАВИЛА ИГРЫ

Борис МИНАЕВ. Сгущающийся мрак	269

НА НАШЕЙ ВКЛЕЙКЕ

Виктория ПОЛИЩУК. Потoki неразгаданных миров	

Алексей Иванов

Крестословица, или Прогулки с тенью диктатора

Роман

Хуже нас никого нет.

Михаил Пришвин. Дневник

Когда Господь не строит дом,
Напрасно трудится строитель,
Когда не Бог его хранитель,
Напрасно ходит страж кругом.

*126-й псалом. Песнь восхождения Соломона
(Перевод Киры Михайловской)*

Глава 1

На крыльце Дома творчества писателей стояли, как и полагается, два писателя. Оба пожилые, седовласые. Голову одного из них украшала похожая на розовый, только что испечённый блин лысина, зато волосы за ушами и на затылке были длинными. Второй седовласый был стрижен ёжиком, но брови удивительно кустисты. Оба поклонились Елагину и перестали разговаривать. Елагин поклонился в ответ, вошёл в плохо прикрытую дверь.

За столом администратора не было никого. Елагин взял со стендика под стеклом ключ от номера, поднялся на второй этаж. Здесь, в душевой комнате-пенале предстояло провести двадцать четыре дня. И что-то написать для журнала. Он отворил окно, пахло сыростью, недавним дождём. Мокрые жёлто-красные листья молодых клёнов словно вырезаны из восковой бумаги. Жалкий реденький сквер под окнами был ему знаком. Он мог узнавать отдельные деревья. Чёрные стволы, вымокшие с одной стороны. Разлапые, ненужно красивые листья на земле, пожухлые кусты роз. Считалось, что ему хорошо пишется здесь. По улице шла женщина с поводком. Собака, которая тянула поводок и женщину, была не видна из-за штакетника и облезлых, теряющих листья кустов.

Иванов Алексей Георгиевич родился в Ленинграде. Автор романов, в т.ч. «Опыт № 1918» (М., ArsisBooks, 2019; первая публикация: «ДН», 2017, №№ 5, 6, 7), нескольких книг повестей и рассказов. Печатался в журналах «Звезда», «Аврора», «Нева» и др., книги выходили в издательствах «Лениздат», «Советский писатель». Живёт в Москве.

Предыдущая публикация в «ДН» — 2023, № 2.

Елагин передвинул стол и диван, так ему казалось удобнее, вытащил пачку бумаги и с тоской уставился на неё.

В дверь легонько стукнули, на пороге возник улыбающийся профессор Мануйлов.

— Видел, видел, как вы шли, не успел за вами, — лысая коническая голова профессора, «редька хвостом вверх», поблёскивала от пота. — Заглядывайте ко мне, — сказал Мануйлов. — В четыре часа, хорошо? В два обед, потом я буду час-полтора занят. А в четыре — милости прошу! — он закрыл дверь и тут же распахнул её. — С кем вы сидите за столом? Ах да, вы же только приехали! Там за столиком Морозова есть место, не садитесь к нему. Заболтает!

Елагин ещё раз выглянул в окно. Мелкий дождь сыпал, наводя на Дом творчества привычную тоску. Елагин покрутил в руках сигарету, закуривать не стал, не обнаружив в номере пепельницы, и вышел в коридор. Дверь в комнату Мануйлова была приоткрыта, Елагин стукнул и отворил её.

— Да-да, заходи, лапочка, — проворковал профессор, стоя спиной к Елагину. Он, держа высоко, почти на уровне глаз, рюмочку и пипетку, капал что-то, считая капли вслух.

— Неважно себя чувствуете, Виктор Андроникович? — спросил, несколько смутившись, Елагин.

— А-а, это вы?! — профессор, шевеля губами, досчитал ещё несколько капель. — Нет, превосходно! — он проглотил капли и поморщился. — Сейчас придет аспирантка, готовлюсь, думал, это она, — он подмигнул, что ему не совсем шло. — Употребим с божьей помощью и с применением медикаментозных средств!

В столовой пахло капустой, чем-то ещё, слегка подгорелым. Сырой дух шёл от пальто и плащей на вешалке сбоку.

Свободных мест за столиками не было. Только в углу сидел критик Морозов и, улыбаясь, поглядывал на Елагина. Он ждал жертву, вглядываясь в неё, прикидывая, куда бы куснуть. Если нельзя ужалить.

— Пишется? — встретил он Елагина, не поздоровавшись.

— Нет, — решил обрадовать его Елагин и, действительно, обрадовал. Старик даже засветился.

— Это хорошо, — коварно улыбаясь, прицелился он, — чем меньше напишете, тем меньше глупостей будет в мире. По крайней мере печатных.

— Согласен, — кивнул Елагин.

Его покорность несколько огорчила Морозова.

— А зачем тогда пишете?

— Для денег, — сказал Елагин, глядя в старческие, почти бесцветные глаза. «Вот так и я лет через двадцать буду капать капли перед любовным актом и донимать писателей помоложе».

Морозов, казалось, вполне доволен был ответом.

— Я вот всех спрашиваю, никто пока что ответить не смог, — Морозов утёр неожиданно розовые губы бумажной салфеткой, — что такое «невыразимые»? Никто не мог! Писатели называется!

— Вы меня в прошлый раз спрашивали, — сказал Елагин, глядя в глаза старику.

— Да... — растерялся Морозов. — Прошу покорно извинить.

— Ничего, не смущайтесь, — кивнул Елагин.

Морозов никогда его об этом не спрашивал.

— Прочитал вашу последнюю повесть в журнале. Чепуха, простите. Зачем вы пишете о каком-то рабочем классе? Вы что, не понимаете, что никакого рабочего класса нет? Это советский миф. Точнее, марксово-еврейский миф, приправленный безграмотными идиотами от марксизма.

— Ничего не понимаю в марксизме, — Елагин отодвинулся, давая официантке поставить тарелку на стол. — Не знаком.

— И не пытались? — Морозов вытирал салфеткой рот и облизывался.

«Интересно, — подумал Елагин, — высунется сейчас раздвоенный язык?»

Язык не высунулся. Морозов откинулся на спинку стула и ласково, даже любовно стал изучать жертву.

— А напрасно! Любопытнейшее учение, такая же чушь, как библейские байки про Христа. Но тому понадобился апостол Павел, чтобы заразить этим вирусом мир, а Марксу — цельная Россия. От неё Маркс по всему миру расплескался, раскатился, как ртутные шарики. Сверкают, радуют, а на самом деле смертельная отравка.

Елагин промолчал. Осмелели нынче писатели, а ведь от всеобщего заячьего страха и времени-то прошло всего ничего. Интересно, он провокатор, энтузиаст или просто болтливый маразматик.

— Не согласны? — Морозов всё никак не мог выбрать местечко, чтобы вцепиться ядовитыми зубами.

— Согласен! — Елагин смотрел на окно.

Дождь каким-то образом проникал сквозь разбухшую раму, скапливался на подоконнике и неспешно стекал вниз.

Для удобства ему была подложена мокрая тряпка.

— Вы вот, простите, что возвращаюсь, — Морозов уже пообедал и теперь, не торопясь, приступил к перевариванию биомассы, которой кормили писателей, — когда я спрашивал про «невыразимые», вы что ответили мне?

— Сказал, что это кальсоны, портки нижние. Юнкерский жаргон.

— А почему же я не помню?

Елагин пожал плечами и принялся за удивительное изобретение повара Дома творчества. Котлета, с виду похожая на настоящую, была абсолютно лишена всякого вкуса. Невозможно было даже определить, рыбное это произведение или мясное. Елагин потянулся к меню и принялся его изучать.

— Котлетки смущают? — раздвоенный язык, наконец-то, нашёл повод высунуться наружу.

— Нет, просто любопытство.

— Опишите где-нибудь? В очередном романе о заводе? В выполнении-перевыполнении? И отдельных недостатках в рабочей столовой, заклейте воришку-повара?

— В романе о писательском доме, — вяло огрызнулся Елагин.

— Меня в качестве злодея выведете, смею надеяться?

— Нет, просто сошлюсь на ваш самый правдивый роман о Ломоносове. За который вас отметили сталинской премией. Может, приведу пару цитат. Не помню, правда, какой степени премия была. Третьей? Второй? На первую не потянули? Слабоват романчик по сравнению с Толстовским «Петром», хоть и подражали старательно, — Елагин всё ещё изучал меню, не глядя на Морозова.

— «Пару цитат» это безграмотно! Вы ещё скажите «пару-тройку» цитат, как нынче принято! Не лошадей запрягаете, коллега! — Морозов поднялся из-за стола. — Желаю творческих успехов! — сказал желчно и медвежьей походкой, слегка загребая ногами (носки внутрь), направился к выходу.

Елагин, на ходу раскланиваясь со знакомыми, вышел из калитки и свернул влево. Дождь замер, но воздух был сырой, словно капли небесной воды висели не на желтовато-зелёных листьях прореженных ветром лип, не на поникших иголках молодых елей, посаженных вдоль забора и поседевших от измороси, а сами по себе. Завтра, если ударит мороз, капли превратятся в замёрзшие фонарики, вспыхивающие под солнцем. Однажды, увидев замёрзшие капли на еловых лапах, Елагин понял гениальность творцов рождественских игрушек-украшений. Они должны сверкать под лучом!

Дунуло мокрым ветром с залива, Елагин поднял воротник плаща, повернул в сторону академического посёлка. Разросшаяся, неухоженная зелень почти скрывала подаренные вождём когда-то крепкие двухэтажные дома. Пусть живут академики. Им дача нужна. И пригляд легче, кадров-то не хватает. Сквозь сырость потянуло забытым паровозным дымком: кто-то из академиков топил печку углем. Сталин любил делать подарки. Академиков не любил, скрывал лёгкое презрение: зачем всю жизнь учились, если дома построить не можете? На Кавказе каждый мужчина себе дом строит. А вы просите товарища Сталина: землю выделите, о хороших, крепких домах позаботься, о строителях военных, чтобы не разворовали материалы. Почему Сталин должен думать о таких мелочах?

Елагин остановился. Послышалось? Сквозь странный, необъяснимый звук стекающих с листьев и иголок миллионов капель слышалась флейта. Откуда? Он пошёл на лёгкие, исчезающие за топтанием капель звуки. Мимо ветхого забора с облезлой, когда-то весёло-голубой краской, мимо другого, нагло вставившего свеженькие рейки, разбухшие от висящей в воздухе воды, мимо... это уже неважно. Он шёл на зов флейты. Конечно, на флейте может играть только очаровательная молодая женщина. Худая, изящная сомовская красавица с тёмными волосами, причёской-каре и беззащитно поднятыми острыми локотками. Изящная фея с флейтой на веранде старинного дома. Несколько моцартовских пассажей поднялись, повисели в сыром, не подходящем для них воздухе, стараясь удержаться последними нежными нотками, и растворились в тихом шуршании капель и листьев. Остался горьковатый привкус паровозно-угольной гари, принесённой нежданным порывом ветра, вместе с дальним перестуком колёс. Паровозы умерли давно, а пригородные электрички перестукивались по-иному и предпочитали резкие крики вроде утреннего рёва ослов в зоопарке. Ослы тут неслучайно: Елагин вспомнил давнишнюю любовницу, к которой приходил редко, только по её звонку, а мог бы не приходиться вовсе. Сквозь её утренние довольно фальшивые стоны иногда слышался законный рёв осликов: она жила в угловом доме-модерн на Зверинской, окном к зоопарку.

Из калитки, аккуратно прикрыв её за собой, вышел небольшого роста человек в шляпе и макинтоше. Поравнявшись с Елагиным, человек пошевелил губами, приподнял шляпу. Так было заведено у академиков. Посторонние сюда заглядывали редко, а всех своих запоминать не хотелось. В руке человек держал старый портфель крокодиловой кожи и довольно бодро помахивал им. Елагин поклонился, потом обернулся, показалось, что моцартовские ноты сыпались из застёгнутого на один замочек портфеля. Нет, на мокром песке ничего не было. Ни следов, ни даже человека в шляпе. Может быть? он свернул в проулок?

Елагин заглянул в проулок, куда предположительно нырнул загадочный человек. Никого. В глубине стояла полузаброшенная дача академика Берга, нынешнее владение его мятежной дочери. Правление академического посёлка не ладило с дочкой, писало на неё доносы, именуя диссиденткой, и пыталось выселить старуху. Елагин не знал, старуха ли она, но так ему казалось. Кем ещё может быть дочь академика Берга?

Предполагалось, Комаровский посёлок академиков будет засеян талантами.

Таланты имеют обыкновение вырастать гроздьями: Флоренция времён Лоренцо Великолепного, Париж середины девятнадцатого века, где художники Монмартра с помощью мутного абсента, дымя плохими сигарами и переругиваясь с недорогими подружками, повернули к зрителю мир сверкающей гранью солнца и воздуха, «могучая кучка» русских музыкантов, плеяда поэтов от Жуковского, Пушкина, Лермонтова к Тютчеву, другая плеяда — Цветаева, Ахматова, Пастернак, Мандельштам, Маяковский, Есенин, да мало ли...

Таким скоплением талантов была лаборатория генетики Кольцовского института: Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский, Пётр Фомич Рокицкий, Дмитрий Ромашов, Борис Астауров, а сколько их, других — все знаменитости, все, кого не раздавила

Советская власть, не ударила дуплетом на взлёте, не уставилась в лоб китайско-латышским очком винтаря. Рано или поздно чудовищным репрессиям подверглись все. Исключение — Сергей Михайлович Гершензон. Он мог бы рассказать многое, но не расскажет. В Дантовом аду он среди тех, чьи рты зашиты.

Старуха, дочь Берга, была генетиком и всю жизнь сражалась за бронзовых и золотистых дрозофил. Хотя по-настоящему любила только дрозофил пучеглазых.

Кажется, у Сталина получилось не совсем то, что было задумано. Хотя... На даче академика Берга, например, счастливую зиму прожил Иосиф Бродский. Это было то, что нужно поэту: снежная зима, выстуженный дом с тёмными углами, чугунная печка, раскаляющаяся от нескольких щепок-полешек и совка угля, с трудом набранного в угольном ящике, пляшущие блики на руках, жар печки и холод, идущий из черноты дома, пробирающийся под старый свитер с катышками на груди и под мышками, дальний перестук электричек, пугавший поначалу звук осыпавшихся снежных шапок и взмаха освободившихся еловых лап, крысиный писк в дальнем углу — туда можно бросить полено, скрип шариковой ручки по промёрзшему блокноту, холодок бумаги, согревающейся, пока ты пишешь, под ладонью. Так же согревались и книги, вытасненные из старинных шкафов библиотеки Берга. Фолианты с золотыми обрезами смёрзлись, но простенькие, особенно в бумажных переплётках, отогревались быстро. Так с ледяных страниц начинали соскакивать барабанные рифмы Киплинга, довольно неудобные для перевода, обгрызенные крысами стихи Блока и даже старинный Тацит в невиданном переложении профессора со съеденной острыми зубами фамилией. «Песни счастливой зимы на память с собой возьми...»

Елагин, хоть и не близко, знал Бродского. Не раз заставал его сидящим на столе редакционной машинистки «Авроры» Ирэны Каспари, спиной к ней — лицом ко входу, рядом с пепельницей и вечно дымящейся сигаретой, к которой Ирэна, не отрываясь от текста, тянулась время от времени. Бродский тоже дымил, закидывая голову, косился непонимающими глазами на проходящих на кухню и в сортир сотрудников редакции, снова диктовал, правя себя на ходу.

Елагин всматривался в пустой проулок: человек в шляпе всё-таки растворился в сыром воздухе, сети дождя и исчезнувших нотках флейты.

Елагин, поёживаясь, вышел на главную академическую дорогу, зачем-то свернул налево, направо и — вниз, к заливу. По крутой, разъеденной промоинами ливней песчаной дороге, не заметив роскошной, всегда загадочно пустующей дачи знаменитого артиста Черкасова, через мрачноватое болото, весной и осенью заливавшее размякшую, раздавленную тропку к асфальтовому шоссе, отделявшему залив от людских забот посёлка. Левый башмак промок, Елагин вляпался в жидкую грязь и испортил настроение. Когда он переходил шоссе, в башмаке хлюпало.

Несколько старых сосен, привычно шевеливших вершинами, корни, вены сосен, присыпанные иголками, следы автомашин, пытавшихся подъехать к кромке песка, кустики, постоянным ветром повёрнутые прочь от моря, к дороге, изжелта-зеленоватая осока, не признающая осени и не желающая умирать и, наконец, море. Залив. Маркизова лужа. Лужа была злая, с барашками волн, катившихся к берегу, с облаками, прижавшимися к мрачной, даже издали холодной воде. На пляже первобытно пусто, ни души. Нет и признака человека, если бы не покривившаяся кабинка для переодевания, когда-то крашенная блёклым голубым цветом. Стараниями пляжных хулиганов-шутников она покосилась, стала неопрятным сооружением на ножках ржавеющего железа с неприличным словом, начертанным чем-то красным на её боку. За ней виднелись мокрые валуны, мусор, вынесенный морем, два стеклянных поплавка, похожих на детские мячи, связанные бечёвкой, полусгнившие доски, занесённые песком, и опять валуны, уже помельче.

С заливом, Взморьем, как тогда его называли, было связано непонятно откуда пришедшее детское воспоминание. Кто-то из молодых парней, связав плотик

Анна Долгарева

И вода живая, и земля тоже живая

* * *

Старики говорят,
Не было никакой земли поначалу,
А была вода и над ней во мраке носилась птица,
Не было для неё ни гнезда, ни причала,
Негде ей было тогда приютиться.

И свила она гнездо из перьев своих тогда,
И его приняла вода,
И это стала первая суша,
Первая во всём мире земля.

А потом на ней появились сады и поля,
А потом на ней появились войны.
Без войны земли не бывает.
Бьётся вода о берег, оставляя промоины,
И вода живая, и земля тоже живая.

* * *

В лодочке качается князь Глеб,
А из глаз ушли и тоска, и страх.
«Да за что погиб ты?» —
«За чёрный хлеб,
За парное молоко в материнских руках.

Я единой Руси для братьев хотел,
Скомороший, чудной, бестолковый шут,
Вот я и плыву через лагерь тел,
И всё кровь мою подтереть прошу.

Долгарева Анна Петровна — поэт, военный журналист. Родилась в 1988 году в Харькове. Окончила Харьковский национальный университет по специальности «неорганическая химия» (2010), Луганский государственный университет имени В.Н.Даля по специальности «политология» (2017), Институт прикладной психологии в социальной сфере по специальности «практический психолог» (2021). Публиковалась в журналах «Дружба народов», «Нева», «Урал», «Крещатик» и др. Автор семи поэтических сборников, среди них «Красная ягода, чёрная земля» (М., 2023), «За рекой Смородиной» (СПб, 2023). Лауреат многих литературных премий. Живёт в Москве и Санкт-Петербурге.

За селянина, что сгоняет овец
Под прозрачной пылью к малому пруду.
Чтобы сын мужал и не трусил отец,
Чтобы привычны были не к войне, а к труду.

Но чего-то вышло, идёт печенег,
Да кривая сабля, да чёрная рать.
Вот какая доля досталась мне:
Не в бою, а от повара помирать.

Только будет, будет святая Русь
Из костей Бориса да крови моей.
И не будет иначе — смотри, не трусь,
Кровь всему голова, так будет верней».

* * *

Я живу в этом смутном холодном краю,
Где цветёт иван-чай, где до света встают,
Где учителем бабка была и дед,
А другого мне края на свете нет.
Здесь по осени сеном кормят коров,
Здесь не принято в хату пускать мертвяков,
Хотя Варин-то муж к ней ходил и ходил,
Подходил и стоял у окошка один.
И по осени славно так топится печь,
И так ладно выходит неспешная речь.
Вот иди так, с востока на запад иди,
И такие же лица везде впереди,
Без стыда и упрёка, без лишних страстей.
Приноси разговор и дождись новостей.
Не дорога идёт, а одна колея...
О родная, родная, родная моя!

* * *

Господи, что это, что же вокруг меня?
Белое, белое, светится, сребрени,
Только и думаешь в этом, насколько один,
Маленький, маленький человек посреди.

Было же, было: родители со двора
Ужинать забирали, такая пора,
Варежки на резинке, капор и шарф,
Голая неосмысленная душа.

А тут чего-то, Господи, погляди,
Белые все торосы, я посреди,
Небо такое большое, что можно щекой
Приложиться к нему — и будет тогда покой.

Небо большое, и в небе извечный Бог.
Кошкой большой прижимается, словно бок
Её пахнет шапкой, нежностью и теплом.
И молодые снежинки метут напролом.

* * *

Ледяная под утро приходит тоска,
И стучится, и крутит сверлом у виска,
За всех тех, кто не с нами отныне.
Никакого *сейчас*, никакого *потом*,
И хотелось бы рядом хотя бы с котом,
Но и он на окно отпружинил.

Никого не спасти, никого не сберечь,
Остаётся смертельная русская речь
И бесстрастные снегопады.
Это наша война, это наша судьба,
Это крест только-только касается лба,
Это город в окружье осады.

Только сердце живое болит до сих пор
Да вот так — да за каждый разбомбленный двор,
И не спится, и кот не приходит.
Это чёрная ночь среди белых снегов,
Когда мир оглушительно, бешено нов
В обречённой своей несвободе.

* * *

Глубокозимье. Спит вода на дне,
И птицы подлетают ближе, ближе
К жилью. Деревьям снится о весне
В закате фиолетовом и рыжем.

Но спит вода, тверда она, тверда,
И рыбы серебристые заснули.
Я так тебя любила, что всегда
Молилась, чтоб Господь отвёл от пули.

Глубокозимье. Белый снег пустой,
Зелёный лёд, замолкнувшие птицы.
Я так тебя любила, ну и что?
Уходит в землю всё, что сохранится.

Живи, живи, одно прошу, живи,
Как будет — будет, и что должно — делай.
Есть в мире что-то более любви,
И это — нежность за её пределом.

* * *

Мы вообще не виделись. Ты был на войне.
Отвечал через раз, ловя проблески Интернета.
Так что говорила с тобой я больше во сне.
И летела, летела, летела планета.

Женской ладонью не отвести беду,
Но я молилась словами любви измотанной,
И ты возвращался, и таяло солнце в пруду,
Я понимала: вот оно,

То, что зовётся любовью: не дом, не семья,
Вообще не какие-то отношения.
А только вот эта молитва, молитва моя
И раз за разом твои возвращения.

Человек

* * *

Человек, идущий в заснеженной темноте,
Подобен царاپине на холсте,
Он излишен и мал, и дорога его туда,
Где начинаются холода.

* * *

В эпоху отчаянных перемен и кровавых жертв,
На самой грани стального века,
Человек ищет Бога. Это вечный сюжет.
Но ищет ли Бог потерянного человека?

* * *

Господи Боже, найди меня.
Я вышла в зыбучий медленный снегопад,
Белизна такая — ни следочка, ни пня,
Только и остаётся брести наугад.

Адель Хаиров

МЕСТЬ

Рассказ

В круглой жестяной коробке лежали чёрные кости. Разложив их на столе, перебирал. Осторожно прикасался, боясь раскрошить. Четыре ребра и фрагмент черепа — всё, что осталось ему от дочери. Она проплыла за спиной, обдав тёплой влажной волной. На ходу подсушивая волосы махровым полотенцем, напевала. Забравшись с ногами на диван, болтала по мобильнику. Он слушал её протяжное «да ну» и тупо смотрел на тонкие косточки. Они начинали шевелиться, превращаясь в засушенные лепестки южного цветка. В тот день Вера забыла дома телефон. Айфон играл и танцевал на полке до утра, потом умолк рядом с Барби (подружка детства) и стал похож на игрушечную могильную плиту...

Дмитрий Иванович, забыв что воскресенье, к восьми отправился на работу. Сидел в кабинете, поглядывая на часы, и не мог сообразить, где сотрудники. Потом очнулся и, оставив машину, пошёл домой через парк. Брёл, запинаясь, но вдруг ускорился и побежал... Открыл дверь, а там — тишина.

Привыкший к армейскому распорядку дня, когда сутки имели двадцать четыре часа, оторопело наблюдал, как время сначала собралось в гармошку, а затем вытянулось, наполнив комнату мёртвой тишиной безвременья. Ни утра тебе, ни дня. Всё — сплошная ночь под бутылочными осколками звёзд. Вместо утреннего кофе пил водку, крошил чёрствый хлеб в тарелку и поливал подсолнечным маслом. Грамота за безупречную службу в органах лежала скатёркой, по ней полз сморщенный огурчик.

Служебный мобильник первое время надрывался и кружил на тумбочке, потом обиженно пожужжал в кармане плаща и, наконец, пискнув, умолк. И связь с большой землёй оборвалась. Кто-то ещё звонил в дверь, тарабанил, но Дмитрий Иванович затихал, хотя и так уже превратился в шуршащую тень.

Когда в доме всё закончилось — и водка, и закуска, и даже бычки из цветочного горшка были докурены, — пришлось выбираться из лежбища. Зашёл в душевую

Хаиров Адель Ревович — журналист и сочинитель. Родился в Казани в 1963 году. Учился на филфаке Казанского университета. Автор сборников прозы «Играй, не знай печали» (Казань, 2019) и «Подкова Гамерлана» (Санкт-Петербург, 2020). Печатался в журналах «Октябрь», «Дружба народов», «Новая Юность» и других. Лауреат ряда литературных конкурсов и премий, в т.ч. премии «Русский Гулливер — 2015» в номинации проза поэта. Живёт в Казани.

Предыдущая публикация в «ДН» — 2020, № 1.

и отшатнулся от зеркала. Оно как будто треснуло. Сразу протрезвел. Полчаса отмокал под струями, гоняя по телу похмельную дрожь. Потом нашёл в холодильнике дочкину колу и опустошил. План созрел сам собой. Вспышками в пьяном мозгу какие-то эпизоды до этого возникали, но только сейчас всё выстроилось и написался некий сценарий...

От расследования его, как близкого родственника, отстранили, но он продолжал сидеть в общем кабинете и был в курсе происходящего. Трагедия набросила тень печали на дружеские отношения с коллегами. Свет в помещении как будто бы стал мутнее. Юбилейный букет усох на следующий же день, и в воздухе запахло горечью. Его больше не называли Димоном, только по имени-отчеству. Здраваясь, задерживали ладонь.

Список сотрудников отдела напоминал зверинец: Зайцев, Тушканов, Козлов... Ну как тут обойтись без Рысина? Дмитрий Иванович и внешне походил на рысь: брови вразлёт, серые цепляющие глаза, мгновенная реакция, порывистые движения, похожие на прыжки. Учув след, затихал. Осторожно подбирался к преступнику. Потихоньку затягивал круги...

Прошло два месяца. Дело близилось к концу. И вот как-то поздним вечером Рысин вернулся в кабинет, не спеша выкурил сигарету и выгреб из сейфа уголовные папки. С юбилея оставалось полбутылки коньяка, пригубил. Поразился тому, как плохо знал свою дочь. Видел только фасад, а в доме том было много тайных комнат. Но строил-то его он! Откуда тогда тайники? Кто нарыл?

Просмотрел видеозапись из ночного клуба «Сударушка». Вот дочь сидит за барной стойкой, потягивая коктейль. К ней подсаживается бородач в светлом костюме. Они о чём-то спорят. Видно, как тот начинает психовать. Хватает её за руку. Горошек фенечек рассыпался. Камера на входе записала, как он тащит Веру к машине. Охранники не вмешиваются. Один из них даже помогает открыть дверцу.

Бородач с ней встречался около года. Вёл себя странно. Никогда не звонил, не писал. Сам её находил. Зная маршрут, по которому она ездила в вуз, терпеливо поджидал в припаркованной в закоулке машине. Она никому о нём не рассказывала. Может, запрещал? Ни одна из её подруг их вместе не видела. Единственный раз сокурник, который пытался за ней ухаживать, заметил, что какой-то бородачатый мужик помахал ей издали, подзывая. И она покорно пошла. Нет, побежала.

В мешерских лесах в трёх километрах от посёлка Пустоша грибник наткнулся на обгоревший остов машины — когда-то это был кромешно-чёрный мерс, который слился с ночью и превратился для дочери в катафалк. Никто не видел, никто не слышал. И всё же собрали кое-какое видео с камер наружного наблюдения. Пробили таинственную машину, у которой часто менялись номера. Обычная рутинная, требующая дедукции. Но группа опоздала всего на сутки — бородач успел свалить к себе в горы. Отправили коллегам запрос, и вот сидят ждут.

Рысин знал, как будут развиваться события дальше. Когда начальнику местного МВД, какому-нибудь Музафару Музафарову доложат, он тут же поднимет трубку и сообщит родственникам подозреваемого. Но бегать бородач не станет, лишь на время забудет дорогу в Москву. Такие, как он, обитают в неприступных родовых замках, окружённые верными абреками. Маленькие шамилы своих ущелий.

Рысин рассматривает ксерокопию паспорта. Ещё безбородый. Твердолобый. Взгляд тяжёлый, чёрные глаза, как дула. Отвратительный тип. Что она в нём нашла? Эх, дура-дура! Дмитрий Иванович допил коньяк, навёл палец на подозреваемого и несколько раз выстрелил, сопровождая спуск воображаемого курка именем убийцы:

«Бадих! Бадих! Бадих!» Достал из сейфа наградной пистолет. Переснял паспортные данные, прибрался и сдал ключи дежурному.

И вот теперь, когда от отпуска оставалась половина, Дмитрий Иванович собрался в тёплые края. Машинально забрасывал вещи в спортивную сумку. На «Стечкина» надел носок и замотал в труники. Взял бинокль и тонкие кожаные перчатки. Вспомнил, как год назад они собирались в Пицунду. У дочки набралось три сумки вместе с раздутой пляжной, ещё одна сумочка на плечо плюс розовый чемоданище на колёсиках против его скромного серого рюкзака.

Рысин полез на антресоли. Вытянул за ухо сиреневую сумку, где лежали дочкины вещи. Вытряхнул яркий ком на диван. Запахи тут же обрели призрачные очертания Веры. Он ловил их, хотел приобнять. Но пляжный кремовый халат сам обнял его махровыми рукавами. Вытащил её весёлый носочек и утёрся. Стал разговаривать с ней... И тут цветной струящийся сон оборвали писклявые звуки зурны и ухающие — барабана. То ли свадьба, то ли какой ещё их праздник. Рысин затворил ставни и зло прихлопнул зелёную муху, влетевшую со звуками, подвернувшимся журналом. Удар был такой силы, что муха вошла в кадр с Гузель Яхиной, украсив ей изумрудом глянцевый лоб. Как только очки не разбились!

До поезда оставалось полтора часа. Сварил кофе, обжёгся. Оставил чашку недопитой. Когда шёл к такси, то в гулкой подворотне услышал фразу, которую втолковывал кому-то в трубку азиат: «Нэт, нэ надо... Умоляю тебя!» Человек исчез, а фраза повисла в воздухе. Плачущее «умоляю, нэ надо» ещё долго звучало в ушах. Дмитрий Иванович физически ощущал, как перелезает через эти, выросшие живой оградой, слова.

Как ехал в поезде, толком не помнил. Так едут издалека на похороны близкого человека. Рассеянная улыбка, холодный луч взгляда за горизонт. Жизнь — как остывающий чай в железном подстаканнике. Степь, полустанки, чёрный чабан, стоящий по колено в кудрявых облаках.

Поезд заскрежетал. На бугорке, постелив ковёр, сидели аксакалы и держали на весу пиалы. Девочка с фарфоровым чайником подбежала к ним, из носика засеребрилась косичка. С верхней полки сказали, что старики приходят сюда из соседних кишлаков посмотреть на поезд. Чтобы состав притормозил, к рельсам стоняют отару. Машинист гудел и ругался. И опять начала зудеть зурна. Играл подросток, стоящий у насыпи. Из окон полетели монетки и конфеты...

Рысину вдруг показалось, что он умер, а поезд уносит его душу в тартарары, где на конечной станции будут встречать каракулевые черти. Но он не найдёт там свою Веру, потому что её светлую душу скорый умчал в противоположном направлении. Дмитрий Иванович обвёл взглядом купе с покойниками. Жёлтые заспанные лица, отупевшие от монотонной дороги. Обтираются влажным полотенцем; выкручивая ножку курице, брызгают жиром; припадая к горлышку, захлёбываются сладкой пеной. Подбородки лоснятся, губы жуют и сплёвывают русские слова:

— Я работал. Зарплата мне не платил. Ходил-ходил к начальника, приду сiju, лаваш из карман ем. Тут вышел Халим, я ему жаловался. Говорю: «Деньги давай!» Халим мне по жопам дал и сказал: «Иди к Мазгару, он тебе ещё премия даст». Завтра опять пойду...

— А вы почему ничего не кушаете, не пьёте? Мне же план надо делать, — тронула его за плечо проводница с маской монголки на широком лице. На её форменной курточке расправил крылышки металлический ангел. Время от времени она натирала его рукавом.

Николай Железняк

Найти проходимца

Рассказы

Объявление о смерти

Услышав о своей смерти, Нино Коррадо очнулся и приподнял голову. Хотя и не до конца протрезвел. В черепе шумело после вчерашнего.

Невнятное бормотание телевизора едва доходило до сознания, но вдруг оказалось — прозвучало отчётливо, — что он погиб в ночном пожаре в собственной квартире в Генуе. Такое кого угодно заставит приподнять чугунную башку и ошалело вслушаться в новость. Он тупо смотрел на экран, где мелькнули несколько его фотографий, затем несколько его картин, с акцентом на их популярность и высокую стоимость.

Полуденное солнце стремилось растворить оранжевую ткань негостеприимно-плотно задёрнутых штор, стараясь проникнуть в гостиничный номер.

Женщина проснулась задолго до него и сейчас лежала, кусая губы и обдумывая дальнейшее. Она пыталась выбраться из-под грузного и потного мужского тела. Нино лежал, закинув на неё ногу и навалившись животом, погрузив лысую голову между грудей, всхрапывая от недостатка воздуха. Каждый раз, когда ей удавалось немного вывернуться, он судорожно за неё цеплялся, так что, в конце концов, оба оказались на самом краю огромной кровати, рискуя сверзиться на пол.

Осознав бесплодность своих попыток, женщина принялась пультом перебирать каналы и остановилась на французском новостном. Тут и подоспело сообщение о трагической смерти храпящего любовника.

«Умер бы раньше — и всё, не поживиться», — усмехнулась она.

К утру, устав от невнятных ночных любовных утех, Нино валялся на постели пьяным полутрупом, делай с ним что хочешь, бери что желаешь. И вот теперь

Николай Железняк — прозаик, драматург. Родился в 1964 году в Новочеркасске Ростовской области. Окончил Радиотехнический институт в Таганроге. Кандидат социологических наук. Печатался в журналах «Дружба народов», «Знамя», «Урал». Автор романов «Большой куш», «Чемоданы», «Гонки на лафетах», «Одинокие следы на заснеженном поле». Лауреат международного литературного Тургеневского конкурса «Бежин луг», премии Министерства культуры РФ по поддержке современной драматургии и других. Живёт в Москве.

Предыдущая публикация в «ДН» — 2022, № 6.

оказалось: он и правда — труп. Сказать, что эта интрига была интересной, — ничего не сказать.

Нино откинулся на спину, не в силах терпеть напряжения шейных мышц. В висках бил набат, он вытер пот со лба и прохрипел:

— Воды дай. Пожалуйста.

Женщина поднялась, не одеваясь подошла к мини-бару, присела на корточки. Тут же подумала, смотрит ли он на изгиб спины.

— Может, виски? — предложила она и помахала маленькой бутылочкой.

— Воды, — потребовал Нино и поелозил мёртвым распухшим языком во рту.

Он в оцепенении пялился на экран, где молодящаяся вдова в прекрасном костюме и с макияжем, укрыв голову чёрным прозрачным платком, замерла в горе, мерно роняя слова о безвременной кончине мужа, известного мастера современной живописи Нино Коррадо. Оказывается, он сгорел в городской квартире, ночуя там после вернисажа в Ницце. Жена утром приехала на пепелище из семейного поместья в предгорьях Альп. Краткая справка о стоимости недвижимости. Свою фамилию синьора Нина Маттео, вступая в брак два года назад, не стала менять. Трогательное совпадение имён располагало друг к другу, хотя муж и был гораздо старше. Прощание с покойным назначено на завтра.

— Что за спешка с похоронами? — фыркнула женщина, присев на кровать.

Нино замахал рукой.

— Ты что, Стефания, не понимаешь, что это — я? — длинная фраза далась с трудом.

— Понимаю как раз.

Новости переключились на конфликты в нестабильных регионах, анонсировав вечерний показ фильма о безвременно оставившем своих почитателей мастере полутонов и светотени Нино Коррадо.

От странных вестей Стефания несколько растерялась, даже торопиться перестала, хотя Андре наверняка уже проявлял нетерпение. Он, должно быть, уже снял деньги с карточек сгоревшего живописца. Перед этим удачно обворованного ею.

Стефания припомнила вчерашний вечер в ресторане. Как они разминулись.

Она ждала на диване в зале возвращения Нино из туалета. А тот, не заметив её в полутьме, прошёл к их столику. Дальше всё происходило как в немом кино. Не успев окликнуть Нино, она видит, как тот спотыкается, падает, летит вперёд, выставив руки, а позади него валится ничком, хватаясь за грудь, метрдотель. Нино расшибается о дверь на террасу и тоже растягивается на полу. Так они и лежали, как два трупа. Перепуганный Нино через мгновение вскакивает, пятится вглубь зала, тычет рукой в темноту кустарника за парапетом террасы и голосит:

— Меня хотели убить! Там, там, убежал...

Правда, он несколько успокаивается, увидев настоящую жертву.

Метрдотель, без сомнения, мёртв, из-под белого смокинга растекается по мраморному полу густо-красное кровавое пятно. Суматоха, крики, визг.

«Неужели именно в Нино вчера стреляли? Вдруг он был прав?»

Полиция придерживалась другого мнения. Метрдотель работал в этом ресторане недавно, он был хорошо известен правоохранителям. Проходил по делу о развратных действиях с малолетками. Привлекался и по другому случаю: пропаже шестилетней девочки из гостиницы, в которой работал ранее. Если по первому эпизоду он был осуждён, но вскоре вышел, то по второму улик оказалось недостаточно, хотя слухи ходили упорные.

Захватив одежду, Стефания пошла в душ. Тонкое платье, подходящее на большую пёструю косынку, комкала, сжимая в кулаке. И покачивала бёдрами, привычная к постоянному вниманию.

Вначале в столпотворении посетителей на выставке Нино Коррадо как-то не обратил внимания на красивую рыжеволосую женщину, она продефилировала между ним и пожилой парой коллекционеров в чёрном.

«Извините», — сказала.

Полуобернувшись, завлекаяще выставила плечо, прижав его к подбородку, слегка приподняла бокал с шампанским в приветствии. Она улыбнулась, но Нино был слишком занят. Он с воодушевлением пояснял замысел картины, заинтересовавшей богатых старичков.

Стефания переменила тактику. Она находилась неподалёку, в виду объекта, вступив в беседу с неизвестным бородатым ценителем прекрасного. Рассчитывала таким образом привлечь внимание, выказывая явное увлечение полотнами маститого художника, родившегося во Франции, а ныне проживающего в соседней Лигурии, красоты которой тот воспеваает в непередаваемом авангардном стиле. Но Нино был занят общением с нужными людьми от аукционного бизнеса.

Наконец, у столика с напитками ей удалось удачно подтолкнуть мастера под локоть. Фужер с шампанским пролился ему на рубашку, и она удачно пошутила: «Одежду уже можно снимать в такую жару». И дотронулась указательным пальцем до груди Нино, метя в сердце. А он рассмеялся: «Благодарю за доставленное удовольствие и подаренную телу прохладу». Она лукаво улыбнулась: «А я летом белья не ношу...»

Отупев от услышанного, Нино выключил звук телевизора. Диктор, как рыба в аквариуме, разевал рот, неся очередную околесицу с новостных фронтов.

Стало отчётливо слышно шуршание воды в душе. Но ещё громче скрипели медленно ворочающиеся мозги, прямо-таки ощущался натужный скрежет цепляющихся друг за дружку извилин.

В поездке по Лазурному берегу Нино задержался, можно считать, в творческой командировке, завершившейся вернисажем. Должен был к полуночи вернуться домой. Но кстати познакомился со Стефанией.

Поначалу он ни на что не рассчитывал, вернее, собирался отбыть в Геную сразу по окончании приёма. Потел в несусветном пекле, вместе с публикой страдая от неработающих кондиционеров. Организаторы что-то бляели в оправдание, пока он не нашёлся и не пошутил, что это их вклад в борьбу с глобальным потеплением и энтропией Вселенной. Он так тяжело переносил температуру в душном помещении, что даже с тоской обдумывал, к сожалению, невозможное: бегство с собственного вернисажа. Но потом, неловко отходя от фуршетного столика, натолкнулся на сексапильную Стефанию. Они болтали, переходя от одной картины к другой. У каждой она задерживалась, долго рассматривала, задавала вопросы, и такое любопытство к его работам будоражило даже больше стройной фигуры и очаровательной улыбки. Она сама рисовала для души и оттого крайне пылливо выспрашивала, как он выбирает сюжеты и как работает.

Наконец, в шутку предложила: «Могу поработать натурщицей для будущего шедевра. Хочу остаться в истории».

Он развёл руками от избытка испытываемых чувств, и тут позвонила жена.

Дарья Верясова

Память о Кавказе

* * *

Старца Эльбруса крутые бока,
Прочный его упор.
Шумную песню пела река
Мне возле самых гор.

А наверху, в ледяной стране,
Гребень стоял в платке.
С яростным солнцем наедине,
С небом накоротке.

Скал голубых неземная строка,
Ветер — один на всех.
Плыли из Грузии облака,
Перетекая в снег.

Время осеннее шло к зиме,
Слышался бег его.
Кроме меня на большой земле
Не было никого.

* * *

Позабытая сказка моя, небылица:
В тёмном небе оранжевый мёд.
Где-то колокол, колокол бьётся, как птица,
Или древняя птица поёт.

А пока в переулках пустынно и гулко —
Слева лестница, справа стена —
Таёт город из прошлого, город-шкатулка
Драгоценного детского сна.

Верясова Дарья Евгеньевна — поэт, прозаик, драматург. Родилась в 1985 году в г. Норильске. Окончила Литинститут им. А. М. Горького. Автор четырёх поэтических сборников, среди них «Погладь кота» (М., 2021), книги монастырской прозы «Великий пост» (М., 2020), нескольких пьес, в том числе для детей, поставленных на сценах российских театров. Участница проектов АСПИР. Лауреат «Илья-премии» (2009), премии «Пушкин в Британии» (2012), премии фонда В. П. Астафьева (2016). Живёт в г. Абакане.

Тает город из воздуха и перламутра,
Прорастают ковыль, бересклет.
И взлетает над миром осеннее утро,
Невесомый серебрянный свет.

Акварелью прозрачной, диковинным словом
Или памятью горькой на вкус
Возле неба Кавказский хребет нарисован,
И вдали нарисован Эльбрус.

* * *

Уехать в Пятигорск на лето,
Хлебать из каждого бювета,
Свои тревоги позабыть.
Питаться воздухом и светом,
И запросто на свете жить.

Не помнить вовсе: что-то, где-то,
И от заката до рассвета,
Храпя, пролёживать кровать.
Читать Тургенева и Фета,
А Лермонтова не читать.

Но самым главным будет это:
Допеть всё то, что не допето,
Допить всё то, что для души.
И пристрелить в себе поэта,
И драматурга придушить.

* * *

Кончается осень, и небо сутулится.
Мне нравятся эти продрогшие улицы.
Туман над горами, листвы кутерьма,
Мне нравятся сонные эти дома.
Кавказское солнце, висящее низко,
Надгробия, памятники, обелиски,
Крутые ступени, тропа наугад,
Янтарный рассвет и лиловый закат.
Беспечных стихов неземная эпоха
И рынка обыденная суматоха.
Машук и Бештау, Юца и Джуца.
Трамваи звенящие, жизнь без конца.

* * *

Время к отъезду, курортников мало,
Стуже назло и дождю напоказ
Роза цветёт как ни в чём не бывало —
Это и есть настоящий Кавказ.

Сыр адыгейский, вино «Пиросмани».
И раскалённому солнцу взамен —
Горы в тумане и город в тумане.
Сойки трещат о грядущей зиме.

* * *

Туман такой — молочная река,
И шагу не ступить наверняка,
И даже рядом голоса не слышно.
Всё это тянется неделю с лишним.
Неделя с лишним — это не беда.
Так на Кавказ приходят холода,
Вступают в город царственно и пышно.
Деревья в ожерельях изо льда.
И я благодарю Тебя, Всевышний,
За то, что Ты привёл меня сюда.

* * *

Я помню тот нехитрый алфавит:
Как город был туманами залит,
И как ступени мокрые скользили,
И в тишине, холодной, как гранит, —
Заброшенного города предзимье.

Я помню это: в небе суета,
Рассвет, готовый с высоты свалиться,
Дрожа всем телом, за чертой черта
Из города уходит темнота
И обнажает улицы и лица.

И над Эльбрусом облака парят,
Вдали его бока белы и голы.
А тут, а тут который век подряд
Игрушечные домики стоят,
Баюкают всамделишные горы.

Я помню, как земля тревожно спит.
Но будет день сиянием умыт
И город будет блеском обозначен.
Я помню тот нехитрый алфавит,
Который для любви, и не иначе.

И всякий перепуганный предмет
На белом свете обретает вещность.
А просто тьма перетекает в свет.
И ничего диковинного нет
В том, что душа перетекает в вечность.

Дмитрий Райц

МОМЕНТЫ УСТАЛОСТИ И ЛЮБВИ. ВТОРАЯ ТЕТРАДЬ

короткие истории

моей жене

*

Не просыпаясь, друг кивнул, что закроет.

Нежные неподвижные листья — осень пока ещё жёлтое лето. Но холодное и сырое, с грандиозной колоннадой мелькомбината и небом светлее и глубже. Чайки — так странно, над реками тоже есть чайки. Разглядев в окне утро, он не может спать.

Горит что-то приятное, листья или дрова. И всё знакомое, щемящее, детское, когда до дачи ходил трамвай. Гаражи, на которых написано мелом «куплю». Протопанная трава. Дождь на крышке чугунного люка. Последнее пиво, кажется, было лишним. В магазине он берёт бутылку «байкала». Вкус газированных шишек. Хлеб на деревянных полках. Крапива у заклеенной объявлениями двери. След собачьей лапы на старом бетоне. Степная трава лезет между ступеньками. Город становится большой старой дачей. Ветхий, заброшенный, случайно сколоченный. Если железо, то ржавое. Женщина кружится, рассыпая овсянку для голубей.

Он хочет описать свои отношения с каждым домом, заводы на гурьевской в разное время дня, каждый осенний рябиновый лист со своим фантастическим цветом, взгляд из миллиона окон на все некрасивые нежные улицы, короткие тропы, тайные дворики, где на скамейке ночью молчали и улыбались, всех людей в этом городе с их усталостью и любовью.

Как передать свою нежность? Как написать, что он видит, — чтобы не получился путеводитель? Чтобы невечный город не забыл его. Несколько точных моментов, по которым, как по косточке динозавра, можно представить целое.

Свет фонаря через тополиные листья. Женщина с большим букетом в тусклом вагоне метро. Мозаика на панельных домах сверкает как огромная рыба. Дома тридцатых годов, изуродованные балконами с утеплением. Тёмные крутые перила в подъездах. Всё это тоже природа. Где асфальт превращается в камни, вырастает степная трава. Тихий печальный город и есть осень. Чтоб полюбить его, нужно поймать красоту увядания и растающих в землю развалин, о которых никто и не скажет, зачем они им. Выцветшие вывески уйгурской кухни. Бетонные блоки с железными петлями. Полукруглые лесенки в буграх старой краски. Облака как горы, гривы и крылья.

Райц Дмитрий Владимирович (1990) родился и живёт в Новосибирске. Окончил Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики. Автор книги «Случай с англичанами» (2020). Печатался в журналах «Новый мир», «Дружба народов», «Урал». Участник проектов АСПИР.

Предыдущая публикация в «ДН» — 2022, № 6.

Вчера на большевистской он смотрел на потоки красных фар, уезжавших в сырой тёмно-серый сумрак, и испугался, что умрёт, как папа, в ужасный осенний день. Когда он долго не пишет, к нему возвращаются безнадежные мысли.

Ободрав горсть рябины, он бросает по ягоде перед собой, это похоже на перебирание чётков. К зиме гроздь рябины будут как ягодные пирожные, каждая под своей горкой снега. Он спокоен и осторожен, — чтобы не расплескать это печальное, острое ощущение жизни, перехватывающее дыхание, радостное, чуткое к чужой боли, волнуемое, творящее.

Мальчик говорит, что пришёл смотреть на закат. Стрелы кранов вращаются как часы. Развалины зарастают кирпичом двадцать первого века. Он проходил здесь тысячу раз, что же тут было? Нежная подсветка, десятки этажей с красными огнями на крышах. Новая вечность. Подрастает газон, степную траву считают здесь сорняками. Перекрёсток военной и шамшиных, откуда не видно ни одного советского здания. Сотни балконов отражают густое вечернее солнце, освещая разрушенные склады. Дождь в царапинах на асфальте, оставленных снегоуборщиком. Свет вывесок торгового центра горит на дороге цветными пятнами.

В киоске у завода «труд» за десять рублей он берёт сигарету. Лучшее время для одной сигареты, дрожащим свежестью утром она даже греет. Ему нравится в своих мягких домашних штанах, безобразных кроссовках растворяться в пространстве. Так он часть природы, города, пейзажа. Листья вылетают из-под колёс как жёлтые бабочки. Тут в «русском фейерверке» когда-то работал друг, он включал покупателям записи взрывов.

У города мало истории, и он не знает, как её помнить. Нет колоколов, с гула которых начинался бы день, — хотя с минарета около школы на пятом уроке пел муэдзин. Не азиатский, не европейский, город как будто не закреплён, может встать и пойти в другой век и на новую реку, Хуанхэ или Дунай. На средневековой башне овощехранилища валяется бутылка от кока-колы. Академию наук строили пленные немцы. Мужчина предлагает фотографироваться с лабрадором в солнцезащитных очках. Вокруг тёмной витрины горит тускло-синий неон — что-то от европейской зимы. Обезьяна кричит в холодном сосновом лесу. Другой мужчина в дорогах туфлях держит плакат: «каждый имеет право на свою долю недр». Старик поёт в метро ночью: «россия, россия, фридом, фридом», — баритон беззаботный. Городу подошла бы гора, пригвоздив его к месту и часу. Среди сосен нелепый фонтан с Горынычем и Кашеем — дар бандитов — на месте последней стоянки Кучума. Следы пальцев царского времени на кирпичках военного городка. Художница расписывает стены сгоревшей каптёрки. Берёза на крыше танковых боксов.

Если утро такое, как это — тишина, холодное солнце и никаких ранних дел, — легко идти по большевистской к речному вокзалу, не торопясь, чувствуя город частью себя и, родившись здесь, не жалеть, что остался. Можно даже поверить, что это судьба. На добролюбова, превращая в слова свет неба в окнах дк попова, рассыпающийся коринфский ордер из штукатурки и кирпичей, мёртвый завод за бирюзовым забором, лоскутное одеяло асфальта, он впервые всерьёз понимает, что он писатель, и судьба его будет писательская.

*

Миша пришёл в пиджаке, с бутылкой водки в кармане, на которую он опирался как на рукоять сабли. Дима не видел его в костюме, наверное, с выпускного. Он прямо со свадьбы. Чьей? Оли. Той самой? Той, той.

Дима зажжёт восточные палочки — тут малость накурено. Чай? Он принёс ещё одну турецкую чашку. Red dead redemption замер на паузе.

Миша так любил её, что думал, не выдержит. Вообще он был тогда не в лучшей форме: обманывал себя, маялся, молчал, хотел быть если другом, то лучшим, был

несчастлив, думал, что это с ним навсегда. Теперь кажется глупым — столько страданий из-за любви.

Комнату освещали гирлянды, развешанные по стенам. Дима открыл балкон, запустив сырую шуршащую уютную темноту.

А сегодня на свадьбе Миша не почувствовал вообще ничего. Без горечи, просто хорошо провёл время. А зачем водка? Так, озорство. Странно — неужели внутри совсем ничего не осталось? Ну и время! Как оно это делает? Пришлось даже приложить усилие, чтобы представить себя женихом.

*

Когда в первый раз провожал её, думал — боже, как далеко! Между домами стужается чернота, дороги пустые, как возвращаться? На детской площадке, в слабом розово-жёлтом свете попросил разрешения и целовал её, как мальчишка. В эту ночь каждый угол и двор, каждая пара шагов — воспоминания. У её дома теперь навсегда свой цвет и лицо, своя эмоция.

О чём она думает? Просто вдруг замолчала, стала серьёзной, даже грустной как будто. Так падает свет фонарей, всё прекрасно.

В эту ночь нет силы вернуться к себе, в тёмную пустую квартиру. Как это произнести? Она открывает дверь в подъезд, и очевидно — без приглашения и вопросов, — что нужно войти. Приятно быть тридцатилетними, не играть и всё понимать.

*

В ночном метро никто не спешит. Одинокие поздние люди опираются на тусклый мрамор. У парня в серых спортивных штанах в пакете игрушечный грузовик. Девушка закрывает глаза и улыбается. Кажется, тоже с квиза. Похожа на Юлю. Андрей не общался с ней очень давно.

Антон стянул сырой капюшон. Ну что же, седьмое место не так обидно, как было второе, когда отставали на балл. «Стара, тупеет разум, Таня». Все поумнели, или сдают они?

Спасибо, что позвал. Не вопрос, Андрей тоже скучал по тому, как кипит голова, по оживлению, по азарту, по нервам. Коллеги предложили — не удержался.

Во тьме появляется поворот, рельсы, округлость тоннеля, толстый кабель вдоль стен. Врывается свет, воздух приходит в движение, с гулким грохотом выезжают последние поезда.

А «бродячая собака» не изменилась — к сожалению или к счастью. Когда уехала Юля? Уже восемь лет Антон не был на квизах. Потом и Настя... Жаль, они были хорошей командой.

Да и вообще жалко: времени, того, что были добрее, нежнее, умнее, как будто невиннее.

В Москве Антон видел Юлю. Юля в порядке — развелась с мужем, работает. У неё с Андреем что-то же было?

В соседнем вагоне человек снимает на телефон своё отражение. Ночью в пустом вагоне точно темнее.

Юля встречалась с Ильёй. Илья хороший человек. А Андрей, он же тоже хороший. Да и куда ему было — до неё...

Они переписывались каждый день, каждый вечер, помногу. Это было что-то серьёзное, совсем не случайное. Да, она говорила Антону.

В окнах метромоста мельтешит мерцающая река. Человек в соседнем вагоне устало смотрит на реку. Стёртые, шершавые поручни вспыхнули. Андрей проехал «речной вокзал». Это был не последний поезд? Нет, ничего.

Всё свистит, скрипит, бьётся — Андрей наклоняется ближе. Говорила — общались, писали. Понимала, что у Андрея были чувства. У неё тоже. К нему. Чувства?

Инна Волошина

Три рассказа

Павлик

Мария Михайловна в сорок лет родила долгожданного сына Павлика. Имя Павлик они утвердили с мужем единодушно, как только врачи определили пол ребёнка. «Павел», — повторяла вслух Мария Михайловна, пробуя имя на звук и пытаясь расслышать в нём будущую судьбу своего первенца. Ей слышалось что-то решительное, но без рыкающего «р» как в Александре и без надменного удвоения упрямых согласных как в Геннадии. А как певуче, тихо и ласково звучит домашний вариант — Павлик, Павлуша.

И вот теперь Мария Михайловна сидела в палате старого московского роддома на Соколе, держала на руках своего новорождённого Павлика, укутанного в больничные пелёнки, и тихо плакала, утирая нос измокшим платком: «Я тебя так ждала! Так ждала! А ты...»

Павлик беспомощно шурился, пытаясь осмотреться вокруг, но мешал слепящий свет больничной лампы над головой. Быстро утомляясь, он покорно прикрывал глаза, прячась в привычной уютности сна, но вскоре в тревоге разлеплял их снова, отзываясь на резкие материнские всхлипы. Он знал тёплую тесноту её утробы, знал успокаивающий стук её сердца, в такт которому билось его собственное, слышал её голос и, откликаясь на его зов, ещё там, в материнском лоне, распознавал единственность этого голоса среди всякого внешнего шума. Но сейчас эти новые резкие звуки сильно пугали его, оставляя чувство прерванного безмятежного покоя, словно он попал в чужой и негостеприимный мир.

Врачи сообщили Марии Михайловне, что у её сына синдром Дауна, и стали уговаривать подписать отказ от ребёнка. «Ну что Вы, — обволакивающе журчала врачиха с голубыми прозрачными глазами, — он же, — она запнулась на секунду, подбирая слова, — интеллектуально притушенный, скажем так, и никогда не сможет вписаться в этот мир. Давайте говорить откровенно: он почти ни к чему не будет способен, и вы вместе с ним сгинете на обочине жизни, похоронив и своё замужество, и карьеру. Вашу жертву он не в состоянии будет оценить. А в интернате ему обеспечен уход, и вы сможете навещать его, когда захотите».

Мария Михайловна до вечера не решалась сообщить мужу горькую весть. Муж, директор крупного научно-исследовательского института, по жизни торжествующий, побеждающий, повелевающий, скорее всего, не согласится растить сына-дауна.

Инна Волошина — журналист, искусствовед. Окончила Кейптаунский государственный университет, факультет истории искусств. Автор искусствоведческого цикла и цикла интервью в журнале «Фома». Печаталась в журналах «Знамя», «Юность». Живёт в Москве.

В «Дружбе народов» публикуется впервые.

Во время кормления в палате на руках у матери Павлик чувал что-то недоброе. Мутным потоком слова и слёзы текли над его головой. Он останавливал взгляд на матери, ожидая, что его окликнут, как раньше, тёплым родным голосом и он тут же успокоится, радуясь бессмыслице солнечных плавающих зайчиков на стене.

Сына Мария Михайловна из роддома забрала. Она была перспективным учёным, лингвистом, недавно диссертацию защитила. Жизнь тогда многое сулила: второй брак, статусный муж, её научная карьера, долгожданный первенец после двух выкидышей. Но сбылось всё как в кривом зеркале: с работы пришлось уйти, муж с появлением Павлика недобро замкнулся в себе, пропадая в институте до позднего вечера, спасаясь от своего неудавшегося отцовства. И лишь в широко расставленных глазах обойдённого везением Павлика не было ни беспокойства, ни страха.

Первые месяцы Мария Михайловна жила с постоянной болью в душе. Она нарочно перебежала дорогу на красный свет, надеясь, что шальная машина покончит с этой беспрерывно дрящейся мукой.

Когда Павлик чуть подрос, она выходила с ним гулять, дожидаясь темноты, боясь признаться самой себе, что стесняется сына. Шёл 1979 год. Таких детей, как её Павлик, и не видно было на московских улицах. Напуганные диагнозом, сулящим одни лишь тяготы в не верящей слезам стране, родители поспешно подписывали отказ от своих подбракованных новорождённых и убегали от них прочь, замуровывая в глухой норе памяти надежды на счастливое родительство. Их дети доживали свой век в казённых домах, где без надобности гасли их слюнявые, нелепые улыбки, и Господь, сжалившись, вскоре забирал эти бесприютные души к себе.

А Павлик улыбался часто. Поздним вечером, дорываясь до детской площадки в опустевшем дворе, радостно вторя матери, он гортанно выкрикивал восторженное «ух», раскручиваясь на облезлой карусельной лошадке, пролетая мимо ярких огней вечерних окон. Он радовался вертлявой болонке, вышедшей на прогулку перед сном и, тыкая в неё пальцем, глухо выкрикивал неясные полуслова, сглатывая от волнения буквы и слоги, пока хозяйка с напряжённым лицом не уводила свою моську подальше от его чрезмерных восторгов. Мать окриком звала Павлика, и он возвращался. Он был послушным и кротким, её Павлик.

В надежде побороть природу и судьбу Мария Михайловна ни на миг не оставляла сына в покое.

В девять лет Павлик, коверкая труднопроизносимые слова, декламировал перед гостями «Молчание» Тютчева. «Как сердцу высказать себя? Другому как понять тебя?» — на этих строчках он проникновенно прикрывал глаза и, как учила его мать, театрально прикладывая руку к груди, показывая, что вслушивается в сокровенную жизнь своего сердца. Торжествующая Мария Михайловна давно перестала стесняться сына и даже, напротив, демонстрировала перед знакомыми и родными — что ей удалось сотворить из своего безнадежного дурачка. Он научился наигрывать на пианино нехитрые песенки, и Мария Михайловна часами заставляла его разучивать гаммы, уверенная, что знание музыкальных гармоний каким-то неясным путём приблизит его и к гармонии житейской. Ещё она записала его в секцию плавания, где Павлик показывал заметные успехи.

Сын стал её проектом. Героическим замыслом. Все неизжитые силы она отдавала только ему. Муж, когда Павлику исполнилось три года, ушёл от неё к молодой сотруднице своего института, пообещав сыну щедрое пожизненное обеспечение. Его уход лишь укрепил решимость Марии Михайловны отстоять своего неотмирного Павлика перед всем белым светом.

С перестройкой в стране отношение к даунам медленно менялось. От первоначального испуга общество поворачивалось к приятию и сочувствию.

— Наконец-то доросли до Европы, — при случае покровительственно роняла Мария Михайловна, чувствуя своё прогрессивное превосходство над непросвещёнными соотечественниками.

Повзрослевший Павлик теперь играл в особом театре, где все актёры были с синдромом Дауна. В шекспировском «Гамлете» он играл самого принца. Вечерами перед спектаклем Мария Михайловна часами репетировала с Павликом Гамлетовские монологи. На сцене сын появлялся в длинной мантии, величаво, как и подобает принцу, произносил заученные реплики, стараясь соответствовать режиссёрскому замыслу. Вряд ли понимая до конца Гамлетовские раздумья, Павлик тем не менее играл свою роль проникновенно, переживая некое смутное таинственное преображение. На его почти девическое лицо время от времени слетала страдальческая улыбка. Во всей фигуре, в движениях, в позах появлялась какая-то трагическая одухотворённость. Казалось, он, вырастая из своего неуклюжего тела, сам того не ведая, откликнулся на зов чего-то значительного и потаённого в себе. По окончании спектакля для Марии Михайловны наступало время триумфа: Павлик торжественно выходил на поклон вместе с остальными актёрами. Растроганные зрители с просветлёнными лицами несли ему цветы, чувствуя себя причастными к благому коллективному делу. Мария Михайловна, сидя в первом ряду в неизменных слезах, озирала зал. А после в фойе давала интервью журналистам: «Вы поймите, он же живёт на сцене! И действительно ощущает себя принцем! Он там принц!» — восклицала она, держась при этом так величаво, словно и сама была королевских кровей.

Ежегодно Павлик участвовал в различных соревнованиях по плаванию, и на него сыпались призы и награды. Мария Михайловна выделила полку в гостиной, где во всей полноте была представлена галерея его спортивных побед.

Небывалая радость случилась в 2004-м. Её сына включили в паралимпийскую сборную. Соревнования проходили в Афинах. Мария Михайловна по такому случаю купила себе нарядное пепельно-розовое платье, подобрала туфли, продумала аксессуары до последней мелочи, готовясь праздновать их с Павликом победу. Она в неё очень верила. В ней тогда сквозила особая молодость и даже залихватский какой-то задор, адресованный то ли бывшему мужу, то ли судьбе, а то ли самому Богу. Её Павлик — олимпиец! Как тот хромым, хилым, невзрачным греческий бог, он сам стал кузнецом своего счастья. Вот оно — неоспоримое свидетельство правильности всех её жизненных решений!

Афины встретили щедростью южных красок. В день финальных соревнований Мария Михайловна сидела в первом ряду среди болельщиков и неотрывно следила, как её Павлик, мерно и слаженно работая руками, уверенно первым идёт к финишу. Она уже предчувствовала победу.

И тут случилось непредвиденное. Услышав обращённые к нему крики болельщиков с трибун, всегда отзывчивый на чужую радость, Павлик вдруг остановился на середине дорожки и, забыв о соревнованиях, стал ответно приветствовать зрителей. Словно обитатель иного, не порушенного в своей простоте мира, весь отдавшись нахлынувшему восторгу, он махал руками, мычал что-то в ответ болельщикам и улыбался счастливой улыбкой во всю широту рта. В глазах его было столько ликования, что растроганные зрители в первом ряду стали посылать ему воздушные поцелуи, и Павлик, подхватывая этих бесплотных мотыльков людской благодарности, мокрой рукой щедро разбрызгивал их обратно. Он очнулся, лишь когда услышал отчаянный крик матери:

— Дурак! — вопила раскрасневшаяся, всклокоченная Мария Михайловна из первого ряда. — Плыви! Плыви к финишу! Не останавливайся!

Безнадёжно проигравший, мокрый и счастливый, поёживаясь от холода, Павлик вылез из бассейна и в сопровождении тренера торопливыми шажками побежал в раздевалку. За ограждениями зрительских рядов, где-то совсем рядом, взвизывалась мать:

— Идиот! Ты же за команду выступал! За Россию! Понимаешь? Ты мог бы прийти первым! А ты! — разочарованно почти плакала Мария Михайловна, как в тот день в роддоме, когда первый раз взглянула на своего новорождённого сына.

Мария Затонская

ВЫХОДНЫЕ ЖИЗНИ

* * *

где бы я до этого ни была
я всегда прихожу сюда как будто нигде не была
табличка птицы сарова беркут дятел и утка
снова и снова дрожат солнечные паутинки
пришивающие куст к кусту

я молчу но они знают всё о моём пути
о прошлом из которого выхода не найти
о будущем ещё намечающемся впереди
уже обступает
глаза закроешь окажешься где
растерянно пялящийся в темноте
обязанный собственным временем
чужим сном
кто там

старики плетутся мужик с собакой прошёл
листья мягкие на дорожке, шишки тугие ещё
если бы так можно было
чтоб просто и хорошо
мушек считать на лавочке и прочая ерунда
вывалился из времени и не ходи туда

* * *

это так кажется —
ничем не наполнен ландшафт
но в глубине его вьюжные груши висят
хрусткая мякоть блестящая на острие
вышка электростанции тонущая в тумане
так они все
умещаются в окне

Затонская Мария Романовна — поэт. Родилась в 1991 году в г. Сарове. Окончила Государственный институт русского языка им. А.С.Пушкина в Москве. Публиковалась в журналах «Арион», «Новый мир», «Звезда», «Знамя» и др. Автор трёх книг стихов, среди них «Люди идут по облаку» (М., 2023). Главный редактор журнала «Пролиткульт». Победительница Национальной премии «Русские рифмы» (2019) и Международной литературной премии им. Иннокентия Анненского (2021). Живёт в г. Сарове.

глупые глупости
несуществующие штучки
больше и больше будто бы зарабатываешь очки
будто и в самом деле исчезнешь если не разглядишь

порхающие чёрточки человечков
над ними космические сачки

* * *

совершенно неясно откуда берётся
и дорога, и поле с обеих её сторон
ночной автобус навстречу
надвигается как пожар
остальное темно так и едешь долгое время

долгое время понедельника вторника или
любое другое кажется точно таким
а захочешь пройтись какие-то сумки в проходе
а захочешь поговорить требуют тишины

спать
спать

может проснусь куда-то
если на той стороне уже рассвело
люди двигаются медленные как даты
как поле которое уже замело

* * *

забыть тебя кажется
величайшим благом на свете
всё вроде бы как прежде
но тебя вырезали из памяти
из прошлого будущего
и я никогда не пойму
почему чувствую так

будто не хватает какой-то важной детали
всё выстраивается не до конца
живу в кривом доме не снимая кривого лица
во дворе кривые пьяницы
привыкаю
к ощущению кривизны

иногда только вспомнятся
линии длинные как самолётный след
откуда я это знаю

кого здесь нет

* * *

ты удаляешься с той стороны сна
переодеваешь лицо отходишь от дерева и идёшь домой
так наступает весна и мирное время
выходные жизни — нужно дышать легко

а здесь я плыву по льду и растягивая пространство
медленные конькобежцы движутся на острие звука
по музыке и зима проходящая как разлука
успевает до окончания сеанса

* * *

что у тебя есть кроме этого
собственного отражения
которое привирает
глаза в которых тоска
рука поправляющая причёску
мне же так хорошо мне так кажется
что же тебе всё кажется
почему ты никак
не совпадёшь со мной

* * *

здесь было что-то важное
ровно на этом месте
ещё доносится запах
привкус ещё остаётся
тёплые яблоки из чужого сада
иногда во сне приходит
и долго ещё так ходит
уже бестелесное безымянное
такое какое-то понятие
чёрт его разберёт
был какой-то —
стоял в снегу
подойди говорю говорит не могу
сначала оставались одни только губы
на них нарастали сугробы
их расчищали
мало помалу
расширялись дали

какое большое место
неужели это всё мне

Тимур Максюттов

Два рассказа

Орлик

В тот год зима пришла жестокая. Столбик термометра скукожился кровавой каплей в самом низу, солнце укуталось серой хмарью и дрожало. Обь замёрзла, новосибирцы могли ходить друг к другу в гости без моста, если бы набрались сил.

Мама одевала меня долго и тщательно, столько на мне было всего, от дурацких колготок до платка под меховой шапкой с завязками, что я походил на капусту: много-много слоёв одежды, и где-то глубоко внутри ребёнок-кочерыжка.

Новенькие валенки не гнулись, заставляя передвигаться рывками; на мир я смотрел сквозь узкую смотровую щель, окантованную серебристым инеем. Но ворону увидел. Она сидела на покрытой изморозью ветке, совершенно остекленевшая от пятидесятиградусного мороза. Ворона походила на ёлочную игрушку: такая же неподвижная, и глаза уже неживые. А потом взяла и упала.

Ворону мы с мамой выбрали и понесли в подъезд отогреться. Дверь не открывалась, примёрзла. Мама велела поддержать ворону, пока дёрнула ручку; ворона была тяжёлая и вся рассыпалась на льдинки-перья, но я справился; дверь оторвалась с треском, словно навсегда сроднилась с косяком. Потом спасённая ворона ходила по общежитию, строго осматривала кухню и хрипло ворчала на жильцов (каркать пока не могла), словно ревизор от профкома.

Мама дверь открыла, а Лиза не смогла. Она выскочила за хлебом на минуточку, накинув пальто на плечи, дверь опять примёрзла; Лиза быстро обессилела, выронила хлеб и села на крыльцо, слёзы стали льдинками. Её спасли вернувшиеся со смены соседи, привели на кухню, поставили в таз и принялись поливать водой из чайника; примёрзшие чулки отрывались розовыми полосками вместе с кожей.

Я закричал, заплакал. Лиза теперь умрёт, а ведь я любил её, она была весёлая и пела мне песню про сотню юных бойцов из будённовских войск, храбрых красных кавалеристов. Убежал в нашу комнату, забился под кровать и остекленел, как та ворона. Меня нашли, обняли, пытались накормить печеньем, что-то спрашивали, но я не хотел ни с кем разговаривать в мире, где умирают добрые и красивые Лизы.

Максюттов Тимур Ясавеевич родился в Ленинграде в 1965 году. Вырос в Таллине. Окончил высшее военное училище (1986), служил в Забайкалье, на Урале, в Монголии. Капитан запаса. Публиковался в журналах «Дружба народов» и «Новый мир». Автор книг «Ограниченный контингент» (2013), «Офицерская баллада» (2016), «Спассти космонавта», «Нашествие» (2017) и др. Лауреат ряда литературных премий. Живёт в Санкт-Петербурге.

Предыдущая публикация в «ДН» — 2022, № 5.

И даже появление улыбающейся потрескавшимися губами живой Лизы не исправило ситуацию.

Мир скукожился, словно замёрз.

* * *

Тогда папа принёс Орлика. То есть ещё не Орлика.

Папа долго шуршал бумагой, снимая покровы, бумаги было много, целая серая гора. Что-то прикручивал отвёрткой. Наконец сказал «готово» и поставил его посреди комнаты.

— Масти гнейдой, — непонятно сказал папа. — Красавец.

— Значит, будет Гнедич, — ещё непонятнее сказала мама. — В честь переводчика «Илиады».

— У вас, филологов, узок взгляд, одни древние гомеры на уме. Лучше пусть будет Дау, в честь Льва Давидовича.

— Троицкого?!

— Вот ещё, — фыркнул папа. — Ландау! Слышишь: «дау-дау» — это же как копыта стучат.

Я, наконец, догадался, что они придумывают имя. Подошёл. У него были чёрные густые грива и хвост, а всё остальное коричневое. Сияющее, заманчивое, праздничное, как шоколадка.

Я заглянул коню в глаза. И увидел. Услышал. Почувствовал.

Как скачут на разведку юные будённовцы, чтобы победить и умереть в последнем бою.

Как колышется морем степной ковыль, злой ветер бьёт в лицо горькой полынью и пороховым дымом, скрипит потёртое седло и звякает жаждущее боя оружие.

Я погладил гриву и взобрался в седло. Я посмотрел на мир, вперёд, туда, где между ушами скакуна видна единственно верная дорога.

— Его зовут Орлик. Это мой конь.

Возражений не было.

* * *

Сабля красная, пластмассовая; красных сабель не бывает, сразу видно, что игрушечная. Зато бинокль чёрный, большой, почти как настоящий. Смотришь в него и видишь самый конец длинного коридора, где у стенки стоят чудесно пахнущие смолой лыжи и палки с бамбуковыми суставами.

А на груди папин значок «Победителю социалистического соревнования», большой, тяжёлый, словно орден Боевого Красного Знамени. Орлик устало скрипит колёсами, — были у нас сегодня и долгий марш по вражеским тылам, и лихие атаки.

— О, Тимурка прискакал. Возьми конфетку, сладкая. Называется смешно: «А ну-ка, отними».

— Красные командиры конфетки не едят. Лучше чёрного хлеба горбушку.

— Ох, суров! На.

Я давлось сухой горбушкой. Конфета была бы слаще, конечно. Но положение обязывает. Решаюсь.

— Лиза, тебе никуда не надо? В Красный уголок, например? Садись, я подвезу.

Лиза вздыхает. Наклоняется ко мне, ароматный локон щекочет щёку, у меня перехватывает дыхание и сердце пропускает удар.

— Я уже слишком взрослая для тебя, Тимурка. Да и Орлик твой устал подвиги совершать, не потянете вы меня. Вот, Танюшку покатай.

Танюшке тоже четыре, как и мне. Она толстая, пахнет кашей, одни дурацкие куклы на уме. Мой револьвер называет пестиком, позорище.

Но Лизе не отказать. Сажаю Танюшку перед седлом и везу на кухню, отталкиваясь от дощатого пола. Колёсики Орлика надрывно визжат.

* * *

В самолёте я сел у окна. Конфетки перед взлётом раздавала тётенька в синей форме; красивая, конечно, но не Лиза.

Облака громоздились гигантскими сугробами, мы с Орликом пробивались сквозь буран, там, за снеговой стеной, ждали подмоги наши. Мы пробились, и солнце стало наградой.

Потом мы ловили чемоданы, которые катались на бесконечной резиновой ленте. Мама сказала:

— Ужас как много багажа. Как же мы справимся?

Я хотел сказать, что надо достать Орлика и погрузить вещи на него, он сможет, но тут пришёл суровый дядя в фуражке, подхватил все наши чемоданы и потащил. Он шёл не оглядываясь, широкими шагами, а мы бежали следом, мама крепко держала меня за руку, народу вокруг было страсть как много, и все потные, сердитые, сосредоточенные.

Дядя оказался таксистом, говорил мало, со странным акцентом, нараспев.

— Тоомпеа, — сказал дядя. — Вышгород. Наш самок.

«Замок», понял я. Прилип к стеклу и смотрел на серые древние стены, на башни с черепичными крышами. Я попал в сказку про рыцарей, и мы с Орликом не должны были ударить в грязь лицом. Надо будет сделать щит из картонной коробки. Да и меч не помешает: красная сабля не очень подходит для рыцарских поединков.

Потом мама разбирала чемоданы, носила вещи в шкаф. Устала, села на диван и сказала:

— Ну вот и всё. Привыкай, Тимурка, это теперь наш новый дом.

Я заглянул в пустые чемоданы и в шкаф. Два раза. Но не нашёл.

— Чего ты ищешь?

— Орлика, конечно. Не понимаю, куда он делся.

Мама вздохнула. Обняла меня и сказала:

— Понимаешь, сын, он слишком большой. Его бы не взяли в багаж. Он остался в Новосибирске.

Я не поверил. Вырвался из маминых объятий, снова заглянул в чемоданы, шкаф и даже под коврик.

Орлика вправду не было. Нигде.

Я зарыдал. Как можно забрать кучу ненужных вещей и дурацких книг, но не взять друга?!

Мама обняла, говорила что-то; я не слышал, вскочил, принёс тетрадку и карандаш.

— Пиши.

— Что писать, сын?

— Письмо папе. Чтобы срочно приехал и привёз. Папа сильный, большой, ему разрешат взять Орлика в самолёт.

Мама ответила не сразу. Зачем-то достала платочек и промокнула глаза.

— Папа срочно не приедет, сын. Он вообще никогда не приедет. Он больше с нами не живёт.

Я остекленел. Хотелось забиться под диван и рыдать, но мама заплакала раньше. Поэтому я принёс воды, сел рядом, гладил её вздрагивающее плечо. Говорил где-то услышанные чужие слова:

— Ничего, ничего. Всё образуется.

А сам подумал: вырасту, поеду в Новосибирск. Отберу у папы Орлика. И не скажу папе ни единого слова.

Только посмотрю ему в глаза.

* * *

Мягко шлёпают копыта Орлика, звякает сбруя. Тучи-разведчики несутся над нами, выглядывают врага; дремлют в колчанах остроносые стрелы, ветер звенит тугой тетивой.

Великая Степь рысью идёт на запад, нет числа нашим туменам, нет преграды могучему натиску. Эй, жители тесных городов! Не спасут ваши каменные стены, не уберегут ваши печальные боги, приколотенные к крестам. Огонь и смерть несём вам! Встаньте на колени, подчинитесь стальному натиску, покоритесь воле Океан-хана! Алга!

Орлик хрипит, роняя пену: нескончаем поход, бесконечны пыльные степные вёрсты...

...Просыпаюсь, сажусь на заскрипевшей койке. Сердце колотится. В кунге жарко, храпят соседи, здоровенные мужики, смертельно уставшие.

Двое суток марша по пустыне, бесконечные вводные посредников из округа. Стрёкот «крокодилов» над головой, натужный рёв дизелей, пыль до неба над бронеколонной. Армейские учения. Мы идём на запад по пустыне Гоби. Заняли рубеж, рыли окопы, двое суток без сна, только коснулся щекой казённой подушки — отрубился.

Отчего проснулся? Будто гнедой Орлик коснулся мягкими губами, дохнул в ухо: «Вставай, друг! Опасность!»

Выбрался из кунга. Часовой дремлет, упёршись лбом в зелёный борт, автомат свешивается никчёмной палкой. Рассвет осторожно трогает розовыми пальцами сереющее небо.

Тихо. Только шуршат камешки под берцем вражеского разведчика.

— Штаб, подъём! Тревога!

Диверсантов повязали. Небритые парни из Сайншандинской роты спецназа ГРУ. Тоже смертельно устали за неделю учений, сдались без особого сопротивления.

— Как ты просёк, старлей? У ребят два штаба на счету, профессионалы, а на нас зубы сломали.

— Мой конь предупредил. Орлик.

— Какой ещё конь?! В отпуск тебе надо.

Я улыбаюсь, смотрю в синее монгольское небо. Где-то звенят подковы: цок-цок-цок.

* * *

Если устал, если вокруг обман и глупость, если годы разочарований навалились на плечи стотонным грузом...

Если кончились силы, кончились остроносые стрелы в колчане, затупилась красная пластмассовая сабля, а желанная красавица отказалась ехать с тобой...

Татьяна Шапошникова

Тот, кто сильнее

Рассказ

Серёга из триста двадцатой квартиры был уверен, что к своим сорока пережил немало, хватит на его долю, так что какие бы бури ни сотрясали его и порядок его вещей, а хоть бы и до основания, всякий раз он находил силы и средства продолжить намеченный кем-то свыше для него путь. Убеждался, что фундамент цел, — и строился заново.

К последней встряске он оказался не готов.

Неприятности начались в конце сентября, когда Костик, сосед сверху, вдруг перестал в предрассветной тишине обрушиваться с кровати на пол. Серёгинский организм, помимо самого Серёги, по многолетней привычке просыпался за мгновение до этого падения, будто от толчка, по неслышному таинственному сигналу. Теперь же напряжённый, взмокший Серёга вслушивался в ночь — повисала неестественная, пугающая тишина, особенно та, что шла из квартиры сверху. Тишина эта никуда не девалась, Серёга ворочался, всё естество его недоумевало, ждало, когда Костик рухнет и можно будет, наконец, уснуть, теперь уже до утра.

А всё дело в том, что рухнула Костикова семья.

— Как в кино! Как в романе! — вращая глазами, восклицала Людмила Зиновьевна, бывшая учительница Костика и Серёги, в прошлом гроза местных школьников, как успевающих, так и не очень, а ныне старушка на пенсии, по четыре раза в день выгуливающая своего пуделя. Несчастный жался к ногам Людмилы Зиновьевны, сразу видно — устал, но Людмила Зиновьевна домой не спешила — не могла оторваться от созерцания подлинной жизни, бурлящей вокруг, а в её однушку уж сколько лет не заглядывающей.

Соседи волнение Людмилы Зиновьевны разделяли. Ещё бы! Столько лет прожить с человеком бок о бок, и вдруг оказывается, что совсем не знать его. Изумлённые, они беспомощно поглядывали друг на друга — не узнавали в Костике Костика. Даже помыслить не могли, что он оказался на такое способен! Неузнавание это и нервировало,

Шапошникова Татьяна Викторовна — редактор, прозаик. Родилась в Ленинграде. Окончила Северо-Западный институт печати. Автор сборников рассказов «По чёрным листьям», «Последний аргумент» и книги прозы «Багатель». Печаталась в журналах «Звезда», «Урал» и др. Лауреат премии журнала «Звезда» за 2016 год. Живёт в Санкт-Петербурге.

Предыдущая публикация в «ДН» — 2021, № 1.

и отрезвляло, и порождало панические слухи одновременно. Люди подолгу шушукались о произошедшем — во дворе, на подъездных лавочках, в магазинах, на кухнях.

На их отдалённой рабочей окраине Рыбацкого все друг друга знали как облупленных, во всяком случае, так казалось Серёге, родившемуся здесь. Четыре школы, три училища, две поликлиники, шайба — бывший универсальный магазин, теперь сборище арендаторов во всех коридорных кишках, как будто мало отдельно стоящих торгующих стекляшек. По две аптеки на каждой улице. МРТ всего организма — скидка семьдесят процентов. «Дом на набережной» — высотка, построенная на месте огромной спортивной площадки его юности. И, конечно же, церковь-новодел, куда без неё! Серёга родился в Рыбацком, жена его Ольга, их родители, Серёга из двести семнадцатой, Людмила Зиновьевна, Валерка из восьмого дома — всех не перечислишь. Это счастье, что теперь у совсем взрослого Серёги — машина. Пока добежишь до метро, сколько раз вынужден будешь поздороваться. Суровый, неразговорчивый Серёга общаться не любил.

Костик, конечно, отчебучил. В ночь, следующую сразу после объявления частичной мобилизации, Костик исчез и на связь не выходил. Как и его мамаша. Однако тишина в квартире сверху беспокоила Серёгу недолго. Скоро там начал кричать ребёнок — орать ночи напролёт. С удивлением и тайным негодованием Серёга узнал, что у Костики, оказывается, «уже трое». А возвращаясь с работы, Серёга стал чуть не каждый вечер обнаруживать на своей кухне Костикову жену Маринку с младенцем на руках. Тяжёлым взглядом Серёга выдавливал Маринку вон, но (неужели?) в соседней комнате, комнате его дочери Польки, продолжали раздаваться беспечные голоса старших Костиковых отпрысков. А когда Ольга, наконец, выпроваживала непрошенных гостей восвояси, то шла с ними и назад не спешила — кто же ещё поможет с новорождённым, пока Маринка сходит в душ?

Если честно, чужие дети Серёгу бесили. Раздосадованный донельзя, Серёга хлопал дверью в гостиной, он называл это «у себя», — там же он обычно укрывался от Ольгиных многочисленных подруг — и уговаривал себя потерпеть: «Уйдут же они когда-нибудь». Но подруги ладно — пришли и ушли. А что касается фактически поселившихся у них чужих детей — тут Серёга был категорически против. Он скрежетал зубами и прибавлял громкость телевизора. Чёрт бы побрал этого Костики! Не мог, что ли, играть в прятки дома: качал бы младенца, бельё развешивал, воду кипятил, картошку чистил! Звонок в дверь — сразу под кровать! А так его, дегенерата, ещё и с работы уволили.

И Серёга отчаянно тосковал по прежнему укладу. Когда он вваливался вечерами, как всегда, после трудового дня и пробок, злющий, издёрганный — в тёплое нутро своей берлоги и на него с воплем бросалась Полька и повисала, — Серёга молча терпел восторги и ласки дочери, никак не отвечая на них, мешающих ему раздеваться, да и нога гудела отчаянно. Он проходил в ванную, потом в кухню, Полька трещала без умолку, пока он ел, жизнь явно налаживалась — и вот он уже отвечал дочке и вступал в разговор, и скоро уже сам что-то бубнил. После ужина послушно шёл за дочкой к ней в комнату, потом к жене, — и всюду за ним с завидной настойчивостью следовал рыжий кот Людвиг, подобранный им четыре года назад на железнодорожных путях, не кот, а собака, честное слово. И да, Серёга приходил в себя. А иногда, глубокими вечерами, когда убаюканная Полька давно спала в своей постели и взрослые смотрели кино на диване с баночкой любимого пива в руке, Серёгу охватывало чувство, которое в романах, что нет-нет да почитывала его жена, называлось, он запомнил, полнотой жизни: он был счастлив.

Теперь же ночами, слыша вопли младенца и растравляя себя, Серёга снова и снова вопрошал кого-то невидимого: доколе?! Естественно, долго это не продлилось, и однажды Серёга перекричал младенца — высказал всё, что он думает: о Костике, о Маринке — и даже о жене своей Ольге. На какое-то время спокойствие восстановилось: Маринка, видимо, стала укачивать младенца подальше от комнаты, в которой Серёга спал. И детей не приводила, — или они толкались в Серёгиной квартире днём, в отсутствие хозяина.

Но тут бабахнуло снова. После двух месяцев отсутствия с выключенной телефонной трубкой Костик вернулся. И теперь Серёгу и Ольгу преследовали крики не только новорождённого, но и его родителей: скандалы сверху не прекращались ни днём, ни ночью, ни во время завтрака, когда невыспавшийся и опаздывающий Серёга метался по кухне и предметы падали у него из рук (нога давала о себе знать уже с утра), и он с руганью шарил по полу в их поиске.

— Убирайся! — вопила Маринка и топала ногами, неистово рыдая.

Младенец заходился криком, и Серёга с Ольгой многозначительно переглядывались.

И снова Маринка торчала на их кухне, проливая слёзы. Ольга учила её уму-разуму. Только вот чему одна дура могла научить другую?

Жена его, Ольга, не отличалась практической сметкой. Она, как это сейчас красиво называется, искала себя. Всю жизнь. Всё время чему-то училась. Результат — бесконечная трата денег и времени. Когда они поженились, она шила и мечтала о карьере дизайнера одежды. Потом посещала вокал. Дальше — курсы риторики. Затем выучилась фотографии, купила профессиональную камеру в кредит, даже не посоветовавшись с мужем. И вроде бы нашла себя: занялась портретной съёмкой. Так нет! Чуть больше года назад связалась с косметикой, распространяемой по каталогу. А это уже была секта, потому что продажа осуществлялась в команде, работа организовывалась среди женщин под видом обучения, совершенствования, девичников, совместных посиделок, дурацких праздников по поводу и без. Серёга запрещал, не давал денег, не отпускал, да только всё без толку.

— Займись ребёнком! — кричал он, когда жене следовало сесть с Полькой за чтение, а вместо этого она, расфуфыренная и наштукатуренная, в «проституточьих» серьгах, «выходила в эфир» с телефона. Пару раз он даже эффектно завершил эти «эфир» — врвался в комнату и выхватывал у неё из рук телефон, как он надеялся, на самом интересном месте.

Серёге было стыдно, что его жена продаёт людям косметику. Ладно бы ещё в городе, но в родном Рыбацком, где их и так многие знали, а теперь, благодаря Ольгиным маркетинговым ходам, узнали ещё вот с такой стороны... Серёга гнал от себя противные мысли, но они сами лезли в голову. И он не умел с ними справляться.

Ольга же, как предписывали каноны трансатлантической фирмы, никакой неловкости не испытывала, ведь она помогала людям. Она дарила миру красоту, а всем желающим женщинам — ещё и свободу от мужчин, собственный доход; всё это, по её мнению, вело к пробуждению у прекрасной половины человечества таких утраченных ныне добродетелей, как красота души, отзывчивость и — не показная, а подлинная любовь к людям.

Ну а как же Полька? Серёге не давала покоя худоба дочери и бледность, отдающая голубизной. Жена же, по его мнению, только усугубляла болезни ребёнка. Придумала какую-то аллергию, да не простую, а такую, при которой лечиться надо только у гомеопата (пять тысяч за очный приём, три — по телефону). Серёга слушал

Ольгины мудрёные объяснения, почему ребёнку нельзя дать лекарство, согласно рекламному ролику, помогающее всем и каждому, не понимал, начинал волноваться, стучать кулаком по столешнице, потом хлопать дверью.

Болела Польша каждые три недели. Когда температура у неё переваливала на четвёртые сутки, у Серёги начиналась истерика. В позапрошлый вторник, как только Ольга отвернулась, он добавил сироп ибупрофена ребёнку в чай — и с их порозовевшей сияющей Полькой тоже можно было бы снимать видео.

Отдушина поджидала Серёгу опять-таки в полумраке гостиной — в компании говорящего табло с баночкой напитка, расставляющего всё по своим местам. По телевизору с некоторых пор гоняли одно и то же: стрельба, карты военных действий, обучение новобранцев, свидетельства убийств гражданского населения, переполненные военные госпитали, оружие, военные заводы. И, конечно, разговоры в кабинетах: переговоры, аналитика, интервью. И, конечно, пышные похороны героев. Серёга уже не умирал к вечеру, а напрямик шёл к экрану, ловил каждое слово, шевелил губами. И однажды ночью волною сделанных открытий его ударило так, что прошибло броню, которой он столько времени защищался от жизни. От взрыва внутри него образовалась бездна, а когда дым рассеялся, он увидел себя, маленького, беспомощного человечка, балансирующим на краю этой бездны. Это был конец.

Теперь он точно знал, что сразу же после новогодних праздников будет объявлена вторая волна мобилизации. Точно знал, что его призовут. Как знал и то, что никуда не побежит и пойдёт, куда скажут. И знал, что будет убит.

Оставались какие-то жалкие несколько недель.

Смерть Серёга знал довольно хорошо. Когда-то ему с ней даже удалось сторговаться.

Её звали Нелька, и она училась в б-классе. Она лежала на продавленной койке, почти всегда под капельницей, укрытая больничным байковым тряпьем и, чтобы не мёрзнуть, ещё какими-то кофтами, и даже полотенцем. Серёга помнил, бутылка стоила двести долларов: месячная зарплата матери — и недельный заработок отца (если бы у него был этот отец, но у Нельки был). Живительная влага, капля за каплей, поступала Нельке прямо в кровь — только Нелька становилась, капля за каплей, всё прозрачнее... Это было его единственное желание — чтобы Нелька умерла мгновенно, во сне. Мальчишка, он день и ночь уверял кого-то неведомого, но всемогущего, что если будет услышан, если ему помогут, то впредь он у того, кто сильнее, больше ничего и никогда не попросит — за всё будет биться сам...

Разборки наверху более Серёгу не волновали. До сна ли ему было? Он раздумывал об ипотеке, тянуть которую ещё предстояло четыре года и четыре месяца. Состояние безденежья упрямо отсылало во времена его юности, к матери, и иной раз у него так что-то сдавливало за грудиной, что он крепко стискивал зубы, чтобы не охнуть. Он отодвигал от своего мысленного взора мать-покойницу, Нельку, заставлял себя сделать глубокий вдох, выдох, и так три раза, как диктовали какие-то умницы его жене, а жена учила его, дальше он осторожно, чтобы не разбудить Ольгу, поворачивался на другой бок — и отчего-то покрывался липким потом. Приходилось дышать снова. И так до утра. До пяти, пока он не забывался в болотистой дрёме то ли видений, то ли снов. А в семь тридцать пикал будильник. Серёга вскакивал, подавленный, растерянный, предчувствуя, что и сегодня на работе свалит дурака. Кое-как завтракал и прислушивался к звукам, доносящимся из детской: Польша кашляла и соплилась, и он кожей чувствовал: жена колеблется — собирать в школу или оставить дома. И Серёга, вступив в сделку с совестью, выносил вердикт: дома. Ничего, первый класс

Владимир Козлов

Прожорливая почва

Фрагменты чистого поля

[надпись]

Пошли, прожорливая почва,
фрагмент письма на древней глине.
Отколотое многоточье
утрачено, однако длинно.

Пришли письмо, что есть другие,
пришли письмо, что они были,
что умирали, но любили,
что это просто мы забыли.

Пускай суха и фрагментарна,
строка вернёт под уговоры
дым упоений, дух алтарный
и веру, что спасёмся скоро.

[голос]

В букву заходит голос
и начинает петь,
нарушая молчанье поля,
заполняя бесцветную персть

крупными каплями боли,
соков весёлым ручьём,
криком, парящим над полем
расширяющимся кумачом,

а из букв вылупляются твари,
буквы оказались семена,
и заверчивается коварный
план управиться дотемна.

Козлов Владимир Иванович — поэт, прозаик, литературовед. Родился в 1980 году в г. Дятьково Брянской области. Доктор филологических наук. Главный редактор журнала о поэзии «Prosodia». Автор четырех книг стихов. Лауреат премии фонда А.Вознесенского «Парабола» (2017). Живёт в Ростове-на-Дону.

[вышиванье]

Тучное травую сорной,
поле ждёт заботы и труда,
чтобы стало оно плат узорный,
а на нём паслись стада.

Мелкими стежками бисер, жемчуг,
вышиванье, золотая нить,
бугорки мужчин и женщин,
трудно, трудно славить и кормить.

Презирая роскошь, паразитов,
вычистить, покрыть, освободить,
чтоб сама земля была красива,
чтобы захотела мне родить.

[нѣс]

Пѣс на невидимом поводке,
на благодатном луче
книгу держит в руке,
ходит на задних в плаще.

Пѣс рогами по проводам
и не может свернуть в поля,
радуясь не по годам
в них поглядывать издаля.

И ночами пугает лай,
и на холке встаёт шерсть.
Только связи не отбирай,
меняющей всё, что есть.

[абстракция]

Крупные куски явлений
своё присутствие несут
столпами цвета, разделеньем
на там и тут.

Душой размеченное поле.
Но что она в нём — не понять.
Она до формы, тела, пола
и очевидно над.

Идолы следят из камня,
шеи бы не свернуть,
а цветными промеж облаками
замысловатый мерцает путь.

[ночь]

Включаешь ночник —
и он освещает камыш,
игру его мышц,
бег его мыш.

Поезд в ночи идёт,
и из его окна
безбрежности освещена
колеблющаяся тишина.

Погашенные цвета,
луч дрожащий в руке,
проявляя на миг букет,
прозревает объём вдалеке.

[зима]

Пора, пора заворачиваться назад,
в бутоны, в пастушьи сумки,
в стерню, лопухи, прикрывая глаза,
чтобы их не заметили суки.

В голосах пробивается сталь,
стервенеют от них умы,
забирая места, отверзая уста,
объявляя приход зимы.

В голубиную книгу идёт
глубинный, глубинный народ,
закрывает глаза и живёт,
и во сне его зреет плод.

[светильник]

Без иллюзий никак не выйти,
жизни пространство — нора,
и в окошке кресты перекрытий,
лишь на картинке заря.

Везде заминировано, и ошибку
не совершай, глядя на труп:
рвано и перепрошито
поле залпами поутру.

Тупо заглядываешь в холодильник,
в картинку, обратно в окно,
и зажигаешь однажды светильник
фантазии, чтоб не темно.

Ирина Барабанова

Когда Бог смотрит в микроскоп

Невероятно-вероятные истории из жизни землян

Безупречная

Ниночка родилась отличницей. День в день, минута в минуту по прогнозу акушеров, астрологов и даже тётки Любы. Та, как увидела бледную мать Ниночки у почтового ящика в подъезде, так сразу и выдала: срок три недели, девочка, конец января. Разумеется, ей никто не поверил. Это уже потом будущий папаша принёс килограмм овсяного печенья. Позвонил в дверь, смущённо впихнул кулёк в руки соседки и убежал.

Всё сбылось точнее некуда.

Ниночка пришла в новый мир тихо, крикнув для приличия три раза и сразу же виновато умолкнув. Не дай бог кого побеспокоить. Так хорошие девочки не поступают. Даже если внутри всё горит от больничного воздуха. Даже если боль от перерезанной «на живую» пуповины дикая. И страх умереть от голода и холода. Она будет молчать, терпеть и улыбаться. Иначе может задеть чувства уставшей матери, задёрганных врачей и подать плохой пример другому младенцу.

Ниночка была аккуратной. Никаких каш с фруктовым пюре по ковру, рисунков на обоях, обливаний кипятком и пальцев в розетку. Всё чинно, благородно, без эксцессов.

В школе — лучшая, в институте — первая, на работе... Ох! Коллеги бы с радостью её сожгли и закопали где-нибудь, но кто тогда будет ночевать в офисе, спасая их задницы в конце квартала? Конечно, безотказная и безупречная Ниночка. Она не пьёт, не курит, с чужими мужьями не спит, в барах в нижнем белье не танцует.

Ниночка идеальная жена, мать и вообще невозможно без слёз на это всё смотреть, но куда деваться.

Ниночка никогда не уставала, не жаловалась на проблемы, всех спасала, всем помогала, везде успевала и однажды проснулась в реанимации.

Барабанова Ирина Аркадьевна — журналист, копирайтер, писатель, поэт, историк искусства, сценарист. Родилась в Казани. Окончила Казанский Государственный Университет, учится в магистратуре РГГУ — «История зарубежного искусства XV — XX вв.: контексты и интерпретации». Автор книг «Странная девочка, которая не умела как все», «Метафора» и др. Участница проектов АСПИР. Живёт в Москве.

В «Дружбе народов» публикуется впервые.

— Ба! Кто это у нас тут разлётся без дела и ещё заботы требует?! Нина, ты, што ль?

— Тётя Люба? Здравствуйте, извините, — прошептала Ниночка пересохшими губами и зажмурилась.

— Я-я! Уже лет пять в этой забегаловке для трупов швабрами заведую.

— Что?

— Санитарка я здесь. Карма-йогой занимаюсь, видишь? Чистоту навожу. Памперсы меняю, полы мою, и там по мелочи всякое. Чего разлеглась?

— Не знаю, простите...

— Эх, девочка! Доигралась. Воды попьёшь? Давай немножко? Ага, глотай-глотай. Да не торопись. Хорошо, молодец.

Ниночка подавилась, раскашлялась и заплакала. Стыд душил её. Она не могла встать. Не могла пошевелить ни рукой, ни ногой. Господи, неудобно-то как.

— Что со мной, тётя Люб? Как я тут оказалась?

— Инсулт. Нашла тебя на лестнице в подъезде. Хорошо, что не убилась. Доктора говорят, удачно упала, ничего себе не разбила. Сумки твои Генке отдала. Он пьян, как обычно. Муж твой грёбанный с диваном обручённый.

— Дети?

— Участковый приходил. Сашке колония грозит, если за ум не возьмётся. А Ольку я к себе пока взяла. Аллергия у неё жуткая по всему телу. Чешется бедный ребёнок. Займусь этим, свожу к своему гомеопату.

— Деньги...

— Потом, лежи молча. Сейчас сорочку тебе поменяю. Ты тут уже две недели, знаешь?

Нина не ответила. Не могла. Провалилась в небытие. Ей снилось, что она горит в печи, а выйти не может. Голос хриплый кричит: «Выходи!»

А она упирается. Ей кажется, что она всё правильно делает, что так надо: терпеть... молчать... и ненавидеть...

СЕБЯ!

За что?

Огонь превратился в чёрную смоляную лаву. Она почувствовала, что злость, гнев раздирают её сердце, а выхода им нет и быть не может. Это плохо. Она не должна. Пусть погибнет, но никто об этом не узнает.

Никогда. Она хорошая... она справится.

— Нин, ты как?

Муж смотрел напряжённо и, что невероятно, трезвыми глазами. Он был выбрит, чисто одет и даже пах едой, а не водкой.

— Я работу нашёл. Сашку в школу вернул. Олька пока у соседки, но так сейчас лучше.

— Вы без меня справились?

— Конечно. Всё путем.

— А почему со мной не справлялись?

— Не хотели разочаровывать. Ты же у нас такая вся правильная, сильная, безупречная. Ну, а я говно. Слабак и алкоголик. Плохо мне, но выхода не вижу. А ты была счастлива?

— Нет.

— Тогда зачем это всё?

— Не знаю. Мне казалось, что так надо: постараться, потерпеть, и всё получится.

— Дотерпелась.

Гена покормил Нину. Поменял грязные вещи на чистые и ушёл.

Вечером на смену заступила тётка Люба. Поделилась новостями.

Ольке легче. Она перестала чесаться. Сашка принёс первую в жизни пятёрку.

Гена, наконец, починил всю сантехнику в квартире.

В то время как жизнь Нины рушилась, вокруг всё как будто оживало и восстанавливалось.

Что она делала не так? Почему?

— Когда мы безжалостны к себе, то жестоки по отношению к другим. — Тётка Люба поправила Нине одеяло.

— Никогда об этом не думала. Мне казалось, что я должна быть комфортной и удобной, тогда всем будет хорошо со мной. Заботиться о других в первую очередь. Не быть эгоисткой.

— От осинки не родятся апельсинки. Страдание творит только страдание, боль отражает боль, и только радость умножает радость. Измучила ты себя, девочка.

— Да нет. Хотела как лучше.

Из больницы Нина вышла через два месяца. Ей очень повезло. На своих ногах. Речь немного притормаживала, но это её не пугало.

Дома было чисто. Гена пожарил картошки. Дети закинули больничные вещи в стиральную машинку. Позвали соседку. Отметили возвращение морсом из клюквы.

Утром Нина приготовила на всех завтрак и тихо ушла... В кино. Одна. Присела за столик в кафе. Заказала капучино с ароматной пенкой. Закрыла глаза от удовольствия, развернув бледное лицо к солнцу, подпевая французскому шансонье знакомую песню...

И опоздала на сеанс! Как двоечница! Господи! Ну, как так?

Зато счастливая и с кремом от пирожного на щеках.

Мелочи жизни

У Софьи Михайловны был сложный характер. Многие бы сказали — невыносимый. Но только не Геннадий Павлович. Он, вопреки общественному мнению — своих родителей, родственников и друзей, — делал всё возможное и невозможное, чтобы усугубить ситуацию.

Отдавал жене зарплату, беззаветно выполнял все её мелкие и даже крупные поручения. На премию покупал пирожные и гранатовый сок в стеклянных бутылках. Для неё. Прилежно утюжил ей кофточки и ел пересоленный борщ. И, что самое поразительное, — с улыбкой. Без гримас боли и страданий. Без жалоб и упреков. Легко и с удовольствием. Потому что никто не видел, как нежно она чесала ему за ушком и прижимала лохматую голову к роскошной груди. Как утешала и защищала в его собственных глазах от чужих мнений. Как задорно они хихикали под одеялом, рассказывая друг другу анекдоты. Кидались подушками и танцевали голыми танго.

Софья Михайловна страшно раздражала маму Геши (так она ласково называла пропавшего в омуте любви сына, глядя на его детские фото).

Варвара Семёновна даже составила список всех недостатков невестки. Она имела обыкновение зачитывать его только коту Василию. По двум причинам. Во-первых, он древнейший член семьи. Во-вторых, не болтливый. Павлу Иосифовичу такого доверия оказано не было. Потому что супруг и отец «ребёнка» не имел окончательной позиции

относительно выбора сына и постоянно метался в предпочтениях. Один раз даже заступился за Софу вопреки «расстрельным» взглядам жены с дивана.

Геша старался угодить всем. И, казалось, находил в этом счастье.

Дети уже давно оставили их с Софочкой одних и навещали по праздникам и выходным.

Кристина любила мать, но была к ней «несправедлива». Вадим вежлив и предупредителен. Все соблюдали дистанцию и старались, как умели.

Софья Михайловна сетовала на холодность детей и их неблагодарность.

Геннадий Павлович в этот момент бежал за каплями пустыряника или валерьянки. А момент такой случался всегда, когда Кристина отказывалась принять советы любящей матери и, упаси боже, применить их в своей жизни. Дочь начинала дерзить, бросать трубку и хлопать дверью. По ситуации. Мать — метать молнии. Геннадий Павлович — их усердно ловить. Молнии, разумеется.

Вадим «жил» в телефоне, поэтому конфликтов не создавал.

Соседи почитали эту пару за идеал. Зинаида Прокофьевна даже приносила варенье и всячески прокладывала себе путь на их семейную кухню. Ей хотелось узнать секрет этого поразительного согласия. Но Софья Михайловна предпочитала обсуждать музыку и картины. Геннадий Павлович мог говорить только о футболе и об успехах в огородном искусстве. А кот Василий, как известно, был нем и неподкупен.

Однако раз в год случалось самое страшное. И длилось оно от двух недель до месяца. Супруги ругались, замолкали и переселялись в разные комнаты. Страдали молча. Никому не рассказывали подробностей. Разве что коту Василию.

В эти дни окружающий мир, состоящий из родственников, детей, друзей и соседей, замирал в ожидании. Сердца наполнялись смесью страха, сочувствия и сожаления. Никто больше никого не критиковал. Не хлопал дверью. Не дерзил. Все молились и ждали перемирия.

А когда оно по неведомым причинам однажды наступало, — радовались и собирались на ужин за одним столом.

Однажды в припадке благожелательности Варвара Семёновна даже пошла Софочке новое платье. Торжественно вручила его на глазах обомлевшего кота Василия и даже заплакала от своей чувствительности.

Наступали дни благоденствия. Ненадолго.

И никому не приходило в голову выяснить причину этой странной и регулярно повторяющейся «трагедии». Но предполагали самое ужасное. Кроме кота Василия. Тот знал, что виной всему Гагарин.

По мнению Софьи Михайловны, его похитили инопланетяне. Геннадий Павлович же был уверен, что космонавт погиб в авиационной катастрофе, выполняя тренировочный полёт на самолёте. Так сообщали официальные источники. В этом вопросе позиции супругов были решительно непримиримы. На другие мелочи жизни они внимания не обращали.

Нежный котик

Котик был очень чувствителен. Он любил стихи Мандельштама и кофе из недожаренных зёрен. А ещё — гулять под дождём в плаще матери и напевать Пятую симфонию Малера. Возвращаться в набитую дорогой антикварной мебелью профессорскую квартиру и ставить кассету с фильмом Висконти. Чтобы упиваться эстетикой и болью этой невыносимой лёгкости бытия.

Под подушкой, разумеется, его ждал томик Милана Кундеры. Вечером, в потёртом кресле под мрачным торшером он глотал буквы из великого романа и воображал себе всякое. Котик был счастлив. Но недолго.

— Константин Валерьевич, к вам тут дама одна, ну, девушка, короче, всё рвалась, но я запретил. Я очень уважаю ваш труд в искусстве. Но эта, простите меня, просто вульгарная особа... Не знаю, чего хотела, но тем не менее сообщаю. Поклонница ваша?

— Ко мне? Дама? Очень интересно. А как она выглядела?

— Да не помню уже. Значит, ничего особенного. Вот матушка ваша всегда в белом пальто, в шляпе, которая в дверь не проходила. С достоинством была дама. В одной руке — кошечка, в другой — ридикюль. Но, главное, аромат какой! Аромат на всю парадную. Ох! Женщина была настоящая. Царствие ей небесное. Упокой, Господи, душу...

— Хватит, Семёныч, давай ближе к делу. Она имя своё сказала?

— Нет! Говорила, что не знает, в какой квартире вы живёте, но ей надо передать вам что-то важное. И шапку такая сняла, а там никакой причёски, — сплошной хаос и стихия. Такая бессовестная, я вам скажу. Платье даже до колен не доходит, ничего не прикрывает. И чёрные сапоги, как у водолаза.

— Симпатичная хоть?

— Дааааа... Глазища вот такие, как у Бурёнки. Губы красные-красные, как у гуся лапы. Я аж вспотел, Константин Ва...

— Н-да, девушка-то вроде и ничего себе, а ты, злодей, не пустил. Жаль, очень жаль.

— По инструкции. Если номера квартиры не знает и предупреждения от вас не было, то извиняйте. Мало ли кто тут по Москве шастает. А вдруг разбойница она или аферистка.

— Ну да. Твоя правда в этом тоже есть.

Тут Котик (как называла его мама в детские годы) подкинул трость и ушёл, насвистывая уже что-то из Битлз. Кто эта странная незнакомка? Зачем он ей понадобился? Непонятно, но приятно. Что впервые со смерти матери им кто-то интересуется. Ах, как порой такие приятные неожиданности настроение поднимают! Аж подбрасывает! Даже голова кружится. Немного. Как весной.

Он подошёл к витрине и посмотрел на себя. А издали вроде ничего. Лысоват? Да. Полноват? Ну, а как иначе? Не Ален Делон, но человек. Мужчина, в конце концов. В самом расцвете, можно сказать. Из вредных привычек только Томас Манн. Он его по третьему разу перечитывает. Никогда вниманием женского пола отмечен не был, а тут такое.

Хотя нет, было, было однажды. Ещё в университете одна блондинка к нему подбивалась. Он даже к ней проникся, но Маман заподозрила её в корысти и посягательстве на благородную фамилию. Котик был вынужден проявить холодность и недоверчивость. Она всё быстро поняла и вышла замуж за его друга. Тот фамилией особо не дорожил.

Потом Константин Валерьевич защитился и остался преподавать в родной Alma Mater. А барышня та троих Толику родила и ушла к другому.

Было, что на кафедре к Котику приставала Зинаида Альбертовна. Женщина харизматичная, с таким рельефом ниже спины, что не каждый альпинист рискнёт покорить. Дело было после защиты дипломов. И водки. Он не долго отбивался. Сдался после второго стакана. Был лишён девственности грубо и без церемоний. А потом такое началось, что слава Богу, Маман уже никогда не узнаёт. Милый, чистый и наивный Котик превратился в наглого, развратного и циничного КОТА. Ой, простите, Константина Валерьевича.

Студентки трепетали. Декан дважды пытался с ним объясниться. Вопреки всему Константин вляпался в историю: сделал ребёнка третьекурснице, испугался жениться и дал денег на аборт. Был скандал. Маман его выгораживала. Приобрела сердечный приступ. Дело кончилось больницей. Котик выздоровел, Маман похоронили, домработница уволилась. Наступило долгое-долгое непонятно что. Наверное, равновесие.

Константин Валерьевич преподавал, новая домработница тушила капусту, Малер изливался через новые колонки. Бурная молодость закончилась.

И вот девушка в мини-юбке, в ботфортах и без причёски. Кто она? Что хотела?

Котик не спал три ночи. На четвёртое утро дал наказ консьержу: «Никому не отказывать». Семёныч был против, но покорился.

И в самую рань, в воскресенье, без пяти двенадцать пополудни, Котик был разбужен нервным и требовательным звонком в дверь. Он скоро натянул бархатный халат, тёплые тапочки с помпонами и поспешил на встречу, шаркая по паркету.

— Кто там?

— Константин Валерьевич, откройте, пожалуйста!

— Вы кто?

— Рита.

— Что вам надо?

— Передать конверт.

Константин открыл, но цепочки не сбросил.

— Давайте!

— Можно мне войти?

— Ладно, только сапоги снимите в коридоре.

— Окей. Я Маргарита Кузнечикова.

— Чем обязан?

— Жизнью.

— Преступление какое?

— Похоже на то. Воды можно?

— Да, конечно. Проходите-проходите. А как вас по отчеству?

Константиновна. Маргарита Константиновна Иванова по матери, Роберг — по отцу. И Кузнечикова теперь по мужу.

— Роберг? Но это же... это же я.

— Да, вы мой отец.

— О! Я? Когда? О...

— Когда мама студенткой была. Вроде третьего курса. Только не надо так потеть и нервничать. Мне от вас ничего не надо. Просто прикольно было посмотреть. Что это за тип такой, которого мама столько лет так любила, что даже замуж не вышла. Н-да, ничего особенного. Плешивый, брюхатый старый чел. Ладно. Вот конверт. Мама просила передать. Она умерла месяц назад. На этом моя миссия окончена. Здравия желаю, гражданин Роберг.

— Но подождите, Маргарита... я... Да что же вы?

— Пока, папаша! Чао!

Котик присел на старинную резную тумбочку. Открыл конверт. Оттуда выпали 20 советских рублей — две красные бумажки, по червонцу каждая. И записка: «Деньги на аборт. Не понадобились. Юля».

Ох!

Котик схватился за грудь с левой стороны. Доковылял до серванта, достал хрустальный графин, налил стопку водки. Выпил. И включил Пугачёву. Чувства так переполняли его нежную душу, что под Малера он бы уже не выжил.

Ольга Сичкарь

АЗИЗА

Рассказ

— Тебя зовут Азиза? Проходи.

Ей открыл сухопарый высокий мужчина, почти старик, с аккуратной седой бородой. Азиза мельком глянула и опустила глаза. Он годился ей в дедушки: за семьдесят, лицо спокойное, в сети морщин. Азиза никогда не была бойкой. В Москве её природная робость удвоилась: говорила мало, смотрела в пол и каждый раз боялась, как поведёт себя клиент.

— Меня звать Николаем Даниловичем.

— Можно в ванную?

— Да-да, вот сюда, — он щёлкнул выключателем.

Но свет можно было не зажигать, он лился в ванную комнату из небольшого оконца сверху. Азиза бывала в таких квартирах с высокими потолками и большими окнами. Эти дома назывались «сталинки». Снаружи здания из светлого кирпича с арками и иногда лепниной впечатляли. А внутри, в квартирах, могло ждать что угодно: где-то ослепляющая роскошь с зеркалами в пол и пёстрыми марокканскими коврами, а где-то унылая ветхость — покосившиеся шкафы и пожелтевшие от времени обои.

Пока Азиза переодевалась в ванной комнате, Николай Данилович задумчиво рассматривал её кроссовки — такие маленькие не налезли бы и его тринадцатилетней внучке. Интересно, сколько Азизе лет? Семнадцать? Девятнадцать? По миниатюрным азиаткам не поймёшь. Выглядела она школьницей, с милостивым круглым лицом, широкими бровями и испуганным взглядом чуть раскосых глаз.

Азизе недавно исполнилось двадцать. В её возрасте мать уже родила троих детей и одного из них — мальчика — похоронила. У Азизы была бы уже семья, если бы она осталась в родном Худжанде. Но она поехала в Москву на заработки. Обычное дело для таджикской молодёжи, особенно если ты старший ребёнок в большой семье, папы уже нет, денег тоже. Маме невозможно тянуть эту лямку одной.

В ванной раздался грохот — упал металлический таз. Николай Данилович очнулся и увидел, что Азиза стоит в дверях во всеоружии. В её руках — швабра и ведро с тряпками, голову стягивает ярко-розовая косынка. Шаровары подвёрнуты, а фартук, длинный не по росту, закрывает ноги до щиколоток.

Ольга Сичкарь — журналист, редактор. Родилась в Красноярске в 1980 году. Окончила ВЛК Литературного института им.А.М.Горького. Печаталась в журналах «Звезда», «Знамя» и др. Лауреат ряда литературных премий. Живёт в Москве.

В «Дружбе народов» публикуется впервые.

— Где начну убираться? — прошелестела Азиза, стесняясь плохого русского.

— Давай с кухни. Там работы непочатый край.

Он махнул рукой в нужном направлении и, шлёпая тапками, удалился в комнату.

Азиза вот уже год занималась уборкой, но каждый раз, отправляясь по новому адресу, переживала, — вдруг там опасный мужчина? Большой, грубый, нахальный? Как ей, такой маленькой, защитить себя? Месяц назад один на прощанье с богатырским размахом шлёпнул её по попе. Пиво, которое он держал в другой руке, расплескалось по чистейшему полу прихожей. Загоготал, довольный собой. Азиза трясущимися пальцами принялась завязывать шнурки на своих маленьких кроссовках. Схватила сумку и куртку, пулей вылетела к лифту. Наступила на шнурок и растянулась во весь рост.

Это был несчастливый день. Лифт привёз её на двенадцатый этаж вместо первого, и она никак не могла понять, где же выход? А спустившись, оказалась перед консьержкой, злобной, как маленькая собачонка.

— Ты что на двенадцатом этаже делала? Пасифлору с подоконника воровала? Покажь рюкзак!

Брезгливо обшарив сумку, сторожевая консьержка обнаружила только тряпки и бутылки с моющими средствами.

— Нечего лазать по этажам! Раз на пятом убиралась, вышла — и вон из подъезда, чурка! Потом у моих жильцов велосипеды пропадают!

Обычное дело — женщина-анчар, источающая яд. Такие Азизе частенько попадались в Москве. И ей бы уже привыкнуть, но каждый раз обжигало их ненавистью, до слёз.

Двоюродный брат матери Фарух уговаривал Азизу работать в его в фруктовом павильоне на Черёмушинском рынке. Он считал, что, если овощи и сухофрукты будет продавать миловидная девушка, а не этот бесомон¹, его сын, с грязными ногтями, покупателей будет больше. Фарух привёз Азизу на экскурсию, с гордостью показал огромный светлый зал в стиле европейских крытых продуктовых рынков и свой лоток с грудями бананов, лимонов, гранатов... Торговля шла бойко. Покупатели спрашивали, чем иранские финики отличаются от израильских, проверяли хурму на жёсткость, оставляя вмятины, возмущались ценами на лимоны. Шум, суета и разговорчивые покупатели так испугали Азизу, что на уговоры дяди она только мотала головой, закрывая ладонями лицо.

У Николая Даниловича Азиза чувствовала себя спокойно. В кухне она бодро принялась за посуду. Кастрюли, тарелки и стаканы были её друзьями, она гладила их мягкой губкой, погружала в пену и шёпотом разговаривала с ними на таджикском фарси, вставляя нежные узбекские словечки — память от папы.

Азиза навела чистоту в кухне и робко шагнула в комнату. Стены до потолка были увешаны картинами — маленькими, большими и очень большими, почти в её рост. На полу стопками громоздились рисунки без рам. Возле письменного стола, где сидел Николай Данилович, стоял мольберт. Азиза вспомнила мастерскую отца, где на стенах висели шланги и трансформаторы, тоже от пола до потолка. Папа Азизы за работой всегда пел себе под нос и курил, выпуская дым в разные стороны.

Николай Данилович работал молча.

— А что значит твоё имя? — спросил, не отрывая глаз от карандаша.

Азиза замерла с тряпкой в руке. Она зашевелила губами, пытаясь подобрать русские слова. И вот сформулировала:

— Это... такая девушка, кого дорого стоит и кого все хотят!

Николай Данилович вскинул брови, посмотрел на неё большими глазами и, не удержавшись, расхохотался.

¹ Оболтус (*таджик.*).

— Ну и дела! Девушка, кого все хотят! — Он откинулся на стуле, и тот скрипнул, подхихкивая хозяйину. — Ох, стар я для таких шуток!

Азиза закрыла круглое лицо руками. Уши стали малиновыми, в тон косынке. Азиза поняла, что сказала что-то непристойное. Но разве она виновата? Русских слов «драгоценная» и «желанная», как переводилось с арабского её имя, в Москве она не выучила. Здесь она узнала другие слова и выражения: «иди отсюда», «что уставилась», «черномазая», «сука», «чурка», «проститутка», «ехай домой, дура»...

— Ну, перестань, ты что! Посмотри на меня, я совсем старик, что смущаться, — стал успокаивать её художник. — Кто ж тебя так назвал, мышонок? — пробормотал он тихо и продолжил рисовать.

Азиза, увидев, что никто над ней больше не смеётся, и даже стул молчит под Николаем Данииловичем, вздохнула и продолжила уборку. Дольше всего она возилась с окном, оно было выше её роста. Николай Даниилович то и дело посматривал. Поймав его взгляд, Азиза смущалась, крепче сжимала тряпку и втягивала голову в плечи. «Может, боится, что я выпаду из окна?» — пришло ей в голову.

На следующей уборке Николай Даниилович, вот сюрприз, опять велел ей вымыть окно в комнате. Азиза посмотрела на него с тревогой. Она так плохо это сделала в прошлый раз?

В третье посещение, к радости Азизы, про окно он не вспомнил, зато нужно было протереть стеклянные дверцы большого книжного шкафа. Николай Даниилович дружелюбно наблюдал за её работой и даже развернул стул, чтобы лучше видеть. Но Азиза не боялась: амак¹ хороший, не обидит!

Когда Азиза закончила уборку и пошла в ванную переодеваться, зазвонил телефон, и у Николая Данииловича начался неприятный, напряжённый разговор. Громко и грозно он повторял в трубку:

— Маша, не делай так! Не вздумай!

Азиза открыла кран, чтобы заглушить звуки чужой ссоры. Но Николай Даниилович закричал вдруг так свирепо, что его голос пробился сквозь шум воды:

— Как ты с отцом разговариваешь?!

Азиза пару минут простояла зажмурившись, а потом стала потихоньку заворачивать воду. Убедившись, что за дверью тихо, она мышкой выскользнула в коридор. Николай Даниилович тут же позвал её из комнаты уже совсем другим, тихим голосом:

— Азиза!

Он сидел на софе, согнувшись, и прижимал руку к груди, так вцепившись пальцами, будто хотел вырвать себе сердце.

— На столе, там, таблетки, дай две.

Упаковка нитроглицерина лежала на самом виду, Азиза торопливо выдавила две пилюли в протянутую ладонь.

Следующие несколько минут Азиза простояла не шелохнувшись, тоже с прижатой к сердцу рукой. Николай Даниилович, увидев, как она испугана, улыбнулся и подмигнул:

— Кажется, на этот раз обойдётся без «скорой». Порядок!

Последнее слово, как волшебное заклинание, вывело Азизу из оцепенения. Она огляделась — правда ведь, какой она навела порядок? Её взгляд, скользя по комнате, упёрся в картину, висящую рядом с софой. Она не могла оторвать глаз от портрета закутанной в сиреневый шарф девушки с сигаретой в руке. Точнее, казалось, девушка с картины не отрывает от неё взгляда, пронзая холодными серыми глазами.

— Это моя младшая, Маша, — чуть слышно сказал художник.

¹ Дядя (*таджик.*)

* * *

Недели две спустя Азиза шла убираться к Николаю Даниловичу и чувствовала прилив радости, будто приглашена в гости. Ей нравился вид из его окон на сталинскую высотку и широкий, забитый машинами проспект; стопки рисунков и эскизов на полу, которые нельзя задевать шваброй, нравился сам Николай Данилович.

Поднявшись на этаж, Азиза обнаружила, что дверь в квартиру распахнута. Тревожный паучок зашевелил лапками у неё чуть выше пупка. Заглянув в квартиру, она увидела трёх мужчин. Николая Даниловича среди них не было. Мужчины обсуждали перевозку мебели. Старший — округлый мужичок с шарообразной лысиной в обрамлении седых кучерявых волос — причитал:

— Это же его рабочий стул! Как можно, Валера, Олег! Как можно! Если совсем не нужен, то я заберу. А вот, сколько красок, холстов осталось, смотрите!

Наконец, один из тех, что помоложе, хмурый медведь в чёрной водолазке, заметил Азизу.

— Что вам? — устало спросил он.

— Я убираюсь у Николая Даниловича, — пролепетала она.

— Умер Николай Данилович. Всё! Не у кого убираться, — мрачно изрёк человек в чёрной водолазке и отвернулся.

— Валера, да пусть уберётся девушка, раз пришла. — Мягко возразил пожилой с лысиной. И обратился к ней: — Только обожди, пока мы с вещами разберёмся.

Азиза кивнула. Её посадили на табурет в кухне. Поджав ноги, она смотрела на знакомую мебель, посуду, занавески — и не узнавала. Чужие, поникшие, унылые. Вот жизнь и лишила её маленькой радости — приходиться к Николаю Даниловичу. Она чувствовала, что в её груди, как в раковине, появилось большое круглое отверстие, ведущее в темнеющую пустотой трубу.

Часть предметов была свалена в углу, на выброс, эту гору венчала белая эмалированная кастрюля, пузатая, с полосой из красных ромбов и давно неотмываемой густой желтизной у доньшка. Эта кастрюля помнила ещё молодость художника. В застойные семидесятые он варил в ней закупленную Союзом на нефтяные деньги французскую курятину, в полуголодные восьмидесятые — тощую воспитанницу подмосковной птицефабрики, в девяностые — исполинские «ножки Буша». В двухтысячных кастрюля вместе с хозяином повидала столько экзотики, что её уже трудно было чем-то удивить. Ньюки? Равиоли? Fruit de la mer? Соба? Чана масала? Что только в ней не подгорало! Теперь, отварив своё, кастрюля вслед за хозяином отправлялась на покой.

К Азизе подошёл лысый толстячок.

— Чтобы не скучать тут, помоги мне картины упаковать.

Азиза кивнула.

— Держи за раму крепко, за холст не хватай.

Дело у них пошло быстро. За работой мужчина качал кудряво-лысой головой и, не в силах переживать молча, всё рассказывал и рассказывал Азизе.

О том, что Николай Данилович умер пять дней назад — сердце отказало, что похоронили с божьей помощью на Троекуровском. А младшая, Машенька, не приехала провожать: командировка в США, день инвестора, новая работа, нельзя, говорит, отказаться! В МГУ, что ли, сделали из ребёнка карьеристку? Она ему при жизни все нервы истрепала, а он её больше других детей любил, всё Машенька да Машенька. И квартиру оставил Машеньке. А у Машеньки день инвестора, а дня отца нет у неё.

— И так неожиданно, ну что такое! Выставка его открывается. Как же теперь без него выставка?! И как мы все? И как я без него, друг мой Николаша! — он замотал головой и по-настоящему, мокро, не стыдясь своего горя, заплакал.

На прощание кругленький мужчина протянул Азизе какую-то открытку.

— Возьми, дружочек, приглашение на выставку. Открывается в понедельник. Покажешь бумажку — и тебя сразу пустят бесплатно. Сходи обязательно, посмотри, какой наш Николай Даниилович художник был!

* * *

Музей, скрытый от Ленинградского проспекта низкими краснокирпичными домиками, снаружи показался Азизе маленьким и неказистым. Но внутри он вдруг развернулся вглубь и вширь. Полным-полно народу, яркий свет, дуб и мрамор, дорогой лифт с зеркалами, запах кофе и булочек с корицей.

Азиза идти на выставку боялась, но всё же решилась. Ей хотелось ещё раз как будто побывать в гостях у Николая Данииловича, попрощаться с ним.

Первое, что она увидела в огромном зале, — большой портрет художника с траурной лентой и цветами. На фото он был моложе, чем Азиза его знала, а глаза более строгие. На портрете он был похож на Хемингуэя, говорили люди, стоявшие рядом, и Азиза пожалела, что не знает, кто это.

Николай Даниилович был плодовит и талантлив. Азиза ходила от одной картины к другой, удивляясь, как ярко и благородно они выглядят, как много света направлено на них и как задумчиво-почтительно, с лёгкими улыбками рассматривают их москвичи. В ней вспыхнул огонёк гордости, что она была причастна к его жизни, что он шутил с ней, пил чай из чашки с городецкими петухами, которую она перед тем усердно мыла и насухо вытирала вафельным полотенцем.

Сейчас она смогла разглядеть его картины гораздо лучше, чем тогда, в полутёмной комнате, и они показались ей сказочно-прекрасными. Азиза вспомнила, как, приехав в Москву, попала на Красную площадь. Там у неё закружилась голова от восторга: то, что раньше она сотни раз видела в книжках и по телевизору, теперь окружало её, яркое, огромное, настоящее. Когда начали бить куранты, она расплакалась. Сейчас в музее она испытала то же чувство, почти влюблённость, и у неё навернулись слёзы.

Вдруг Азиза замерла: на картине перед ней была пузатая кастрюля, наполненная яблоками. Азиза моментально узнала её, — с округлыми боками, украшенными красными ромбами. Неужели это та самая кастрюля, которую она безо всякого уважения драила металлической мочалкой? Та несчастная кастрюля, которую новые распорядители квартиры отправили на помойку вместе с грудой старых вещей? Это она — герой картины, которой любят, которая будет висеть в галерее или чьей-то коллекции через сто лет, когда всех нас уже не будет... У Азизы заныло сердце при мысли, что эта кастрюля отправилась на свалку, а она её не спасла.

У следующей картины, висевшей чуть особняком, стоял народ и шёл оживлённый разговор. Азиза встала рядом с нарядной немолодой парой, надеясь услышать что-нибудь интересное.

— Эта — из последних. Смотри, Светик, как поменялась манера, — бодро говорил мужчина в очках элегантной даме с ярко накрашенным ртом. — Уж не соцреализм ли у него тут просвечивает на старости лет?

На картине, большой и наполненной солнцем, Азиза увидела распахнутое окно, обрамлённое нежным молочным тюлем, и девушку в розовой косынке, с круглым лицом и чуть азиатским разрезом глаз, которая, стоя на подоконнике с мечтательной полуулыбкой, мыла стекло. От окна и от девушки исходил свет, картина была будто намагничена солнечными лучами и нежностью. Единственной жёсткой деталью был проступающий вдали холодный, зловещий силуэт сталинской высотки.

Азиза сначала узнала эти тюль и окно, потом ей показалась знакомой розовая косынка на голове девушки, и вдруг ослепляющий световой столб обрушился на неё и пронзил с головы до ног. Несколько мгновений она ничего не видела и не слышала из-за шума в ушах, так, что перестала дышать от захлестнувшей её новой лучезарной реальности.

Сияющая, мечтательная и робкая, с нежной улыбкой, с фартуком ниже колен, пронизанная светом и излучающая свет за пределы картины, — это она стояла на подоконнике и мыла окно под внимательным взглядом Николая Даниловича.

— Смотри, Светик, девушка как с картины сошла, — задумчиво произнёс мужчина, смотря на Азизу поверх очков. — Я говорю супруге, очень вы на эту картину похожи! — обратился он уже к ней самой.

Азиза мягко очнулась, как будто медленно опустилась на землю, и так же легко и мягко ответила, не вспомнив, что нужно стесняться акцента:

— Это я у Николая Даниловича окна мыла.

Она глядела на мужчину и улыбалась. Это проснувшееся у неё внутри солнце улыбалось и смотрело на мир открыто и радостно. Мужчина восторженно всплеснул руками. Он посмотрел на картину, уткнувшись в неё очками, потом на девушку, потом снова на картину:

— Азиза, да? Посмотрите, название картины — «Азиза»! — радовался он своему открытию.

— Можно с вами сфотографироваться, Азиза?

Азиза кивнула, продолжая улыбаться. Не отвела глаз, не смутилась и не втянула голову в плечи.

С Азизой фотографировалась эта пара, потом другие — красивые и модные, пахнущие духами молодые люди, с ней знакомились одни, и вторые, и третьи, какие-то журналисты, и каждый говорил ей что-то приятное. Азиза радостно принимала их внимание, ощущая себя центром этого зала. Казалось, её свет струился так далеко, что достигал башен Кремлёвской стены, а может быть, и самого Худжанда.

Это она — сияющая волшебная девушка на огромной прекрасной картине, которая висит в галерее в центре гигантской холодной Москвы. О ней говорят, её обсуждают, ею любят хорошо одетые, прекрасно образованные, уверенные в себе люди. И она улыбается им с картины лучезарно и тихо, шёпотом. Тем нежным шёпотом, которого не хватает громкой, грубой, расчётливой, чёрствой, железной Москве.

В сумерках Азиза шла к метро мимо Белорусского вокзала, чтобы затем долго-долго по темноте ехать на дальнюю окраину. Там, в крошечной комнате, она живёт с тремя женщинами, так же работающими с утра до вечера без выходных. Теперь она шла легко и уверенно. Москва больше не страшила её. Раньше город напоминал ей грозного пса, безжалостного монстра, которому ничего не стоит убить или покалечить. А сейчас она чувствовала, что этот пёс признал её, стал послушным и ласковым.

Азиза знала, что будет дальше. Сияние картины сделало прямым и ясным её путь. Она согласится продавать фрукты и овощи в магазинчике Фаруха. Будет сидеть за прилавком, окружённая горами ярких мандаринов, пузатых яблок и ненормально дорогих лимонов. И десятки, сотни людей будут с радостью покупать их, получая в подарок что-то очень важное — её улыбку и её тихий голос. Они будут улыбаться ей в ответ и возвращаться снова и снова. Так же, как бесконечно люди будут приходить любоваться Азизой, нарисованной рукой Николая Даниловича.

А в один прекрасный день к её прилавку подойдёт тот, для кого её улыбка и солнце её души станут самыми дорогими на свете. И в её жизни будет любовь и никах¹, семья и дети. Но даже если этого не случится, — не беда. Ей так светло, словно солнце и луна сияют вместе, и так будет всегда.

¹ Свадьба по законам ислама (араб.).

Антон Ермолин

Что-то новое в глазах, или Сын, отец и маменька

Рассказ

1

Маменька наказывала, чтобы он усердно читал буквы из школьного учебника. И выходило у него не по режиму, а, проще сказать, чёрте знает как, потому засиживался он до поздней ночи. Отцу-рыболову, уважавшему порядок, такое поведение сына в семействе до злости не нравилось.

Отец был не только на деле рыболлов — значился на озере через дорогу удачливым седоком над лункой в любой из частей обширной замёрзшей воды, — но и, что называется, умел и сына поймать на живца. Ночью он высматривал, когда тот включит за закрытой дверью настольную лампу для чтения — и тут начиналась ловля.

Рыболлов-отец чутко видел даже и через сон, как в комнате сына зажегся свет; проснувшись, он вставал со спальных кроватей и шумным шагом шёл на кухню — вроде как испить воды. Но воды вовсе не пил, а садился за столик и ждал. По отсветам из коридора или же их отсутствию ему было видно, включена настольная лампочка или нет.

Заслышавши громкие шаги, сын обычно загораживал рукой свет и дожидался, пока отец уйдёт на кухню. Потом тушил лампочку и бесшумно нырнул в кровать. И казалось, раз отец проходит мимо, не заходя, значит, света из комнаты не видно. Но проведёшь разве знающего рыбака?

Рыбак-отец идёт обратно в большую комнату, шагом уже менее грозным и шумным, садится на край спальных кроватей и высидивает здесь на живца — пока жёнушка спит. По точности говоря, было вовсе и не на живца; просто рыбаку казалось, что по ловле сына возникает между ними живое и азартное чувство, то есть получается, что возникает между ними жизнь: вот и «на живца».

Антон Ермолин родился в Челябинске. Получил специальность техника-электрика в Челябинском государственном техническом колледже. Окончил филологический факультет Уральского федерального университета в Екатеринбурге. Работал электриком, продавцом, журналистом, слесарем на оборонном заводе. Печатался в журнале «Урал». Участник проектов АСПИР. Живёт в Челябинске.

В «Дружбе народов» публикуется впервые.

Пока отец сидел на кроватях и чутко выжидал, губы его укрупнились и как бы намасливались, посверкивали в темноте, будто бы уже искушивал приготовленную в масле да с лучком рыбу со сковородки. Высиживал так иной раз по часу; и ложился спать, если не клевало. Больше часа сын не тихарился.

Подождав время, сын, может быть, снова зажжёт лампочку и начнёт читать учебники. Они нравились ему — учебники эти; в них был объём и ещё нечто. Дорогая маменька убедила сынулю, что ученье — свет. Вот только умудрялся он не успевать делать уроки и засиживался над ними до той поздней ночи, когда в мире уже и звуков нет, спят они... На цыпочках, как бы ловко проскальзывая между стенами коридора, рыболов-отец оказывался у двери сыновней комнаты, неслышно опускал вниз дверную ручку и быстро отвёртывал дверь, сматывал, значит, леску на катушку, тянул рыбу, подходил к столу шумными грозными шагами, выключал настольную лампочку и рассказывал превесьма убедительно и как бы пережёвывая вкусно приготовленную животинку:

— Нечего барахтаться по ночам, пока люди спят! Ишь ты какой непослушливый взялся! Спать ложись!

Сын испугивался и — нечего делать — ложился в кровать. Отец, вроде того довольный проделанной ловлей, шагал обратно, захлопывал сыновью дверь и уходил к себе в большую комнату. И неспроста он захлопывал дверь: знал он, что так сын имеет соблазн заново зажечь свет. Не зря ведь и маменька научила сынулю закрывать двери, чтобы «папочке не мешать». Но разве проведёшь знающего рыбака?

После такого потрясения удачной ловли сын обычно уже не отваживался зажигать свет; но шанс всё же имел и где-то задним числом его держался. В одном на три случая так и выходило — отваживался. Да только не знал он, что таким образом отец-рыболов даёт ему вид, будто бы ничегошеньки не знает. А знает он всегда. И сейчас, повернувшись в кроватях к любимой жёнушке, всё знал своей никогда не дремлющей спиной.

А когда нужно было прибить рыбку-сына до последнего исхода, отец-рыболов действовал особенно напористо. И в такое время его нос-картошка удлинялся, как копьё или же гарпун, заострялся, значит, — и он, резко, бесшумно проскользнув между стенами коридора к комнате сына, входил охотником, орал благим матом и прибавлял:

— Убью тебя, такой ты гад, а не сын! — и как-то грубо, без обиняков, выключал лампочку.

Сын сидел в оцепенении — оглохшим, пронзённым — и ещё с минуту, как уходил рыболов-отец, не мог подвинуться с места. Потом доходил до кровати и ложился спать обессилевшим и убитым.

А иной раз из комнаты вступалась маменька:

— Отстань ты от него! Пускай занимается!

В такие минуты отец-рыболов, будучи избалованным, возвращался к жёнушке и, ложась на спальные кровати, долго ещё ворчал и спорил с ней; но потом успокаивался и спал, ничего не зная, и бог знает как, но мог не замечать до нескольких дней сидения сына по ночам (надо сказать, что сидел всегда он тихо, а вовсе говоря, и без единого звука).

Маменька же не только умела поддерживать в любимом муже любовь к зимней ловле, говоря разные искренние похвалы, кои очень помогали ему рыбачить лучше других товарищей (они таким же образом сидели с удочками над ледяными лунками), но умела также маменька отстранять мужа от ловли сына на живца.

Ненарочно иной раз она вселяла в сынулю свою поддержку по учебным делам невиданную удаль и храбрость в отношении отца-рыболова. Как-то раз дошло до того, что сын, не особо дождавшись окончательного ухода отца-рыболова в большую комнату, подступил широким размашистым шагом к дверям этой самой комнаты, в которой уже стоял отец, и так хлопнул ею, что тот удивился и смешался в первые мгновения, смолчал; сын же присовокупил такие слова:

— Ложися сам спать, говорю тебе!

Отец-рыболов, однако, пусть и смешавшись, тоже не особенно дождался ухода сына и, открыв двери, вскричал, брызгая слюнями:

— Ложися сам, чёртов сыночка! — и хлопнул дверями обратно.

— Нет, это ты ложися, говорю, твою-та мать! — крикнул сын в коридор.

Рыболов-отец не преминул ответить, заново открыв двери:

— Это ты свою мать... это самое! Дешевле обойдётся! — и хлопнул, и лёг в спальные кровати.

И лёгши, призадумался. Кажется, сам он понял, что хватил лиха, потому, хоть и поспорил для приличия с жёнушкой, поворчал, но более недели совсем не подпускался к сыну, а уж тем более к его ночным сидениям над буквами. Пошмыгивал только смущённо носом-картошкой, замечая свет из его комнаты.

2

Однажды маменьке, рыболова жене, стало плохо под сердцем. Никто поначалу не узнал об этом, потому что было это посреди ночи. Рыболов как-то особенно ворочался во сне на больших кроватях, весь измотался, по всей ширине. А получалось так оттого, что жёнушки не было рядом, как это бывало обычно. Рыболов, понявши, наконец, в чём дело, пошёл её искать по квартире, прямиком на кухню. Там она и сидела, пила чай в темноте.

— Что это ты?

— В сердце что-то поднывает. Бури, наверное.

И правда, помнил рыболов, днём по радио говорили про некие бури. Он почесал в затылке и сказал ей:

— Надо чего тебе?

— Ничего, наладится, это бури всё.

Успокоившись не то чтобы до конца, но до приличного положения, муж-рыболов вернулся в большую комнату, лёг в кровати. Попереживавши ещё, помаленьку сморился и ушёл в сон.

Сын не занимался буквами, успел освоить их за день, что, надо заметить, бывало не так часто. Пойдя до уборной комнаты, он увидел ужасную по впечатлениям картину: маменька лежала на кухонном полу в некоей неестественной позе. Сынуля не преминул опуститься рядом с ней на колени и проговорил нечто жалобное. Потрогал пульс, как было написано в тех буквах, которые он уже в приличном объёме прочитал и знал. Пульс то ли был, то ли не был, разобрать получалось чёрте знает не пойми как. Он включил свет и увидел, что по рукам и ногам и на шее маменьки имеются мёртвые *трупные пятна*, то есть такие, которые буро-синие, будто бы маменьку колотили до сильного избиения. Сынуля брызнул слезами, снова припал к матери и кричал какие-то сопливые и неразборчивые слова. На крик прибежал отец и в порыве жутки и гнева похулил его:

— Что ты наделал, гад!

Хотя сын и заливался слезами над маменькой, но подействовал решительно, как научился, кстати говоря, не только в буквах, но и, сам того не понимая, нахватавшись отцовского характера, его сноровке и быстроте: он закрыл пальцами *мечевидный отросток* и, не думая, вдарил кулаком другой руки повыше в грудь. И маменька сразу очнулась, поднялась вперёд. Муж-рыболов ахнул от счастья.

Маменька села на полу. Она диким образом рассматривала всё вокруг, вроде того изучая впервые. Остановилась, наконец, на близких людях, сказала нездешним говором:

— Где я была, знали бы вы... Чуть... не утянули!

И тут же побледнела, упала в прежнюю неестественную позу и уже более не поднималась. Как ни бился сын, воспроизводя по заученным и осмысленным буквам, *по всем правилам реанимации*, спасти маменьку не удалось; как и врачам, которых не преминул скорей вызвать отец, пока сын делал *непрямой массаж сердца и дыхание рот в рот*.

Врачи *констатировали* присутствие в теле смерти.

3

Сидит на кухне ночью. Выжидает, когда появится свет в коридоре, загорится затаённо в комнате сынули. Рыбачит так, будто охотится, — глядит, когда на воде появится характерная рябь.

И вот, появляется едва заметный свет и исчезает через несколько минут. Играется рыба, хочет сынок обхитрить рыбака; тоже некоторый опыт имеет, пусть и наивный. Ещё через несколько минут заново мелькнёт свет и опять канет в никуда. Пробует рыба, опасно или нет...

На третий раз свет из комнаты задерживается на добрых десять минут. Рыболов поднимается и крадётся. Ни звука от рыболова, ни звука и от сынули... И неприметно горит настольная лампочка в комнате; но не проведёшь знающего рыбака. Он скользит между стен, пригнувшись, и губы его укрупняются и лоснятся в полумраке, довольные губы, будто бы чувствует рыболов мясистую вкусную гадину во рту.

И чем ближе к сыновней комнате, тем едва заметно, но всё же ярче становится вокруг от подступающего света. Скользит рыболов меж стенами, и где-то рыба скользит под ночной водой. Кто перескользит: рыба или рыболов, сын или отец?

Кроме прочего, и нос рыболова удлиняется, заостряется копьём; ещё и задорно двигается носопырка, вроде того принюхиваясь к обречённой животинке.

И сынишка не промах: сидит за дверью над книгой, под настольной лампочкой, поставив её под тем углом, чтобы меньше света; но не смотрит на буквы, а слушает маленькими зоркими ушками и обнажает свои зубки, готовясь вроде того прикусить добычика-рыболова за руку, а то и в большую мякоть запястья. Вершится основательное дело: отец хочет сожрать сына, а сын хочет достойно и ощутительно цапнуть отца. И как только потянется тихо-тихо вниз дверная ручка, так сразу потухнет лампочка, и сын за раз окажется в кровати — вроде как он спит.

Заметивши отсутствие света, рыболов так же, как опускал ручку, тихо поднимает её вверх. И на цыпочках ускользает между стен в свою пустую тёмную комнату. Не удаётся лёгкая ловля... Лёгши в кровати, сам того не зная, убирает отец укрупнившиеся губы. Не лоснятся они больше и не радуются. И нос затупляется, возвращается в некрасивую картошку. Глядит в потолок рыболов.

В неписаной темноте глаза его хотят сощуриться, чтобы не впускать так много чёрной густоты, но не слушаются они и глядят во всю широту и глубину в потолок, и черпают в себя колодцем, пьют до дна; да только нет вроде бы никакого дна. Рыбак не выдерживает и в надежде смотрит в коридор. Можно было и сдаться на непоимку, заснуть и попробовать в другой раз изловить мясистую гадину; но не спится рыбаку.

И сыну тоже не спится. Не хотел он больше сидеть над буквами в книге. Хотелось испробовать силы рыбака. Но отчего-то помаленьку и пропадает, и тухнет весь живой азарт. И тогда так же, по подобию рыбака, лежит он и глядит в потолок, не видя ни зги; и черпает, всё никак не доставая до дна.

Не могут уснуть отец и сын. И не могут продолжать взаимную ловлю. Захотелось им другой — отеческой и сыновей — взаимности. Но откуда же ей взяться, если оба порядком упорные, как святые подвижники! Каждый не отступает, глядит в потолок, черпает и черпает, задавливая тяжёлым грузом своё сердце.

Первым не выдержал сын. На то он и рыба. Встаёт и тихонько подходит к своей двери, опускает без звука ручку, открывает дверь с малым шорохом. Слушает он и ждёт не пойми чего; и вот дожидается — скрипнула немного кровать в большой комнате. Зашевелилось сконфуженное тело в той комнате.

— Батя, что же это — умерла маменька; и что же теперь делать?

— Кхмэ, — крикнул оттуда недовольный голос.

— Вот как же, помню: маменька совсем повысохла, когда видели маменьку в гробу. Будто кукла какая. И лицо натянутое, губы сжатые у ней, — сказал сын. — Маменьки нечто и не было, осталась только кукла неживая, труп, — прожалобил сынишка.

— Вот гад какой! — занемог отец. — Вот неимётся! — И заёрзал на кровати тонушим рыбаком. — И меня убивает, что ли? Вот попался сынок!

Рыболов-отец лежал близко к стене, буквально упёршись в неё, на месте жёнушки; чувствовал недремлющей спиной свет из рыбьей комнаты, и глаза его постепенно зажигались чем-то новым. И немного боязно, наверное, было бы подумать стороннему наблюдателю, но в то же время и с надеждой о том, что будет делать дальше рыболов...

«Уйдёшь в литературу поутру»

*Участники Мастерской АСПИР в Мурманске (2024)
на страницах «ДН»*

Дмитрий Бобылев

Ждушим, любимым и прочим

* * *

В парке ночуют олени,
Рыжим листом укрываясь.
Бронза блестит на коленях,
В стылой луне отражаясь.

Ходишь, на лавочку сядешь,
Гость из панельного дома.
Греются лавочки пяди,
Мёрзнет листок на ладони.

Ждушим, любимым и прочим
Холод ползёт под колени.
Звонко дыхание ночи,
Бронзово сердце оленя.

* * *

Куда деваться в этом декабре?
Промокший двор неделю ждёт рассвета.
Не выйти потому, что нет дверей.
Вернее, есть внутри, снаружи — нету.

Бобылев Дмитрий Викторович — родился в 1987 году в г. Серове. Окончил филологический факультет Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии. Публикации в журналах «Знамя», «Наш современник», «Нева», «Юность» и др. Автор поэтических сборников «Флажки на карте» (Екатеринбург, 2017), «Улица Бобылева» (СПб, 2023) и книги прозы «Ксякся» (СПб, 2023). Лауреат литературной премии им. Олега Герасимова (2019). Участник литературной резиденции АСПИР на Урале. С 2014 года живёт в Санкт-Петербурге.

Нет переулков с твёрдой мостовой,
Нет улиц, расступающихся мирно —
Сплошная хмарь, и город неживой
Колышется в окне прокисшей ширмой.

Там за окном, понурый, я иду,
И грустно мне смотреть на путь неверный.
В такие дни из окон упадут
Те, кто в пространство за окном поверил.

И лужи тшатася отразить ничто,
Но вот — какой-то дурень, сапожищем
Сминая воздух, вылепляет ртом:
— Я выронил ключи. Пойдём поищем.

Владислав Емельяненко

...где жизнь и смерть соосны

* * *

В лесах где жизнь и смерть соосны.

Александр Переверзин

в лесах где жизнь и смерть соосны
о чём-то замолчали сосны
о чём-то замолчали травы
и я о чём-то замолчал

и стынет время на пригорке
и пар идёт из-под земли
идёт посмертная работа
листвы

идёт-течёт промеж корней
гниёт и снова оживает
и превращается в людей

что бродят хмуро по опушке
глаза сожмурив с непривычки
и растворяются по ходу
и просыпаются листвой

Емельяненко Владислав Павлович — родился в 1999 году в г. Ленинск-Кузнецкий (Кемеровская область). Окончил Кемеровский государственный университет. Публиковался в журналах «Пролиткульт», «Огни Кузбасса», «Бельские просторы». Участник международных Форумов писателей «Липки» и Мастерской АСПИР. Живёт в Санкт-Петербурге.

а там по новой
с непривычки
живут
и жмурятся от солнца
живут
и жмурятся от солнца
и не касаются
земли

* * *

крякает механика часов
и комната становится прудом
а время тиной
по краям квартиры

и в чём-то вязком и похожее на сон
приходит утро
кто его позвал?
и как мертвец всплывает собственное имя
которое
не опознать никак

и сам ты словно так себе жилец
родился как-то заново ни к месту
но имя новое всё так же тесно
и словно смерть — его не пережить

Александр Курапцев

Во времени дыра

* * *

хвойная похёла калевал
стерви-лярви мурава-трава
дух лесной лосиные рога
ягодный отвар грибной угар
камень камень ты кому стоишь
ты зачем поднять себя велишь

Курапцев Александр Владимирович — родился в 1981 году в г. Дзержинске на Донбассе. Работал грузчиком, кровельщиком, горнорабочим, сторожем, охранником, слесарем-сантехником, официантом, контент-менеджером; в настоящее время — электрогазосварщик на ОАО «РЖД». Пишет стихи, рассказы, песни, выступает как автор-исполнитель. Изданы два поэтических сборника: «Лоскуты» (Донецк, 2011) и «Иван-душа» (СПб., 2024). С 2014 года живёт в Санкт-Петербурге.

и на камень сверху положить
будто после сможешь ты ожить
ночью встретишь белку и лису
ночью хвойно ягодно в лесу
по ночам на каменной горе
бродит в шкуре зверя человек
он волшебный инструмент берёт
песни по-звериному поёт
и от этих песен там и тут
ёлки выше облака растут
реки полноводные текут
камни речи мудрые рекут
мёртвый финн смеётся остяку
лёжа под скалою на боку

* * *

во времени дыра
затягивает в рай
где все мы детвора
бегущая за край
за самый тонкий слой
за зыбкий горизонт
где не хватает слов
и так туманен взор
вот зрелый человек
из фокусов и вер
вотще плетущий вервь
ведущую наверх
вот семя и зерно
заброшенные в ночь
которым всё равно
в каком из топких снов
расти от сель до сель
вбирая ум и тьму
и позабыв про все
зачем и почему
вот всё что есть и нет
в замызганных руках
летающее на свет
грозы и ночника
врываясь и дробясь
через дверной проём
взирая на себя
себя не узнаёт

* * *

где болота стекаются в моря разливанные
где макар не макал и мазай не тусил
светятся лаврики обетованные
яко на земли тако на небеси
туда не доехать на тачке и в бричке
вертолётom не долететь никаким
туда приводят неприехавшие электрички
мечты и одичавшие борщевики
там заспиртованные строители
лепят теплушки из мармелада
одной рукой подать до питера
другой рукой — до ленинграда
там лавры и мавры великолепные
гудят стадионы спортивным понтам
и ловят голкиперы мякиши хлебные
мы все после смерти окажемся там

Алина Митрофанова

Ты слышишь только тишину внутри

* * *

Уйдёшь в литературу поутру
Мечтательной девчонкой угловатой,
Ни стиль письма, ни поведенья стиль,
Ни одеванья стиль, ни раздеванья
Ещё не выработавшей...

Ещё тебя здесь гонят все взащей —
Ну вот ещё одна, поди-поди же
Да прочитай хотя бы книг три сотни,
Потом к нам осторожно постучись,
Осядь в углу, найди к полудню мужа,
С которым до обеда доживёшь.

Митрофанова Алина Валерьевна — родилась в 1992 году в г. Тихвин (Ленинградская область), в детстве жила в близлежащем городке Пикалёво. Окончила Санкт-Петербургский государственный институт культуры. Работает библиотекарем. Пишет стихи и прозу. Публиковалась в журналах «Нева», «Звезда», «Аврора», «Урал» и др. Автор трёх книг стихотворений. Живёт в Санкт-Петербурге.

И если до обеда не умрёшь,
То дальше близость умножай на книги,
Прогулки вниз по склону до реки,
Рисуй словами, сочиняй грехи
И искупай их теми же словами.
Топись в реке, но лучше не топись,
Твоя всё это будет летопись.

На ужин не иди. Тебя не вспомнят.
Займи себя до самой темноты,
Покуда ты не перейдёшь на «ты»
Со всем, что есть вокруг, живым и мёртвым.

...к полуночи вернёшься, хлопнешь дверью
И свет зажжёшь на первом этаже.
И сядешь в кресло то, что в самом центре,
Тебя пойдут другие выгонять,
Но вдруг посмотрят,
Вдруг тебя увидят,
Заохают:
Ну как ты постарела,
Вес набрала, тоску и нетерпимость,
А ведь могла бы за собой следить,
Вот эти, те в твои, гляди-ка, годы
Бывали очень даже ого-го...
А ты молчишь. Ты их совсем не слышишь,
Ты слышишь только тишину внутри
И чувствуешь,
Что книга получилась.

Александр Эбаноидзе

Дом на горе

Помнится, в ту ночь мне опять не спалось. Я встал и, стараясь не шуметь, вышел на балкон.

Ночь была душная, беззвёздная. Изредка по деревьям пробегал ветерок, точно вздох затаённой печали. Одинокий сверчок, как и я, мучимый бессонницей, грустно выводил свою песенку. Слабенькие минорные тремоло, повторяющиеся с безысходной тоской, сжимали сердце, тревожили воображение, как чей-то безответный сигнал в ночи. Горы сдвинулись к реке. На их угрюмой черноте тут и там сиротливо мерцали огоньки человеческого жилья. Далёкая могучая гряда тоже придвинулась и казалась сгустком непроглядной тьмы. Её вершины холодно белели во тьме.

Я стоял на краю балкона, касаясь руками тёплых перил. Подо мной по склону раскинулся виноградник. С пиками покосившихся подпорок, торчавшими из поредевших лоз, он походил на потрёпанное воинство, обступившее старого предводителя. Между домом и виноградником росла смоковница. В прежние годы она вымахивала под крышу, и мы прямо с балкона срывали полопавшиеся от спелости плоды. Теперь смоковница усохла, последние её силы ушли в непомерно разросшиеся листья. Не стало ни слив во дворе, ни черешен: спиленные по старости, они давно смешали свой дым с небом, а пепел — с землёй.

Далеко внизу, в глубине ущелья, из-за горы показался поезд; погода донесла слитный рокот колёс. Поезд прошёл по мосту, отражаясь огоньками в реке, и увёз за собой характерный перестук, долго затихающий в ущелье.

Вот и опять я здесь. Я вернулся.

Когда-то под крышей нашего дома лепились ласточкины гнёзда и слышалась их взволнованная радостная скороговорка. Теперь гнёзд нет. Они отвалились при обновлении черепичной кровли: дому больше ста лет, и источенные матицы и стропила обессилели от ветра, дождя и обильных январских снегов. Я, как мог, способствовал обновлению, через друзей помог раздобыть подходящий материал: старую черепицу сменил алюминиевый шифер. Дом как бы взбодрился; новое перекрытие встало выше прежнего, и теперь дом выглядит чуточку нелепо, как молодящийся старик в свежей фуражке с высокой тульей.

В дальнем конце двора со стороны кладбища показался маленький изумрудный огонёк; словно бы в растерянности поплутав по просёлочной, помигивая, прошёл сквозь частокол и, облетая на пути деревья, поспешил вниз, к винограднику.

Как печален одинокий светлячок в ночи у родного дома! По преданию в них к нам приходят души усопших...

Я смотрел вслед исчезнувшему во тьме огоньку и думал о тех, кто ушёл из жизни, оставив нам дом и очаг, думал о предках. Что за сила всё чаще приводит меня сюда и сладко гложет сердце? Что сохоронено в этих стенах, вобравших в себя умолкнувшие голоса и дым каминов?.. В сущности, я жил здесь не так уж долго: два года в детстве, в войну да наездами всю жизнь. Отчего же так сокровенна наша связь? Есть с десяток домов, где я жил дольше и благополучней, чем здесь. Но все они отслаивались, отделялись от души, стоило в последний раз закрыть за собой дверь — даже счастливейшие из них. Здесь же всё наоборот. С каждым годом мы срастаемся всё нерасторжимее — я и дом на горе с его отзвучавшими голосами и выдохшимися запахами...

* * *

В первый раз меня привезли сюда годовалым младенцем. Разумеется, я ничего не помню о нашей встрече, но рассказы мамы и тётушки Мариам сделали меня её участником.

Тётушка Мариам рассказывала между делом, иначе у неё не получалось — она все время была занята: месила тесто, рубила хворост, ворошила угли в камине и раздувала огонь, пекла кукурузные лепёшки, лушила фасоль, отцеживала сыр, соскребала с лепёшек нежные листочки акации, по каковой причине её рассказ то и дело прерывался, порой даже сворачивал в сторону, но неизменно возвращался в стремя.

— Тебя привезли к нам маленького, после болезни. Сколько помню, тебе как раз год исполнился... Пора хорошая: конец лета, но сбор винограда ещё не скоро... Сузи (так на грузинский лад она произносила имя моей мамы — Сюзанны), Сузи говорила, что какой-то тбилисский доктор чудом спас тебя от скарлатины, буквально с того света вернул. Подписку с родителей твоих взял, дескать, если что, чтоб не привлекали... Но спас, красавчик, дай бог ему спасения от беды и напасти... Распеленали тебя, горемычного, вот здесь вот, на этом столе... Господи! То ли младенец, то ли не знаю что, помесь лягушонка с червячишкой. Ножками сучишь, хнычешь-пузыришься, веки красные... А мой Леван, когда из Тбилиси приезжал, так тебя нахваливал, уж так нахваливал!.. Вот вы все старшим любуетесь (мой брат Игорь был старше на два года), а видели бы вы младшего... Я ему говорю: Лео, сынок, где твои глаза! Разве ж этого лягушонка можно с Игорем равнять? Это же как небо и земля, сынок!.. А он мне на это: подожди, мать, вот выздоровеет, поправится, тогда увидишь... И ведь прав оказался мой Леван! Прав, родимый, почему я не погибла за него... Вон ты какой, глаз радуется!.. — И она смеялась лёгким молодым смехом (такой смех был у неё до старости — лёгкий и молодой) и старалась незаметно утереть слезу, как будто от дыма из камина или от лука.

Не то радовало тётушку Мариам, что из помеси лягушонка и червячишки вырос плечистый румяный отрок, а то, что я был живым напоминанием о её первенце Леване, неизбывном её горе... Я рос, вырослел, мужал, а тётушка Мариам всё препиралась надо мной с любимым сынком и радовалась его прозорливости...

Мамина история была проще и драматичней.

— Собрались мы тебя искупать перед сном, подогрели воду в кумгане у огня, но, видно, перестарались. Ты с рёвом мне на руки, верещишь, зашёлся весь. А разбавить воду нечем. Сам знаешь: дом на отшибе, до ближайшего родника с полкилометра по круче. «Придётся подождать, пока вода остынет», — говорит рассудительная Маргарита. Елена ахает, причитает: «Уй, уй, уй, ошпарили, тётки бестолковые!..» А я сунула тебя ей в руки, подхватила ведро и в дверь. «Куда, Сузи?! — кричат вслед. — Стой!..» Маргарита пытается остановить, а я уже выскочила и в гору, к кладбищу. Там, возле

Нина Орлова-Маркграф

«У полумесяца, креста, кольца дорог»

Памяти Магомеда Ахмедова

Я думал, глядя вниз,
что как вершина
выдерживает снег
среди ломких скал,
так жизнь я выдержал,
когда ползла лавина
и века нового грозил обвал.

Магомед Ахмедов

1

Умер. Сообщение получила рано утром, в самолёте. Я летела на родину, а он в это же время летел на свою небесную родину. Я разговаривала с ним, а он молчал. Наш многолетний диалог прервался.

Я помню Магомеда Ахмедова молодым, восемнадцатилетним. Учились на одном курсе в Литературном институте, в одном творческом семинаре. Юные, непримиримые, бескомпромиссные. Какие страстные споры, какие громы гремели во время обсуждения стихов. Его голос был слышнее многих, он всегда садился впереди и весь уходил в происходящее. Мне с галёрки виделся седоком, приподнявшимся в седле, нетерпеливо устремлённым ввысь. Вскокивал, чтобы высказать своё мнение — напористо, сокрушительно. А когда читал стихи на родном аварском, что это было? Орлиный клёкот, клототание потоков, несущихся с гор Дагестана. Казалось, язык аварский — весь из подобных звуков: щёлканье, щебет, клёкот, крики птиц и шум бурных горных рек. Через язык я ощущала ауру этого горного края. Однажды после каникул Магомед привёз мне из Дагестана кувшин. Моё первое представление о Дагестане сложилось по этому тёмному от обжига строгому и изящному кувшину с чеканным орнаментом вокруг высокого горла. Кувшин и сейчас стоит на полке в моей старой квартире. А рядом на стене висит на цепочке кавказский рог для вина с посеребренным зевом, Магомед привёз его мне на четвёртом курсе, ласково подшучивая над моим увлечением христианством: «Не обязательно, для вина. Можешь наполнять его елеем».

2

Все мы, литники, жили в общежитии на Добролюбова. Это тоже очень спланировалось и родило нас. Здесь мы получали образование через обмен редкими книгами, беседы за чаем, ну, бывало, и за чем-нибудь покрепче. Врывались друг к другу в комнату прочесть только что рождённые стихи или с какой-нибудь ошарашивающей идеей. У Магомеда в письменном столе общежитской комнаты хранился роскошный блокнот, просто полиграфическое чудо. Лежал он в неприкосновенности, за пять лет не было исписано ни одной страницы. Стихи записывались в другой, простенький, блокнот. Однажды Магомед рассказал про этот образец высокой полиграфии. В четырнадцать лет он решил показать свои стихи какому-то литератору (не помню, кто это был), земляку, для чего спустился из своего высокогорного аула и отправился с тетрадкой в Махачкалу. Литератор, прочтя несколько стихотворений, тут же позвонил Расулу Гамзатову со словами:

- В Дагестане появился новый истинный поэт.
- Немедленно веди ко мне, — приказал Гамзатов.

Расул послушал стихи. Потом достал роскошный блокнот, который, очевидно, привёз из заграничной поездки, и подарил юному дарованию с надписью «Для самых лучших стихов». Листы в нём пока оставались чистыми. Видимо, Магомед считал, что лучшие стихи он ещё не написал.

Через несколько лет Расул Гамзатов рекомендовал семнадцатилетнего юношу в Москву, в Литинститут. Восемнадцать ему исполнилось в ноябре, когда он уже стал первокурсником. Учился Магомед жадно, устремлённо, прицельно. Как-то весной по теплу, перед первой лекцией стояли первокурсники во дворе Дома Герцена, покуривали. И видят спешащего от входа с Тверского бульвара Магомеда Ахмедова, энергично взрывающего сильными ногами пространство вокруг себя. И Маша Зоркая громогласно объявляет: «Вот идёт будущий Председатель Союза писателей Дагестана». Все засмеялись. Нет пророка в своём Отечестве. Мария-то, пророчица, правду сказала. Так потом и вышло.

Собираясь вечерами у кого-нибудь в комнате, вели бесконечные споры о литературе, иногда что-то рассказывали о себе, о своей прежней довузовской жизни. Магомед рассказал, что когда был мальчишкой, то отец, аульский чабан, отправил его пасти овец. Магомед повёл стадо, но засмотрелся на вершины, на орлов в небе и упоённо стал сочинять стихи. Очнулся, а стада нет. «Никогда из моего сына не выйдет хорошего чабана, — рассердился отец. — Беспутный мальчишка». Отец прожил долгую жизнь и успел увидеть, как его сын Магомед стал народным поэтом Дагестана, известным в республике человеком.

Юность, счастье наше! Сколько весёлых проделок, подшучиваний, безмятежного баловства! Шалили порой как дети. Я в неумеренности своей даже забралась однажды к Магомеду на горбушку, отлично покатаюсь! Всё нам было смешно. Магомед особенно любил поохотаться. Один из однокашников, близкий друг Магомеда, на выходные обычно приглашал в гости свою девушку. Зная, что мы будем мешать ему, бандитски стучать в дверь и кричать «эй, открой!», он однажды предупредил: «Я на выходные уезжаю в Таллин». И мы, лопухи, поверили. Но кто-то в час дня увидел его осторожно крадущимся на общежитскую кухню, чтобы поставить чайник... Дело раскрылось. И с тех пор повелась у нас поговорка выходного дня: «К. уехал в Таллин». Эту историю про «уехал в Таллин» Магомед вспоминал при каждой встрече и рассказывал так, что мы смеялись как в первый раз.

У нас была страстная, просто маньячная любовь к книгам, к чтению. В Москве открылись океаны литературы, поэзии, о которой мы, юные провинциалы, знать не знали. Нам русский язык был родным, а Магомед, аварец, знавший его тогда

поверхностно, с присущей ему энергией постигал нюансы языка, что отмечали и преподаватели, в том числе Владимир Павлович Смирнов, читавший курс «Истории русской литературы конца XIX — начала XX века» и знавший досконально творчество поэтов Серебряного века. Однажды Смирнов попросил, чтобы Магомед помог на экзамене своему земляку, плохо владевшему русским языком, и при необходимости переводил на аварский язык вопрос преподавателя. Магомед, конечно, согласился. Смирнов задал вопрос по Бунину:

— Можете ли назвать произведение Бунина, которое вызвало огромный отклик в критике и сразу же поставило Бунина в первый ряд писателей?

Магомед растолковывает земляку вопрос, где по-русски, где по-аварски. Студент напрягается, делает вид, что вспоминает, но явно не знает ответа. Магомед тихонько на аварском подсказывает:

— «Деревня».

Студент радостно кивает головой и отвечает Смирнову:

— Это рассказ «Аул»!

История умалчивает, что ответил Смирнов и сколько раз пересдавал этот экзамен студент. Но я знаю, что к Магомеду Ахмедову Смирнов относился как к особой личности. Дружеские отношения между ними продолжались всю жизнь. И не раз Владимир Павлович был гостем Дагестана. Как-то мы вместе летели на гамзатовские дни. В самолёте много говорили, вспоминали, конечно. Он с досадой рассказывал о том положении дел, какое сложилось в постсоветские годы в Литинституте. А на открытии фестиваля в Махачкале Владимир Павлович выступил с такой блестящей речью, что к нему из толпы стали пробиваться люди, чтобы поговорить и пожать руку.

Я много раз бывала на родине Магомеда, в Дагестане. Ярко помню свой приезд в 1980 году. Это был июль, в Москве — грандиозное открытие Олимпийских игр. Магомед встретил меня в Махачкале, и вскоре мы вошли в небольшой, похожий на русскую избу домик, который они снимали с женой Мариной Колебакиной-Ахмедовой. Их маленький сын Мурад был у родителей Марины в Харькове. Обрадованные встречей, мы выпили чуток вина и пошли к морю. Мы с Мариной, болтая и смеясь, впереди, а Магомед чуть позади. На пляже сидела компания сельских парней — они просто не сводили с нас глаз. Женщины на пляже — для дагестанцев экзотика. Магомед как суровый телохранитель сопровождал нас, наиценнейших и неприкасаемых персон. И только через десятилетие, как мгновенная вспышка, у меня появились строчки:

Я помню Дагестан годов восьмидесятых.
Моложе Каспий был. Он льнул к моим ногам.
А брат мой Магомед, глядел ревнивым братом.
Да, кажется, тогда я обрела в нём брата —
на этих берегах.

До сих пор помню, как вышли мы с Мариной в сад ночью, пахнувшей морем, пряностями и сладковатым тленным духом упавших на землю абрикосов. И звёзд на небе — крупных, южных — наверное, миллиарды, и некоторые такие огромные, что представлялись неопознанными летающими объектами, подмигивающими свысока.

Мы с Магомедом и группой местных писателей отправились в поездку по Дагестану и выступали с чтением стихов в клубах и Домах культуры. Я поразилась, как дагестанцы любят слушать стихи, как интересуются и буквально внимают. В этом краю, наверное, каждый в душе — поэт. В те дни произошло судьбоносное знакомство с Шейит-Ханум Алишевой, кумыкской поэтессой. Такая горячая, шумная, хохочущая, а стихи — трепет, завораживающий шёпот. Я потом перевела книгу её стихотворений «Плачь, люби, вспоминай». Год работала. Книга вышла в 1990 году в самом, пожалуй,

престижном тогда издательстве «Советский писатель». Мы, автор и переводчик, подружились, и дружба длилась всю жизнь, так обстоит дело и до сегодняшнего дня. Мне запомнился тогда городок Хасавюрт, весь в садах, виноградниках, полный умиротворённой тишины. Вечером Магомед повёл меня в гости к своему другу. Опять застолье, стихи, песни, смех, тосты. Я помню, как вышла из дома на крылечко. Тишина, мирный сон и покой после трудового дня. Последнее десятилетие советской власти, имя тебе — безмятежность. Могло ли нам тогда прийти в голову, что этот город станет местом жестоких бандитских разборок, резни, кровавых боёв и убийств?

Магомед Ахмедов не был пай-мальчиком, по жизни всякое бывало. После института вернулся в Махачкалу, и внешне всё складывалось удачно, гладко. Но что-то вдруг стало томить и надламывать его душу: однообразная обыденная жизнь, порой несносная её пошлость, разочарования в любви, в личной жизни? Никогда не пивший в Москве, а среди студенчества это водилось, тут он впал в неумеренное винопитие. Тогда же произошёл у Магомеда конфликт со старшим другом, наставником, поэтом, которого он считал великим, — Расулом Гамзатовым. Думаю, Расул был терпелив и строг с ним, но справедлив. И позже Магомед признал это. Тут начинается сюжет блудного сына, растянувшийся на десятилетие. Магомед уехал из Дагестана. Бродяжничал, бражничал с московскими и жившими в Москве дагестанскими поэтами и литераторами, нигде не работал. (Но зная тебя, Магомед, друг мой, я уверена, что никогда душа и ум твои не жили в праздности, внутренняя работа шла всегда.)

Пройдя через все искушения, блудный сын вернулся домой, в Дагестан. Пришло понимание, что здесь его земля, его дом и что писать, работать он может только в Дагестане и для Дагестана.

Но мирного советского времени уже почти не оставалось. Закончилась перестройка, и над страной нависла та беда, которую мы и теперь ещё расхлёбываем: Магомед Ахмедов, свидетель и очевидец крушения империи, которой он гордился, принадлежа ей духом и плотью, написал:

И я там плыл, в тот страшный час судьбы,
когда корабль большого государства
с народами, где был и мой аварский,
встал на валах, весь в пене, на дыбы.
Мгновеньем отделён он был от краха.
И, взятый штормом в новые тиски,
об океан ударился с размаха,
и с треском развалился на куски...

(Перевод Нины Маркграф)

3

Магомед был сыном наиболее благополучной второй половины двадцатого века и прожил больше двадцати лет в двадцать первом веке, но так и не принял его.

Я помню юности моей весёлый бег.
Был чист и счастья ждал,
а вышло вон как!
Меня к груди прижал двадцатый век,
а двадцать первый —
вышлет похоронку!

(Перевод Нины Маркграф)

Распад СССР в 1991 году принёс неисчислимы беды Дагестану и его народу. Низкий уровень жизни, безработица, беззаконие, коррупция — всё это стало для Магомеда личной трагедией. Его не покидало чувство вины, что он ничего не сделал, чтобы не допустить этого краха.

К больному сердцу приложив ладонь,
стою, окаменелый, у развилки,
у полумесяца,
креста, кольца дорог...
Где та страна,
которую любил ты?
Ты ни сберечь её,
ни возратить не смог.
Ни чем помочь.
И прах лежит у ног.

(Перевод Нины Маркграф)

А мрак всё сгущался. Перестали выходить книги. Уникальная школа художественного перевода с языков народов России на русский уничтожалась на корню. Слово поэта, слово писателя обесценилось, потеряло свою роль и было с презрением изгнано из средств массовой информации. Наступили тёмные тревожные времена, когда страшно было на улицу выйти. Магомед с горечью говорил, что в Дагестане переполнены Дома сирот. А дальше хуже: формирование вооружённых банд, намерением которых было оторвать Дагестан от России. Сколько молодых мужчин, юношей и даже подростков погибло на той кровавой бессмысленной войне!?

Воздух пахнет снегом или кровью?
Я не то что жить — дышать устал.
Вырастают новые надгробья,
не снимает траур Дагестан.

Время — сапогами по обломкам,
по спине солдатским вещмешком.
Что ему до предков? До потомков?
Время не заплачет ни о ком.

(Перевод Нины Маркграф)

3 ноября 2003 года умер Расул Гамзатов. В эти худые обескровленные годы Магомед Ахмедов возглавил Союз писателей Дагестана. В бывших советских республиках процветали националистические и антирусские настроения. Особенно усердствовала интеллигенция, и более других — писательская и околосредств массовой информации публика. Многие из них получили бесплатное качественное образование в лучших московских вузах, жили практически бесплатно в общежитиях и получали стипендию. Но националистическая зараза, она как вирус, сразу идёт в кровь. Даже одна моя подруга, поэтесса, однажды заявила мне, остолбеневшей: «Я, может, в Сорбонне училась бы, если б не Россия». Помню, что тогда ответила ей в шутку: «Тебе повезло, у тебя много братьев и сестёр. Если б каждый продал по одной почке, может, и хватило бы на три курса Сорбонны. Но не уверена, что на полный курс».

Ни в какие годы Магомед Ахмедов не отрекался от России и своих друзей из России. Он любил Москву, город его судьбы, и, когда приезжал, стремился пройтись по своим любимым местам.

Однажды, будучи в Дагестане, мы отправились в знаменитый высокогорный аул Гуниб, который когда-то прилепился к вершине отвесной скалы. Я попросила Магомеда пойти со мной к беседке Шамиля. Гуниб — священное место для любого

кавказца и русского, помнящих свою историю. Именно здесь в 1859 году была поставлена точка в истории Кавказской войны. Беседка Шамиля стоит над камнем, на котором сидел генерал-фельдмаршал Барятинский во время переговоров о сдаче в плен на почётных условиях имама Шамиля. Постояли. Я шутливо протянула Магомеду мизинец, как в детской игре:

— Мир, мир — навсегда, ссор, ссор — никогда.

— Как это возможно, чтобы мы поссорились!?

— Я о наших народах, Магомед.

— Дагестан без России? Это погибель.

Он лукаво так улыбнулся.

— Расул Гамзатов по этому поводу хорошо сказал: «Дагестан никогда добровольно в Россию не входил и никогда добровольно из России не выйдет».

Потом указал на беседку.

— Пытались называть её «Ротонда Барятинского». Не прижилось. Имам Шамиль в памяти дагестанцев крепко сидит. Говорят, когда Барятинский ему сказал, что понапрасну он воевал, Шамиль ответил:

— Нет, не напрасно. Многих кровников моя борьба сделала братьями, многие враждовавшие между собой аулы она объединила, многие народы Дагестана. Племена враждовали между собой и непримиримый клёкот слышался с каждой горы: «Мой народ», «моя нация». А эта борьба соединила нас в единый дагестанский народ. Вот мое завоевание.

У Магомеда Ахмедова есть стихотворение «Поэт и Имам».

Потемнели горные отроги,
Отступили русские к реке...
«Выхожу один я на дорогу», —
Зазвучало где-то вдалеке.

Бой отгрохотал взрывным обвалом,
И опять настала тишина...
Толмача спросил Шамиль устало,
Что за песня у реки слышна?

И сказал толмач: — Поручик русский
Сочинил для песни той слова,
От которых так на сердце грустно,
Что к земле клонится голова.

— Так скажи, о чём же песня эта?..
— О дороге, Боге и звезде,
О душе печального Поэта,
Что покоя не найдёт нигде.

— Кто же он, Поэт тот неизвестный?
— Воевал с тобой он раньше здесь...
Звали его Лермонтом... За песни
Был убит, отстаивая честь.

— Горцы наши совершили это?..
— Нет, своими он убит, имам.
— Разве много так у них поэтов?
Или мало так у них ума?

Иль народ они такой богатый,
Что не жаль Поэта одного?..
Если б я с ним встретился когда-то,
Не поднял бы саблю на него.

В небо посмотрел Шамиль с тревогой,
Где сверкали звёзды, как штыки...
«Выхожу один я на дорогу», —
Доносилось мирно от реки.

(Перевод Марины Ахмедовой-Колубакиной)

Кстати, замечательный перевод.

Гуниб — родное место для Магомеда, всего в девяти километрах, если по прямой, по горам — находится аварский аул Гонода, где он родился и вырос. Здесь, среди высочайших вершин Гунибского плато, царица их — Седло-гора. У Магомеда она живёт во многих стихах. Издалека гора напоминает полосатую громадину, состоящую из двух скальных поясов. Говорят, что русские солдаты во время Кавказской войны прозвали её Чемодан-гора.

В 1986 году в высокогорном Гунибе был установлен памятник «Белые Журавли». Это после того, как прозвучала на весь Советский Союз и всех очень тронула песня «Журавли» на стихи Расула Гамзатова. На церемонии открытия присутствовали создатели песни: автор стихотворения Расул Гамзатов, переводчик на русский язык Наум Гребнев и композитор Ян Френкель. У подножия памятника установили белый рояль, за которым Френкель исполнил эту песню. Праздник был великолепным, звучало много стихов и песен, и тогда же возникла идея проводить в Дагестане ежегодный фестиваль «Белые журавли».

После смерти Расула Гамзатова «Белые журавли» превратились в Гамзатовские дни. Я много раз была участником этого знаменитого фестиваля. Посмотришь со стороны — какое красивое мероприятие, какое радостное дело! Но всё нужно четко организовать — ведь это Гамзатовские дни! — праздник праздников! Союз Писателей стал общественной организацией: ни денег, ни зарплат, ни грантов... Три дня фестиваля, огромная делегация гостей со всей страны. Литераторы отправлялись на выступления в Дербент, в Гуниб и в Хунзах. Поездки в горные районы сопровождалась вооруженной охраной, больше десятилетия там не прекращались бандитские нападения. Транспорт, охрану, людей — всё это надо было найти, выпросить, организовать. Но всякий раз Магомед на прощание говорил мне:

— Сколько буду жив, столько буду проводить Гамзатовские дни. Никто не отговорит.

4

Приезжала ли я в Дагестан или Магомед прилетал в Москву — в молодые годы это были шумные встречи, и главной нашей любовью по-прежнему оставалась Поэзия. Я могла произнести любую строку поэта любого века, периода, школы, а он подхватывал, и мы читали дальше вместе. Его процесс самообразования продолжался всю жизнь, последние годы он углубился в философию, изучал суфизм. Но корни русской поэзии всегда питали его стихи. Читая, например, одно из стихотворений Магомеда Ахмедова, я вспоминаю лекцию о Державине и державинской линии в русской поэзии замечательного Константина Александровича Кедрова.

Во мне начала и концы миров,
Во мне основы их, и их покров.
Во мне движения времён секрет,
Во мне вопросы и во мне — ответ.

Начало — небеса, земля — конец.
 Я — жизни смысл! Я — вечности венец!
 Один Всевышний знает все пути,
 Но я старался лишь себя найти.
 Томился дух телесностью земной,
 И ныло тело, сжатое душой.
 И день в раю, а на другой — в аду,
 Я в этом балансировал ряду.
 Порою кладом сокровенным был,
 Убогим бедняком порою слыл.
 Моим был мир — в нём не было меня.
 А был я эхом тающего дня.
 Во мне сошлись века, стихом звеня, —
 Не раз за песни погибал и я.
 Мальчишкой, был я стариком седым —
 Старея, полон жаром молодым.
 И этот мир, и тот во мне сошлись, —
 Начало и конец, а вместе — жизнь.

Благодаря Аллаху одному,
 Миры во мне... И всё уйдёт к Нему...

(Перевод Мамеда Халилова)

Притча о возвращении блудного сына, как известно, имеет духовный подтекст и подразумевает возвращение души человеческой к отцу Небесному. Постепенно свершилось это второе и главное возвращение: Магомед Ахмедов пришел к Отцу своему Небесному, Аллаху. Об этом говорили не только внешние перемены, например, ни на торжественных банкетах, ни в дружеском узком кругу за многие десятилетия никогда, ни разу не видели его выпивающим хотя бы глоток вина. В его бокале всегда были вода или сок. Присутствие Всевышнего всё наполнило новым содержанием: и жизнь повседневную, и жизнь духовную, и творчество. Такие стихи, как «Посох и чётки», «Есть одиночество...», «Молитва» появились тогда, когда он обрёл веру.

Однажды перед литературным вечером в ЦДЛ (это был вечер Юрия Полякова), я увидела направляющегося к лестнице в Большой зал Магомеда (был проездом в Москве, кажется, из Якутии). Догнала и, привстав на цыпочки, закрыла ему ладонями глаза. «Нина!» — угадал он. И вдруг мысль. «Ну да, сразу угадал, потому как всё меньше остаётся тех, кто вот так подлетит к тебе». Магомед выглядел утомлённым, постаревшим, немного грустным. Так сложилась жизнь. Будучи поэтом, не особо приспособленным для публичности и организаторской работы, он стал общественным деятелем. С годами отточился и талант блестящего оратора, совсем уж редкий нынче дар. Когда-то я была свидетелем того, как Расул Гамзатов, руководивший Союзом писателей Дагестана, увидел в юном Магомед Ахмедове своего воспитанника. Думаю, это был пророческий взгляд.

Находясь постоянно в окружении многих людей, каким же одиноким человеком был Магомед! За год до кончины он позвонил мне и как-то особенно настойчиво и горестно просил приехать в Дагестан: «Сегодня мы живы, а завтра уже кто знает. Надо увидеться. Я хочу повидаться».

Повидаться со мной — это повидаться с юностью, с однокурсниками, с нашими ребятами. Но я не смогла поехать — обстоятельства, которые, может, и можно было преодолеть, но я подумала, что увидимся ещё и не раз. Казню себя, что не приехала.

И всё же мы увиделись ещё раз. В конце ноября 2022 года Магомед Ахмедов провёл свой последний творческий вечер в Москве, в ЦДЛ. Много торжественных речей, поздравлений. Взглянув строго и неумолимо, вызвал меня к микрофону,

как школьницу к доске. Я сказала несколько слов о нашей юности и прочла свой перевод стихотворения «Разговор с ветром». А потом подумала, что надо было прочесть другое. Вот это.

Читал я громадную книгу земли,
на глине, папирусных свитках,
на жёлтой бумаге в архивной пыли,
в брошюрах, на скрепках и нитках.

Я жизнь перелистывал.
Долго мой слух
безверья ласкала блудница,
и лживое слово ломало мой дух —
я страшные видел страницы!

Пробитые пулями были одни,
другие — в кровавых отточьях,
А третьи разодраны — соедини
державы мельчайшие ключья!

Там совесть затёрта,
зачищена честь,
подослан к Отчизне убийца...
Но дальше не смог я
сложить и прочесть
обрывки кровавой страницы...

(Перевод Нины Маркграф)

От того, последнего, творческого вечера Магомеда Ахмедова осталась память грустная, но и утешная, много фотографий и фильм. Магомед, чуть отстранённый, уже чувствующий непомерную тягость, бессмысленную суету земного, приближение к вечности. Через два месяца, в феврале, я позвоню ему в больницу и спрошу, что из книг он взял с собой в палату. Ответом будет: «“Исповедь” Толстого и любимого Блока. Ну ещё со мной блокнот и ручка».

Виктория Полищук

Пять минут до рассвета

Дневник. Избранное (2001—2019 гг.)

Напрасны думы о былом —
они извечны.
Надежда вспыхнула,
застряла в горле комом —
я просто радуюсь, живу...

Виктория Полищук

Дневник как запечатлённое событие несостоявшегося...

Почти парящий дневник Виктории Полищук в действительности — запечатленное событие того, что ожидалось, но не состоялось. В этом его трагизм, который, однако, незаметен, потому что текст читается легко и просто. Личные, женские высказывания полны борений, но не с жизнью, а с самой собой. Жизнь — данная реальность, и не она надиктовывает ситуацию, нечто более высокое и запредельное: Дух, которому отзывается Душа. И красота благодати находит себя в наблюдениях, замечаниях, языке... Словно она призвана отвлечь внимание от глубоко спрятанной мысли с её философским контекстом, ибо мысль умеет завершиться истиной. Философия личного бытия Виктории Полищук насквозь субъективна, но при этом доверчива и открыта диалогу. Жажда общения и встречи проступает восходом, который постепенно поглощается закатом. Ожидание и следом — разочарование порождают недовольство, но не другими, которых напрасно ждала, а самой собой. Изложено это изящно, слова будто парят, и не сразу ощущаешь, как всё это обрастает уроками мудрости с едва заметной, деликатной религиозностью.

Почувствуйте и прочувствуйте дневник Виктории, чтобы узнать, какой ценой дается погружение в истину... Лучшие всего его суть выражают её собственные слова: «Мир иной открылся мне!» (так называется её первый поэтический сборник). И становится очевидным, что дневник Виктории Полищук естественно и гармонично вписывается в её творчество, соседствуя с картинами, стихами и прозой.

Елена ТВЕРДИСЛОВА

Полищук Виктория Ефимовна (1943—2022) — литератор, художник. Окончила филологический факультет МГУ. Соредактор российско-израильского литературного альманаха «ДИАЛОГ» (с 1996). Автор двух сборников стихов: «Мир иной открылся мне...» (Библиотечка поэзии Союза писателей Москвы, 2014); «Пять минут до рассвета» (Библиотека альманаха «Паровоз» Союза российских писателей, 2018). Стихи печатались в журналах и альманахах в России, Израиле, США. Шестнадцать персональных выставок в Москве. Работы находятся в частных собраниях по всему миру. Член международного художественного фонда, Московской ассоциации художников.

1 июля 2001 г.

Переделкино. Произошло что-то странное и новое — синяя школьная тетрадь в клеточку и накрывшие с головой воспоминания о двенадцатилетней девочке с её несостоявшимся, вернее, уничтоженным моими руками дневником. Может быть, сегодня — начало нового дневника той давно ушедшей девочки, не реализовавшейся и не прожившей...

Сидели на открытой террасе до часу ночи. Эти часы, минуты безмятежности и тишины — прекрасны. Но это внешняя страничка бытия, а внутри всё время отщелкивает беспокойство.

2 июля 2001 г.

Переделкино. Это странное действие продолжается. Как будто незатейливую пьеску разыгрываем в добрых, уютных декорациях не нашего дома, возле камина. Игра всерьёз и понарошку одновременно, как в детстве, — еда из кукольной посуды.

Тишина. Величественные сосны за окном большой (гостевой) спальни. Летняя духота. И повседневное, ставшее нормой, внутреннее беспокойство. Дни уходят, а жизнь не приходит. Это не мое, не наше с Радочкой¹. Мы *здесь* в гостях (это не только о Переделкине).

Опять засиделись допоздна на открытой террасе. Где-то уже так было: звёздное небо, тревожная луна, шорох листьев, чей-то шёпот, неспешный разговор о разном, можно не вслушиваться, можно молчать... Всё это без меня... Снова миражи...

И всё-таки спасибо за это путешествие в никуда.

4 июля 2001 г.

Ночью в половине четвертого проснулась. Пели птицы. Говорят, что соловьи. А я явственно слышала: чьи вы? чьи вы? чибис... (почему-то с детства было страшно: чьи вы? чьи вы? и зачем идёте вы сюда?). В любом случае: рассвет, пение птиц, сосны и ели на фоне предрассветного неба — это всё-таки немножко другое состояние...

Вечером приехала домой в Марьино.

Здравствуй, будни. Какое скучное слово!

22 августа 2004 г.

Ни дня без строчки. Меня всегда пугали люди упорные, точно знающие, как и что надо делать каждый день, каждую секунду. Казалось бы, позавидовать надо, брать пример.

Нет, это не я, не обо мне.

Я блуждаю всю жизнь в лабиринте раздумий, неуверенности, нестабильности и прочих «не»...

Два года назад стали рождаться строки. Не дневниковые — поэтические (осмелюсь сказать; или стихотворные — как скромнее?).

Нежданно-негаданно:

Застигло врасплох
Неверный шаг
И рухнет всё мирозданье...

Это сегодня мелькнуло... И, как всё у меня и во мне, неизвестно, будет ли продолжение, появятся ли новые строки, я жду, я замираю и иногда нахожу «почеркушки» на листочках, вырванных из моего маленького «ручного» блокнотика — почему вырванные? почему впопыхах записанные? кто нашептал? услышу ли ещё?..

¹ Радочка — сестра Виктории, писатель Рада Полищук.

Два причала
 конец и начало
 нет связи нет смысла
 только звучит призывно и вечно
 слабый мотив тихая песня
 без слов и без стопа
 пригрезилась мне
 в начале пути и в конце

Иногда я вспоминаю их без знаков препинания (могу себе позволить). Иногда — читаю с изумлением, недоверием и сомнением, мое не убиваемое НЕ — стучится в сердце.

Вслух я их никогда не читаю, не «выступаю». Иногда снятся, знакомые, незнакомые, и в дневник приходят без стука, без спроса. Прислушиваюсь...

Боюсь — вдруг зависнут в пространстве, будто потеряли меня. Пришли — ушли в никуда, как бы и не было ничего. До слез знакомая картина.

2 декабря 2005 г.

Дух угнетен, душа пуста, плачет, рыдает. Я здесь, а жизнь идет где-то там, параллельно, и мы с ней уже никогда не пересечемся.

Нет ни времени, ни сил сосредоточиться на главном, заняться чем хочется.

А «сбоку» вопрошают: есть ли оно, главное, хочется ли заняться чем-то?

Дух не терпит пустоты.

Душа не терпит суеты.

Но каждый день жизни — это день жизни. И это счастье, что она продолжается.

Сегодня была ужасная ночь. Долго не могла уснуть. Видела мамочку, жаловалась на боли в сердце (она и умерла от инфаркта, пятого! на шестьдесят шестом году). А потом снились странные, летающие уродцы.

Днем родилось несколько строк:

Ночные кошмары,
 дневные виденья.
 Узоры причудливых сновидений.
 День суетен,
 ночь бесконечно пуста.
 Я сплю,
 я рождаю уродцев
 Из теней, сплетений
 ночных наваждений.

11 декабря 2005 г.

Мои непомерные страхи, отступите... Молю об одном, о главном, даже не облекая это в словесную форму. Страшно — говорить молитву своими словами.

Молча молю, молча прошу...

Господь милостив, а человек привередлив и капризен. И сам не знает, чего он хочет. Или только думает, что знает. А дай ему ЭТО — и оказывается, что и ЭТО не то.

Так ли? Много примеров, далеких, чужих и близких, на ухо нашёптанных по секрету. Приятельница буквально плачет: да, я просила мужчину... ОН дал... но я просила не этого... Да и я сама не раз о том же: НЕ этого! НЕ это!

Ну что тут скажешь: осудить? пожалеть? Вместе поплакать над несбыточностью? Смириться с тем, что есть? Смирение — вершина благочестия и добродетели. Смирение, покорность, послушание, повиновение, кротость и т. д. (все из словаря, не поленилась) — заманчиво: покорно подчиниться Другой Воле. Чьей Воле? Заманчиво, даже соблазнительно. Сулит отдохновение от мук, освобождение от ответственности.

Покой, наконец?

Мир опустел,
только пение скрипок
гонит позёмку
прощальных улыбок...

Банальность истин милых: жизнь конечна, но прекрасна... Я ли это?..
Хочется жить (оптимистка!) и «строить фантазии» (фантазерка!).
«Давай построим фантазии», — говорили наша одесская бабушка Голда и её сестра Дора. «Строили», ссорились в пух и прах, мирились, снова «строили»... жили... (Так написала Радочка в своих «Одесских рассказах», я ей верю.)

21 января 2006 г.

«Две верных подруги — любовь и разлука — не ходят одна без другой...».
Это о глобальном и вечном и совсем о конкретном, о чём страшно и подумать...
Даже написались несколько строк:

Случайные встречи, забытые речи,
мелькнувшие дни,
осталось немного —
отрезок дороги, ведущей к той дали,
незримой и вечной — конечной.
Нет больше печали, нет тайны разлуки,
жалость ушла, хандра и тоска.
В объятья сплетаются руки...
До боли знакомо
иль снилось всегда?

Не первый раз пишу: в строках — о потаенном, сокровенном у меня получается легче, как будто они живут сами по себе (но *приходят ко мне*, меня *нашли*, не я их, они меня, я это чувствую). Спасибо — «неведомо кому».

22 января 2006 г.

Не успокоюсь после вчерашней записи. Часто ловлю себя на том, что в пастернаковском «Сестра моя жизнь...» мысленно ставлю запятую после «сестра» получается «Сестра, моя жизнь...».

Ты моя жизнь, сестра...

Несчётно раз слышала: «У тебя есть сестра, какое счастье!». По разным поводам, ничего особенно не имея в виду: ну раз в году на день рождения пойти (два, если не близнецы), подарки, пожаловаться по телефону на мужа, на жизнь вообще, когда-никогда сходить в кино, в магазин или в театр, ну, может быть, наследство... И всё.

А сиамская неразделенность, когда до психушки один шаг без особого повода, и невыносимая боль, когда ей делают операцию, и наркоз — только ей... ты просто сестра, у многих есть сёстры, никто не сходит с ума и не требует наркоз от чужой боли...

На этом можно остановиться. Точка.

Или всё же — многоточие...

18 февраля 2006 г.

Люди, занимающиеся древними цивилизациями, — счастливые люди. Другое мироощущение. Соприкосновение с вечным наверняка поднимает над обыденностью. И отступает страх перед неизбежным...

12 сентября 2006 г.

«И что бы я ни задумал, меня преследует вопрос: зачем вся эта бессмыслица? — вопрос, который грозит завладеть мною целиком и полностью» (Теодор Фонтане).

Может быть, и мне всегда мешал жить этот неразрешимый вопрос?!

**ВИКТОРИЯ ПОЛИЩУК:
ПОТОКИ НЕРАЗГАДАННЫХ МИРОВ**

«Увидеть мир чистыми, непредвзятыми глазами — очень важно и очень трудно для художника. Это высокий дар. Работы Виктории Полищук — тихое, камерное искусство, которое позволяет зрителю оставаться самим собой и одновременно погружаться в новые, загадочные, завораживающие своей красотой миры, где нет ни одной фальшивой ноты».

Григорий КЛИМОВЕЦКИЙ, искусствовед

«Свобода самовыражения, сопряжённая с глубиной, напряжённостью, искренностью чувства, создаёт пространство мечты — удивительно поэтичные образы, выраженные художественным «верлибром». Разнообразие стилей, сочетание экспрессии, фантазии и этической деликатности дарит возможность творческого сопереживания, сочувствия и постижения нового мира — новой Вселенной, имя которой Виктория Полищук».

Александр КИРНОС, писатель

«Живопись и графика Виктории Полищук, наверное, были бы похожи на её стихи — неординарностью, непредсказуемостью. Но мне кажется, они — другого цвета. Цветов других, неистовых, ослепляющих до рези в глазах, до головной боли, а иногда вообще — не-цветов: такие линогравюры, с графикой дождя, штриховкой тумана».

Ольга АКАКИЕВА, филолог, поэт, артистка театра-студии «Слово»

Работы 2009–2020 годов из серий:
«Сотворение мира» (Триптих «День Второй»),
«Зеркала», «Блуждающие окна», «Сонет букетов».
Бумага, картон, холст, акрил, гуашь, акварель,
масляная пастель, смешанная техника, монотипии.

Александр Махнёв

Собор Святейшего Сердца Иисуса

Исторический очерк

Собор Святейшего Сердца Иисуса в Ташкенте — архитектурное сооружение, удивительное во многих отношениях.

Месяцев пять тому, а, пожалуй, и больше, задумал я написать о ташкентском «польском» костеле. Уже не припомню, что послужило триггером, кажется, разговор с кем-то на эту тему, но я увлекся. Кто бы мог подумать, что работа займет столько времени.

Начал я, как водится, с интернета. Перелопатив немало материалов, с некоторым удивлением обнаружил, что, кроме рекламно-туристических сведений, в инете очень мало по-настоящему интересной информации. Тогда, подключив связи и знакомства, я вышел сперва на органного мастера Юрия Владимировича Зотова, потом на архитектора Сергея Сергеевича Адамова и инженера-конструктора, большого энтузиаста восстановления костела Александра Викторовича Пономарёва. Они подсказали мне, где искать.

Много чего я перечитал и пересмотрел — и по истории строительства, и по позднему восстановлению храма, и, попутно, по некоторым событиям, связанным с ним. И захотелось написать нечто не сугубо историческое, а по возможности увлекательное, хоть и основанное на фактах. И, кроме того, мне показалось интересным поведать о некоторых персоналиях, к костелу причастных.

«Польский» костел, несомненно, одно из самых замечательных зданий Ташкента. Тем более странно, что о нем до сих пор не написано чего-то, хоть отчасти соответствующего значимости этого много претерпевшего творения. Увы, при входе в сам костел, на информационной табличке, совсем не упомянут этап его восстановления. Не говоря уже о людях, его осуществивших.

Надо сказать, что сбор материала по костелу шел нелегко (местами так и «не дошел»). Я так и не понял, почему — разве что в силу ореола готики, окутывающего здание, — но любые сведения у людей, имеющих что-то сказать по теме, приходилось поначалу выуживать. А людей таких было немало — под дюжину собралось. Образовалась у меня в процессе работы эдакая секта «свидетелей костеловых», каковые, по законам всякой секты, тайны свои выдавали весьма неохотно. При том что люди это все

Махнёв Александр Николаевич родился в городе Комсомольск-на-Амуре в 1964 году, но практически всю жизнь живёт в Ташкенте. Печатался в журнале «Звезда Востока» и (в переводе на узбекский) в журнале «Ёшлик» («Молодость»).

В «Дружбе народов» публикуется впервые.

профессиональные, увлеченные своим делом, каждый вольно или невольно пытался обратить меня «в свою веру». Архитектор в архитектурную, органист в органную, кузнец в кузнечную. Не говоря уже о католической. Сохранить нейтралитет, не переувлекшись чем-то одним, было непросто. Но в целом я убедился, что пробел в истории Ташкента восполнить нужно, тем более что от начала строительства костела до его завершения прошло восемьдесят с лишком лет. А на настоящий момент костел уже второй свой век распечатал.

Собор Святейшего Сердца Иисуса — католический храм, расположенный почти в центре Ташкента, — это кафедральный собор Апостольской администрации Узбекистана, более известный среди горожан под названием Польский костёл.

Активное распространение католичества в странах Среднеазиатского региона началось во второй половине девятнадцатого века и было связано с российским продвижением на восток. Застрельщиками стали сосланные сюда участники польского восстания 1863 года, а в дальнейшем — преимущественно офицеры, для которых в Российской империи служба в Туркестане являлась одним из условий получения высших воинских званий, ну и члены их семей, конечно, а также солдаты из числа военнослужащих царской армии — поляки, литовцы, немцы, французы, венгры, латыши, которых правительство посылало (на всякий случай) служить подальше от родины: на Дальний Восток, в Туркестан, на Кавказ.

Так или иначе, но к 1875 году католиков набралось здесь достаточно, и они впервые обратились к властям Туркестана за разрешением на строительство католического храма.

С 1883 по 1885 год первым официальным католическим священником в Туркестанском крае был отец Фердинанд Сенчиковский. Его инициативами в Ташкенте была построена католическая часовня (каплица), где стали проводиться мессы для военнопленных, преимущественно поляков. Отсюда и народное название будущего костела — Польский.

Подготовка же к строительству католического храма в Ташкенте была начата по инициативе священника Юстина Бонавентуры Пранайтиса в 1912 году, возле той самой часовни, хотя к активному возведению приступили, по-видимому, только в 1914 году. Во всяком случае, на декоративно оформленном гербе, остатки которого были обнаружены при обследовании памятника в 80-е годы на восточном фасаде здания, указан именно этот год.

Юстин (Иустин) Пранайтис — довольно противоречивая фигура. Сын литовского крестьянина, окончив гимназию, поступил в духовную семинарию, а в 1883 году — в Римско-католическую духовную академию в Санкт-Петербурге. В 1886-м был рукоположен в священники, а годом позже получил степень магистра теологии. По окончании академии был назначен в ней префектом и преподавателем древнееврейского языка.

Несколько скандальную известность Пранайтис приобрел своей антисемитской книгой «Христианин в Талмуде еврейском, или Тайны раввинского учения о христианах». Но, хотя Пранайтис и был учеником авторитетного семитолога той эпохи — Хвольсона, его сочинения рассматривались специалистами как дилетантские и псевдонаучные.

В 1894 году его судили по обвинению в шантаже (якобы он потребовал в багетной мастерской 1000 рублей компенсации за испорченную дешевую картину, которую выдавал за картину кисти Мурильо) и сослали в Тверь. А в 1902-м для верности — еще дальше, в Туркестан. Тут он развернул бурную деятельность. По его инициативе были построены католические церкви в Ташкенте, Бухаре, Самарканде, Ашхабаде. Его активная миссионерская работа, выразившаяся, в частности, в «сворачивании в католичество» нескольких чинов Туркестанского гарнизона, весьма заинтересовала

полицию и отражена в оживленной полицейской переписке. Словом, человек был действительно предприимчивый.

Реконструировать в какой-то мере отдельные эпизоды из истории начала строительства нетипичного для Ташкента здания помогла рукопись одного из участников стройки — Игоря Крестовского, талантливого (в будущем советского) ваятеля, видного специалиста в области реставрации памятников искусства. В административном центре Туркестана Ташкенте прошли его детство и юность.

Отец Игоря Всеволод Владимирович Крестовский — кроме прочего и писатель, хотя почти забытый — тоже довольно неожиданным образом отметился в истории Ташкента. Автор нашумевшего в свое время романа «Петербургские трущобы. Книга о сытых и голодных» (в конце прошлого века российское телевидение показало весьма успешный телесериал по этому роману под названием «Петербургские тайны») некоторое время служил в Туркестанском крае «чиновником особых поручений». По прибытии в Ташкент вместе с назначенным туда генерал-губернатором Черняевым Крестовский получил от него поручение осуществить ревизию основанной в 1870 году Туркестанской публичной библиотеки (ныне Библиотека имени Алишера Навои). Результатом был рапорт Крестовского Черняеву, где указывался факт преимущественного интереса читателей к неблагонадежным произведениям и журналам России, что, учитывая прибывавший сюда из России контингент, было неудивительно.

Указав на ряд недочетов в деятельности библиотеки, Крестовский главнейшее зло усмотрел в том, что «большая доля внимания подписчиков посвящается повременным изданиям, между коими первое по количеству спроса место занимает журнал “Дело”, затем “Отечественные записки”, “Вестник Европы” и проч. Из русских авторов наибольший спрос на сочинения Щедрина (Салтыкова), Добролюбова, Писарева, Некрасова».

13 декабря 1882 года последовал приказ генерал-губернатора за номером 302 о закрытии библиотеки. Были даже планы распродажи с «публичного торга» значительной части библиотечного фонда. К счастью, они не осуществились. Через год библиотеку открыли снова, но уже под названием «Книгохранилище при ташкентском музее» и под присмотром специально созданного «наблюдательного совета».

Однако вернемся к костелу. В 1916 году Игорь Всеволодович готовился к поступлению в Петербургскую Академию художеств. После зачисления в подготовительный класс юноша на лето уехал домой в Ташкент. Когда в поисках временного заработка он пришел к городским властям (тоже, кстати, интересная подробность — вот вы, например, прибыв в другой город, станете обращаться к властям на предмет трудоустройства?), ему посоветовали связаться с главой римско-католической общины.

Поскольку кадетский корпус (теперь там расположен ТашМи — Ташкентский медицинский институт), в котором получал начальное образование юный Крестовский, находился прямо напротив строившегося костела, он, конечно, наблюдал, как начиналось его возведение, и теперь был приятно удивлен заметным продвижением стройки за время его отсутствия. «К моему приезду из Петербурга в середине мая 1916 года, — пишет он в своих мемуарах “Пути жизни”, — уже был заложен общий фундамент, построена парадная лестница с балюстрадой и пьедесталами для четырех апостолов, сделана нижняя церковь, где уже служили мессы, а над церковью, на площадке, воздвигались стены самого костела».

Главой римско-католической общины был как раз Юстин Пранайтис. Игорь Всеволодович описывает ксендза как властного, энергичного и целеустремленного человека. Пранайтис, судя по всему, произвел сильное впечатление на юношу. Будущий ваятель словесно лепит образ незаурядного священника: «За большим дубовым столом, в широком плетеном кресле сидел высокий худошавый человек, одетый в черную сутану. Он был с короткой стрижкой седеющих волос, с большим

Михаил Павловец

Дайте сказать своими словами

О сочинениях в школе — и в жизни

В 2024 году можно отметить два небольших юбилея: десятилетие так называемого итогового сочинения, которое пишется 11-классниками с 2014 года, и пятилетие большого межвузовского проекта «Всероссийский чемпионат сочинений “Своими словами”», пятый сезон которого открывается осенью этого года. Оба начинания выросли из одних корней, из одного общего запроса и инициативы, но представляют собой принципиально разные явления, в каком-то смысле даже взаимоисключающие. Одно — проводится со всей безапелляционностью дела государственного значения, второе — движение, можно сказать, снизу, от образовательного, точнее, — вузовского сообщества, привыкшего не только осмыслять возникающие проблемы, но и находить им решение.

Но обо всем по порядку.

Хорошо известно, как же хочется взрослым — родителям, учителям, деятелям культуры, — чтобы наши дети писали сочинения. Многие убеждены, что умение их писать нужно «возродить», причем среди таковых непременно найдутся и те, кто свой личный счастливый опыт перенесёт на советское образование в целом («была отличная учительница, позволяла писать, что думаешь, — и зачитывала лучшие сочинения перед классом»), противопоставляя его нынешнему, когда дети якобы ничего не пишут (якобы — из-за «оболванивающего» ЕГЭ с его якобы «тестами»). Другие (кому, возможно, не так повезло в школьном детстве или кто просто лишен ностальгии по всему советскому) с восторгом перепощивают мигрирующие по соцсетям темы сочинений из дореволюционных гимназий:

- Слово как источник счастья.
- Почему жизнь сравнивают с путешествием?
- Родина и чужая сторона.
- О скоротечности жизни.
- Какие предметы составляют богатство России и почему?
- О высоком достоинстве человеческого слова и письма.
- О непрочности счастья, основанного исключительно на материальном богатстве.
- О проявлении нравственного начала в истории.
- На чем основывается духовная связь между предками и потомками?

Михаил Павловец — филолог, преподаватель словесности. Родился в 1972 году в Твери. Окончил МПГУ. Доктор филологических наук, профессор школы филологических наук факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ, учитель словесности Лицея НИУ ВШЭ. Автор более 200 публикаций по истории русской литературы XX — начала XXI века — поэтического авангарда, неподцензурной литературе, современного литературного процесса, а также глав школьных и вузовских учебников и работ по истории литературного образования в России.

При этом выражающие восторги убеждены в высоком качестве гимназических сочинений, забывая, что самих гимназистов было не более 6% от общего числа их получающих хоть какое-то образование сверстников¹: у одних не было денег на оплату гимназического образования, у других — достаточных способностей к его получению, у третьих — правильного вероисповедания (скажем, на иудеев существовала своя процентная норма). Впрочем, взгляд педагога обратит внимание на то, что в некоторых из приведенных выше формулировок заранее задается желанный для учителя ответ: так, размышляя на тему «О непрочности счастья, основанного исключительно на материальном богатстве», разве что из подросткового нигилизма начнешь возражать, что всякое бывает понимание счастья и кто-то, может быть, удовольствуется зажиточностью, не претендуя на большее, и будет чувствовать себя вполне счастливым человеком. Однако педагогическая мысль с тех пор пришла к пониманию, что нельзя в формулировках тем сочинений давать готовые ответы: юный автор будет не размышлять над предложенной проблемой, а постарается подобрать нужные аргументы к тому ответу, который заранее известен и должен понравиться проверяющему. Для формирования умения встать на не свойственную тебе точку зрения и связно ее излагать, это, может быть, и неплохо: сегодня продвинутые учителя нередко дают темы, где ты должен представить заведомо чужую и вовсе не обязательно близкую тебе позицию, например, посмотреть на Раскольникова глазами Порфирия Петровича. Да только педагогическое значение такого рода упражнений, если заведомо не оговаривается, что это не твоя точка зрения — а своего рода ролевая игра, сочинение, написанное под маской, весьма сомнительно: что это как не школа лицемерия, воспитание привычки к «чего изволите-с?».

Тем не менее даже такие аксиомы современной педагогики далеко не всем доступны — если посмотреть на некоторые формулировки тем, предлагаемые выпускникам средней школы в рамках так называемого итогового сочинения. Вот, например, из пакета 2023—2024 учебного года: «Почему упорство принято считать достоинством, а упрямство — недостатком?» Формулировка смешная, если учесть, что «упорство» и «упрямство» — синонимы, просто одно слово наделено положительными коннотациями, а другое — отрицательными (как «шпион» и «разведчик», «интернационалист» и «космополит», «отважный» и «отчаянный»). По большому счету, надо отвечать в сочинении на другой вопрос: когда одно и то же качество в человеке является его достоинством (и тогда его называют «упорством»), а когда — недостатком («упрямством»).

Но это ещё не самый плохой случай, тут можно вывернуться и проявить хоть какую-то самостоятельность мысли вместо имитативной назидательности, которую ждут от школьника. Вот другая тема из того же ряда: «О силе или слабости человека, по Вашему мнению, говорит отсутствие у него чувства стыда?»

И тут следует напомнить, что же это такое — «итоговое сочинение».

В начале 2010-х годов к Президенту РФ пробила группа авторитетных общественных деятелей, от среднего образования, кажется, далеких, но свято уверовавших, что введение ЕГЭ лишило школьников возможности писать развернутые высказывания на русском языке, всё сведя к «тестам». Просьба к Президенту была — «вернуть» в школу написание сочинений². Президент велел Министерству образования

¹ В 1913 году в средних общеобразовательных учебных заведениях — гимназиях и реальных училищах обучалось 498,5 тыс. чел. Это 5,9% от всех обучавшихся. При этом 83,1% составляли ученики начальных и низших школ, 0,9% — студенты. Остальные — учились в низших специальных учебных заведениях, в духовных — нехристианских конфессий и т.п. Источник: *Калабеков Г.Е.* Российская империя и страны мира в цифрах (<http://gicw.ru>). За консультацию благодарю коллегу Л.А.Кацву.

² Почему «итоговое сочинение» ещё долгое время называли *возвращенным*: обычная риторическая фигура в нашей общественной мысли, когда многое из того, что вводится — от ГТО до «Движения первых», — подается как «возвращение некогда утраченного», при игнорировании изменившихся исторических и культурных контекстов подобных начинаний.

разобраться и принять меры, министерские чиновники собрали рабочую группу, озадачив ее вопросом: как «вернуть» то, что никуда из школы не уходило — но так, чтобы и звучало весомо, и какая-никакая польза от этого была, и действующие законы (прежде всего недавно принятый Закон об образовании) очевидным образом не нарушать.

Ведь вся проблема состояла в том, что инициаторы «возвращения сочинения» имели в виду исключительно сочинение по литературе — учебной дисциплине, которой к тому времени не исполнилось и 100 лет, поскольку введена она в России после революции как предмет прежде всего пропагандистски-воспитательный и индоктринирующий. Ибо, как было сформулировано в позднесоветской (1977) Программе по литературе (формулировка оттачивалась десятилетиями): «Важнейшая цель изучения литературы в школе — формирование коммунистического мировоззрения, идейно-политическое, нравственное и эстетическое воспитание учащихся». Главным воспитательным механизмом при этом считалось «воспитание примером»: положительные герои литературы должны были служить примером для подражания, отрицательные — предметом для осуждения. Вот как та же самая цель была артикулирована несколько ранее, в «Программе средней школы по литературе за VIII — X классы 1938 года», на языке своей эпохи, куда более прямолинейном: «Показать величие русской классической литературы, воспитавшей многие поколения революционных борцов, огромное принципиальное отличие и морально-политическую высоту советской литературы, научить учащихся разбираться в основных этапах литературного развития без упрощенства, без схематизма — такова историко-литературная задача курса VIII — X классов средней школы».

Как придать весу «возвращенному» сочинению, эксперты МинОбра придумали — его надо сделать «допускным»: без написания такого сочинения стало невозможно получить допуск к сдаче ЕГЭ, в том числе обязательных ЕГЭ по русскому языку и математике. Да, непонятно, почему неумение или нежелание раскрывать одну из тем «итогового сочинения» лишает потенциального абитуриента права сдавать математику — при чем тут вообще математика, пусть и вместе с русским языком и другими предметами? В Законе об образовании таких ограничений предусмотрено не было, пришлось вводить их дополнительными подзаконными актами. Однако ещё более строгим ограничением был запрет на два итоговых экзамена по одному предмету. По сути же «итоговое сочинение» его инициаторами мыслилось именно как сочинение по литературе (и отчасти — по русскому языку, так как предполагало владение речью и грамотностью)! И тогда придумался довольно оригинальный, хотя и сомнительный с точки зрения Закона об образовании ход: «итоговое сочинение» объявлялось «метапредметным», но при этом «литературоцентричным».

Что это значит?

Первое — «метапредметное» — значит, что умение создавать развернутые письменные высказывания на разные темы действительно нужно далеко не только на литературе — и формируется далеко не только литературой. К тому времени сочинения были включены в состав и других ЕГЭ: по русскому языку, истории, обществознанию¹. И тут как раз понадобился опыт гимназических сочинений: такие сочинения писались в рамках предмета «Словесность», а не «Литература» (напомним, этот предмет —

¹ Впрочем, введенное в 2012 году, сочинение по истории в 2022 году было исключено из состава ЕГЭ под предлогом того, что, как объяснили в Рособрнадзоре, «задание утратило творческую составляющую и превратилось в воспроизведение по памяти заученных шаблонных сочинений с многочисленных репетиторских интернет-ресурсов». (<https://ria.ru/20240111/ege-1920802974.html>) Действительной же причиной, как мне кажется, было то, что учителя-историки не были готовы учить своих подопечных создавать развернутые письменные высказывания по своему предмету на проблемную тему, а методисты — разрабатывать объективные критерии оценки подобных ответов.

советское изобретение): на «Словесности» гимназисты изучали язык в различных его модусах — и повседневно-разговорном, и официально-деловом, и научном, и художественном, учась выражать свои мысли на самые разные темы и в самых разных стилях. Да, среди этих тем попадались и те, которые мы сейчас называем «литературными», вот несколько примеров таковых: «Моё любимое чтение», «Как развивалась страсть в Плюшкине», «Богатая крестьянская усадьба в изображении Тургенева» и др.¹ Но чаще это были действительно сочинения на различные морально-этические или проблемно-социальные темы, дающие возможность гимназистам продемонстрировать и гибкость своего ума, и владение аргументацией, и богатство словаря, и грамотность.

Но самое время вернуться к упомянутой выше теме из пакета «итоговых сочинений» 2023—2024 гг. — «О силе или слабости человека, по Вашему мнению, говорит отсутствие у него чувства стыда?». Напомним, от этого сочинения зависит, будешь ли ты допущен к сдаче ЕГЭ по математике, русскому языку и другим предметам (а значит, — к получению высшего образования). В таком случае — можно ли себе представить, что умный старшеклассник, скорее всего, повторюсь, из чувства противоречия начнет доказывать, что отсутствие стыда свидетельствует о силе человека? Он уже получил прививку школьного благоразумия: пиши не то, что ты думаешь или хочешь написать, даже если так не думаешь, пиши то, что от тебя ждут! Глупо заниматься самовыражением на экзамене, тем более — таком бессмысленном, как «итоговое сочинение». Ещё в первые годы утверждения этого сочинения авторы министерских методических рекомендаций по его написанию с некоторым возмущением рассказывали, как, раскрывая тему «Есть мечты, которые ведут по жизни, а есть — которые от нее уводят», некий юноша доказывал, что Борис Друбецкой из романа Л.Н.Толстого «Война и мир» является образцом человека, которого мечты о блистательной карьере и высоком положении ведут по жизни, тогда как безрассудно погибший Петя Ростов является образцом того, кого мечты о славе и подвиге от жизни увели! Рассуждения автора сочинения эксперты Федерального института педагогических измерений (который и придумывает нам и ОГЭ с ЕГЭ, и темы «итоговых сочинений») оценили как «этическую ошибку» и искажение авторской позиции... Л.Н.Толстого! Но, позвольте, разве «итоговое сочинение» спрашивает точку зрения Толстого, а не собственного автора?

И вот тут мы должны вернуться ко второму из определений «итогового сочинения» — оно, конечно, «метапредметное», но оно — «литературоцентричное». Что это означает, до сих пор внятно его идеологи объяснить не смогли. На стадии обсуждения его в рабочей группе ещё звучали предложения позволить школьникам писать сочинение по тем проблемам, которые их волнуют: пусть будущие экономисты пишут об этике обладания большими состояниями или перспективах криптовалют, программисты — о потенциале и опасностях искусственного интеллекта, спортсмены — о проблемах спорта высоких достижений... Однако, напомним, инициаторы «итогового сочинения» хотели «спасти» именно сочинение по литературе, а раз двух экзаменов по одному предмету быть не может, следует обязать выпускников размышлять на общеэтические темы, но — на материале литературных произведений. Идеологи сочинения были даже готовы смириться с тем, что в сочинении позволялось обращаться к произведениям за пределами обязательной школьной программы: пусть школьники продемонстрируют свой читательский кругозор. Зато в таком виде многие даже вполне профессиональные словесники итоговое сочинение приняли², хотя

¹ Темы взяты со страницы сайта Чемпионата сочинений «Своими словами», посвященной дореволюционным сочинениям <https://своимисловами.рф/ekaterina-korolyova?ysclid=ly02jvzjp1945514982>

² Приняли многие словесники, даже вполне профессиональные.

именно на их плечи легла задача и проведения, и проверки написанного: да, кто-то спишет, кто-то понапишет всякой ерунды, но ведь в навозной куче и жемчужное зерно можно обнаружить! Ведь есть те лучшие дети, которые любят читать, любят размышлять над прочитанным, задаваться непростыми вопросами! Ради них можно и пострадать, взяв на себя дополнительное бремя и подставив под удар (создав для них лишние проблемы) тех, кто читать и рассуждать в письменной форме не любит...

Надо было только понять, что значит «раскрывать тему на материале литературных произведений». Сперва из методических рекомендаций, размещаемых на сайте ФИПИ, следовало, что литературные произведения должны служить «аргументом» в рассуждениях на ту или иную тему — вот как в вышеприведенном случае с темой про мечты, которые могут «вести по жизни», а могут и «уводить от нее». Правда, вскоре выяснилось, что авторы концепции такого сочинения для самих себя не разобрались, должны ли старшеклассники «раскрывать авторскую позицию» (то есть отвечать в сочинении на вопрос «что нам хотел сказать автор?») или они вправе предлагать собственную интерпретацию прочитанного, даже если их интерпретация расходится со взглядом самого автора на то, какую мысль тот хотел донести своим творением. Если нужно первое, — то никакой разницы между «литературоцентричным» сочинением и школьным «сочинением по литературе» нет, и мы имеем дело с обычным подлогом. Если же второе, — то читательская интерпретация прочитанного никак не может служить аргументом к тезису, который имеет отношение не к самой книге, а какой-то лежащей вне ее проблеме.

Поясним на простом примере — всё из того же комплекта тем 2023—2024 года берем первое попавшееся: «Согласны ли Вы с тем, что служение любимому делу приносит счастье?» Какие варианты ответа здесь можно предложить: да, приносит; нет, не приносит; и да, и нет — приносит и счастье, и страдание. Все три тезиса я могу обосновать примером из повести Гоголя «Шинель»: Акакий Акакиевич счастлив, занимаясь любимым делом — переписыванием букв; Акакий Акакиевич несчастлив, так как одержимость любимым делом превращает его в объект насмешек и травли, а также доводит до нищеты; Акакий Акакиевич как будто бы и счастлив — но врагу не пожелаешь такого счастья... Можно ли считать аргументом такое обращение к художественному тексту, если художественный текст по определению стремится к многозначности, потенциально — допускает взаимоисключающие трактовки, иначе бы он не читался разными поколениями читателей? Для одних Акакий Акакиевич будет примером счастливого человека, для других — обделенного счастьем, из его образа никак не выводится тезис, что служение любимому делу непременно приносит человеку счастье. Выдавать же иллюстрацию своего тезиса примером из художественного произведения за аргумент — значит манипулировать аргументацией, а в случае школьника — толкать его на подлог, что ставит вопрос о воспитательном значении такого провоцирования подлога.

Пытаясь выбраться из этой ловушки, разработчики «итогового сочинения» пошли сразу двумя путями.

Один путь — более откровенный: они просто стали давать в пакетах тем сочинения чисто литературные, наплевав на «метапредметность». Вот всё из того же последнего комплекта 2023—2024 года: «Согласны ли Вы с лирическим героем М.Ю.Лермонтова, сравнившего влюблённого с нищим, просящим подаяние?» Тут без анализа стихотворения Лермонтова «Нищий» непонятно, о чем и говорить.

Другой путь — более изощренный: если внимательно читать «Критерии оценивания итоговых сочинений», то в них прописано требование, обосновывая высказанный тезис, «формулировать аргументы и подкреплять их примерами из опубликованных литературных произведений». Что при этом считается «аргументом» и что означает «подкреплять», в «Критериях...» не сказано, но можно догадаться, что эксперты были бы удовлетворены, если бы автор сочинения высказал свою мысль в виде тезиса,

а затем «подкрепил» ее примером произведения, где подобная мысль звучит или хотя бы из которого эту мысль можно вывести. Понятно, что «аргументацией» это считать нельзя (как нельзя считать аргументом запрещать детям курить, потому что, мол, Евгений Онегин не курит), но хотя бы понятно, как можно, извините, отбрезаться от «итогового сочинения»: в интернете давно уже на каждую из тем вывешены списки тех произведений, которые могут быть в таком случае в буквальном смысле использованы. Впрочем, как показали наши эксперименты, впоследствии повторенные журналистами газеты «Аргументы и факты»¹, ещё лучше с задачей написания итогового сочинения справляется Chat GPT. По крайней мере, за секунды он способен сгенерировать текст на любую из типичных для «итогового сочинения» тем. А поскольку пишутся эти сочинения в куда более «либеральных» условиях, чем задания ЕГЭ с их раздеваниями при досмотре и наблюдателями в туалетах, да и учителя, которые их проводят, вовсе не заинтересованы в неуспехе своих подопечных, какой бы то ни было смысл эти самые «итоговые сочинения» потеряли. Ежегодно в первую среду декабря (и повторно — для несдавших — в феврале и мае) десятки тысяч школьников скачивают из интернета, перебирают со шпаргалок или, в последнее время, генерируют при помощи Chat GPT десятки тысяч обезличенных текстов, которые ничего не говорят ни об их начитанности, ни о владении письменной речью — разве что о владении современными технологиями и благоприобретенном цинизме.

Эти тексты читают почти всегда только изнуренные учителя-словесники, как правило, бесплатно, в рамках своих должностных обязанностей привлекаемые к проверке сочинений, но авторы текстов — даже те, кто честно поддался искушению вдохновения и написал что-то своё, узнают только одно — «зачёт» или «незачёт» они получили: никакой обратной связи, рецензии, хотя бы конструктивного замечания или одобрения к написанному... Что может быть бессмысленнее написания текста, который прямиком отправится в отвал, в глухой архив, никому не адресованный, отнявший некоторое количество нервов и 4 часа времени драгоценной молодой жизни! Каково воспитательное значение такой работы? Что она позволяет хорошего узнать о её авторе? Есть ли ей хоть какая-то альтернатива?

Одним из предложений той самой рабочей группы при МинОбе, которая разрабатывала модель «итогового сочинения», было разрешить вузам перепроверять сочинения, с тем чтобы давать за них дополнительные (к результатам ЕГЭ) баллы абитуриентам при поступлении... Логика такая: принимающие абитуриентов по результатам ЕГЭ или профильных олимпиад вузы не видят, с кем они имеют дело, видят лишь бездушные цифры, в лучшем случае — какие-то достижения из портфолио поступающего (победы в конкурсах, ГТО и т.п.). Перепроверка сочинений хотя бы даст возможность увидеть, как будущий студент пишет, размышляет... Первоначально в эксперименте приняло участие около 200 вузов, но вскоре практически все они от перепроверки отказались либо, чтобы не портить отношения с МинОбром, перепроверку симулировали: какой смысл давать дополнительные баллы за умение списывать или генерировать пустые тексты, в лучшем случае — создавать их по мертвящему шаблону? И какова польза от умения имитировать создание таких текстов будущим инженерам, врачам, учителям? К тому же организация перепроверки — довольно накладное дело, а государство не собиралось давать вузам на неё деньги.

Если бы абитуриенты хотя бы рассуждали в своих сочинениях не на морально-этические темы, а на темы, близкие к выбранной ими специальности! Неудивительно, что в итоге потерявшие всякий интерес к подобному формату письменных работ вузы задумались о форматах альтернативных. Началось всё с партнерства двух столичных

¹ Герасимова Юлия. Сервис решает, Вася сдаёт: Учителя оценили написанное нейросетью сочинение // Аргументы и факты. 2022. 18 декабря.

вузов: университета НИУ ВШЭ, который в течение пяти лет перепроверял «итоговые сочинения», начисляя за них сперва до 10 баллов, потом снизив балл до 5, и Московского городского университета, МГПУ, чья Лаборатория социокультурных образовательных практик разработала исходную модель «Олимпиады сочинений». Высшая Школа Экономики, ищущая новых форматов, эту модель взяла за рабочую, была создана специальная Проектная лаборатория развития интеллектуальных состязаний в гуманитарных науках, основным составом которой стали студенты Вышки, которые по разработанной их старшими наставниками модели должны были создавать пакеты заданий. И вскоре появился новый бренд: «Всероссийский чемпионат сочинений “Своими словами”», которому его разработчики дали шутовское неофициальное название «Сочинение по физкультуре». В первый же год желающих принять в нём участие оказалось более 7 тысяч (в иные годы оно доходило и до 30 тысяч): такое количество сочинений проверить организаторам было не под силу, требовалось отобрать оптимальное количество, для чего был разработан специальный медиатест — текст на функциональную грамотность, проверяющий не орфографию и пунктуацию потенциальных участников, но их умение читать тексты, картинки и медиатексты (да-да, с точки зрения семиотики любая знаковая система, в том числе графический мем или мульт, является текстом!), критически воспринимать содержащуюся в нём информацию, видеть свои и чужие когнитивные искажения, позицию автора этого текста и то, чего он хочет добиться от адресата.

Тест размещался на специальной платформе и был доступен онлайн для всех зарегистрировавшихся, даже для тех, кому просто было любопытно! Но успешно проходили его не все: автоматическая компьютерная проверка, определяя лучших, сокращала количество участников до 3—4 тысяч, — и вот им-то и предстояло написать сочинение. Точнее, «сочинение», потому что со школьным жанром оно имеет не так уж и много общего.

Во-первых, это сочинение не по литературе, а по одному из 15 направлений: от медиа и педагогики — до IT, инженерии и спорта. Во-вторых, у него нет темы — есть некая ситуация, в которой автор оказывается, когда ему надо создать развернутый текст, а содержание этого текста, его тема и даже жанр определяются им самим, исходя из потребностей ситуации, цели — и особенностей адресата. Например, представь: в твоём родном городе проводится большой фестиваль, посвященный выбранному тобою направлению (скажем, физике), и к тебе обратились с просьбой написать концепцию молодежной программы этого фестиваля и адресовать её оргкомитету. Или подготовить как будто бы просветительскую лекцию для депутатского корпуса городской думы — но так, чтобы каждый из твоих слушателей не только узнал что-то новое по профилю лекции (можно всё той же физики, а можно — и литературы или спорта), но и мог придумать, как эти знания использовать в его профессиональной деятельности — человека, заботящегося на своём месте о благе города. Писать сочинение надо было уже оффлайн — приехав на площадку одного из трех десятков вузов-партнеров Чемпионата: от Калининграда до Дальнего Востока и от Мурманска до Краснодара; лишь ребята из отдаленных районов имели возможность дистантного написания под контролем прокторов. В результате участники есть практически из всех субъектов федерации и из ближнего зарубежья.

Победители и призеры — авторы лучших сочинений — получают дополнительные к ЕГЭ баллы, множество призов от партнеров и спонсоров Чемпионата, а также бесценный опыт написания сочинения на действительно интересующую тему, действительно своими словами — и обратную связь, не всегда лестную, подчас даже горькую, но все равно полезную для того, кто готов двигаться дальше. Для лучших из лучших НИУ ВШЭ организует еще и Суперфинал: три с половиной сотни абсолютных победителей выезжают в пансионат и там под руководством тьюторов и гостей «из отрасли» получают опыт работы над командным проектом, а затем пишут ещё

одно сочинение — на этот раз в жанре рефлексии, чтобы осмыслить полученный опыт, собственные достижения и промахи. Здесь тоже важна необычность формата: например, в один из сезонов ребята писали текст своего выступления на педсовете собственной школы, объясняя строгому педколлективу, почему имело смысл отпустить их для участия в Чемпионате сочинений (а может быть, и не имело — анализ негативного опыта тоже приветствовался, лишь бы он был аргументированным). На Суперфинале тоже есть свои победители: одни получают еще больше дополнительных баллов и бонусов, а первые тридцать из них, если недобирают балла для поступления в Вышку (напомню, суперфинал проводит НИУ ВШЭ, но подключиться к нему и предложить свои поощрения победителям вправе любой вуз-партнер), то учатся на выбранной программе за счет бюджета Университета!

Понятно, что самая большая проблема для таких сочинений — их объективная оценка: слишком велика цена, которая к тому же способна отравить радость участия и вдохновения. Тем более это в сочинениях ЕГЭ требования максимально формализованы — и за каждое нарушение снимаются баллы. В результате работы получаются в значительной степени унифицированными, шаблонными: такова цена объективности. Но в мире научной или художественной экспертизы, в мире бизнеса и даже некоторых спортивных дисциплин любая объективность ограничена тем, что на оценку представляется порой принципиально новый материал (будь то научное открытие, бизнес-план или произведение искусства). Нередки случаи, когда одни члены экспертного сообщества с восторгом принимают то, что другими категорически отвергается — и никакой «средний балл» здесь невозможен, в противном случае множество бизнес-идей, научных прорывов или произведений искусства были бы похоронены. Сочинения проверяют два независимых эксперта, в идеале один из них — филолог, другой — специалист в конкретном направлении, однако если их оценка радикально расходится, возможна и третья, и четвертая проверка — итоговый балл выставляется не по средней арифметической, а по медиане. Как оно, собственно, и бывает в жизни — когда ты подаешь заявку на работу или на грант: иногда готовность рискнуть одного из экспертов и поддержать тебя оказывается ошибкой, но бывают и настоящие удачи, которые, впрочем, вряд ли возникают на пустом месте. Непростая задача и поиск экспертов, готовых гибко подходить к сочинениям: не придирайтесь к орфографии (если она не мешает пониманию), оценивая прежде всего то, насколько автором решена коммуникативная задача, продемонстрирована компетенция в заявленной области, а сама работа отличается яркостью и убедительностью. Для проверки привлекаются главным образом сотрудники вузов-партнёров и сильных школ: как филологи, так и предметники, готовые оценивать сочинения по своему профилю. Конечно, для таких экспертов предварительно организуется учеба: они не только проверяют работы прошлых лет, но и сами пробуют писать их, а потом разбирают получившееся: это дает им возможность посмотреть на ситуацию изнутри, глазами участников Чемпионата, а не только их судей.

Третье принципиальное отличие от всех других сочинений: каждый из экспертов оставляет свою рецензию, хотя бы несколько слов. Эта обратная связь в некотором смысле даже важнее, чем сам балл, ведь написанное тобою — кем-то прочитано, критически осмыслено, ты узнаешь не одну бездушную цифру балла, но — мнение эксперта. Неслучайно в министерском реестре Чемпионат сочинений «Своими словами» проходит под рубрикой «Научная коммуникация»: сегодня мало затевать стартапы или заниматься наукой, важно уметь рассказывать о том, чем ты занимаешься. Потенциальным спонсорам. Потенциальным партнёрам. Наконец, потенциальным клиентам. И всякий раз это должен быть другой рассказ, учитывающий и глубину компетенции адресата, и его собственные интересы.

Ученые-астрофизики РАН — ключевого партнёра Чемпионата «Своими словами» — рассказали его организаторам историю: они прилетели в США, чтобы

принять участие в записи просветительского фильма НАСА. Волнуясь за чистоту своего английского и умение быть внятным для неподготовленной аудитории, они ждали начала съёмочного дня, как вдруг к ним вошли двое довольно молодых людей в хороших костюмах и представились: «Здравствуйте, мы — science writers, Вы нам сейчас расскажете, что Вы хотели рассказать для фильма, а мы поможем Вам написать текст для него». Собственно, в значительной степени успех НАСА — в этом умении говорить с разными аудиториями: и теми, кто смотрит великолепные фильмы о космосе и потом донатит проекты компании, и теми, кто сам потом приходит в лаборатории НАСА, и теми, кто становится уже серьезными спонсорами или партнерами компании. Может быть, этот подход покажется слишком прагматичным, но в действительности он всего лишь гуманистичен: в эту сторону меняется образование всего мира. Самые формальные и скучные виды работ (вроде того же «итогового сочинения») берёт на себя искусственный интеллект, человек же оставляет за собой те сферы, где мало рутин, но в полной мере востребована его индивидуальность, креативность, способность к нешаблонным ходам и решениям.

Приложение

Вот пример одного из сочинений Чемпионата «Своими словами»¹. Конечно, приведенный ниже текст мало похож на привычные школьные сочинения: а где здесь опора на произведения классики и их анализ? Где почти обязательное морализаторство? Но хочется обратить внимание на другое: этот текст написал автор, который, по-видимому, выбрал именно спорт как сферу своих будущих занятий во взрослой жизни. И он готов не только посвящать себя многочасовым тренировкам или изучать основы спортивной медицины, но и рассказывать о том, что входит в число его главных жизненных приоритетов. Наверное, для такого рассказа нужен иной язык, чем тот, на котором рассуждают о «лишнем человеке» или «жанровых признаках поэмы», как нужен и другой опыт. Но вот желание поделиться важным для тебя — с другим объединяет по-настоящему увлеченного любимым делом физика и лирика, спортсмена и ботаника. Думается, это умение — делиться важным, своими словами с самыми разными аудиториями говорить о том, что тебе близко, а не воспроизводить готовые шаблоны или пересказывать учебник — одно из главных в XXI веке.

Текст задания

Готовится контакт с внеземной цивилизацией. Для него снимается документальный 5D сериал, рассказывающий о различных сторонах жизни земной цивилизации. Вам досталась серия, повествующая о современном спорте. Напишите *логлайн* и *синопсис* этой серии, отобрав для него самое важное, что бы Вы хотели сообщить инопланетянам. Отдельно оговорите изобразительный ряд ролика, с учетом того, что инопланетяне вряд ли владеют земными языками.

Логлайн — это основная идея серии, сформулированная в одном-двух предложениях. Это то послание, которое создатели фильма стремятся донести до зрителя.

Синопсис — краткое линейное изложение концепции сценария фильма, его содержания, сути драматического конфликта или основного противоречия, определяющего развитие действия.

¹ Больше примеров сочинений можно найти по ссылке: <https://своимисловами.рф/sobranie-sochinenij>

Алёна Орлова, 11 класс

Направление: спорт

Земляне о внеземном: спорт за пределами наших возможностей

Логлайн

«Спорт за пределами наших возможностей» — это одна серия документального 5D сериала «Земляне о внеземном», в которой повествуется о спортивной составляющей жизни на планете Земля. Главный герой серии — мальчик, который проходит путь становления от ребёнка до профессионального спортсмена, на его примере мы показываем разнообразие современного спорта, его техническую составляющую. Мы знаем, что нашим зрителям трудно воспринимать земной язык, поэтому мы наполнили серию эмоциональной составляющей, которая наиболее полно отражает спортивную жизнь (вы не увидите синхронных, записанных заранее, основная часть серии — лайфы, передающие эмоции в реальном времени).

Синопсис

Россия, XXI век.

Главному герою исполняется пять лет, по телевизору показывают Олимпийские игры, задувая свечи, он загадывает желание — выступить на олимпиаде (в голове мальчика всплывает картинка, на которой он стоит на пьедестале с золотой олимпийской медалью — видеовставка в основной сюжет). Мальчика отдают на секцию по спортивной гимнастике, потом по волейболу, футболу, лыжам. Он пробует заниматься, но ему не нравится (в голове постоянно возникают картинки с олимпийских игр, мальчик понимает, что они не совпадают с реальностью. Это изображается как всплывающие воспоминания на протяжении всего времени).

Герою исполняется 7 лет. Следующий вид спорта — хоккей. Он приходит на первую тренировку, где встречает профессионального хоккеиста, которого видел на экране телевизора два года назад (вставки с фрагментом телевизионного эфира, где награждают этого хоккеиста). Спортсмен рассказывает ребятам о своем долгом пути к олимпийской награде. У мальчика загораются глаза, он понимает, что готов заниматься хоккеем. Проходит два года усердных тренировок, он приезжает на первые соревнования (вставка — визуальный ряд с воспоминаниями о проделанной работе, затем — переживания «а вдруг все было зря, вдруг не мое»). Первая забитая шайба (сопровождается смехом, счастьем, улыбками), первое поражение (слезы, грусть, страх перед будущим). На тренировках и соревнованиях проходит ещё два года, все это время мальчик сталкивается с незначительными травмами.

Герою одиннадцать лет. Происходит то, чего все так боялись. Он неудачно падает, травма (вставка — показываем больницы и реабилитационные центры для спортсменов). В больнице ему ставят неутешительный диагноз — отрыв мышцы, нужна операция, полгода без спорта (вставка — герой видит себя на больничной койке, все его друзья едут на крупные соревнования, а по возвращении его перестают брать на игры, спорт для него закончен). В больнице герой проводит месяц, он постоянно думает о том, чему не суждено сбыться, — Олимпийские игры (вставка — мысли о прошлом и будущем). Он смотрит телевизор, там показывают документальный фильм о том хоккеисте, которого мальчик встретил на первой тренировке (вставка — воспоминания). В нем рассказывают его историю, восстановление после травмы и олимпийский успех. Герой понимает, что и он может вернуться в спорт (вставка — мысли о его участии в Олимпиаде). Мальчику не хватает спорта, эмоций, и он учится играть в шахматы (вставка — игра в хоккей и игра в шахматы, похожие эмоции).

Проходит шесть месяцев, герой возвращается к тренировкам, постепенно набирает форму, начинает участвовать в соревнованиях, но и не забывает о шахматах (вставка — мальчик после тренировки берет шахматную доску и тренируется). Мальчик начинает участвовать в соревнованиях по шахматам (вставка — мальчик отдыхает от хоккея, играя в шахматы, показываем эмоции, мысли).

Герою исполняется 14. Он задувает свечи и опять загадывает принять участие в Олимпиаде. Команда мальчика едет на всероссийские соревнования (вставка — карта страны, стрелкой показывается перемещение команды в столицу), победа в которых обеспечивает участие на международных стартах. Победа. Команду ждут упорные тренировки. Герой тренируется в два раза больше (вставка — клубок беспорядочных мыслей в голове), забывает о шахматах. Из-за этого эмоционально выгорает (вставка — голова пустая, без мыслей).

В рамках подготовки к соревнованиям команд отправляется во всероссийский образовательный центр «Сириус» (вставка — виртуальная экскурсия по центру, показываем возможности, количество людей, современные ледовые арены и тренажерные залы). Там герой знакомится с шахматистами, которые также тренируются перед международными соревнованиями. Он играет с ними в шахматы, это помогает ему отвлечься от хоккея (вставка — воспоминания о том, как он начинал играть), возвращает веру в главную цель (вставка — в голове переплетаются мысли о хоккее и шахматах, появляются эмоции). Герой понимает, что спорт — это не только про награды, но и духовную близость людей (вставка — люди, занимающиеся различным видами спорта, обнимаются). Месяц пролетает быстро, мальчик каждый день тренируется, посещает хоккейную арену, на которой проводились олимпийские матчи. В день отъезда команде дарят картину (ее нарисовали художники, которые так же проходили программу в «Сириусе»). На ней изображен хоккеист с орлиными крыльями (вставка — герой представляет, что у него выросли крылья). Позже он читает рассказ, который написали стажеры программы Литературного творчества в «Сириусе» (вставка — он понимает, что спорт вдохновляет не только его, но и окружающих, это правда окрыляет его).

Герой приезжает на международные старты (вставка — карта мира, стрелкой показывается перемещение команды в другую страну). Там они занимают призовое место (вставка — радость, счастье, благодарность за игру в шахматы).

Проходит три года, судьба героя складывается удачно. Команда собирает много наград. В 17 лет он заканчивает школу и переезжает в столицу (вставка — карта с перемещением; вставка — показываем возможности, которые предоставляет столица для занятий спортом). Там он выступает за один из лучших клубов, в 19 лет попадает в сборную команду страны, участвует в Чемпионате мира (вставка — карта с перемещениями в разные страны). Все это время он не забрасывает шахматы, участвует в любительских соревнованиях.

Герою 20 лет, следующий год для него особенно важный — Олимпийские игры (вставка — мысли в голове только об Олимпиаде, они буквально светятся золотом). Происходит то, что никто не ждал, — после очередных соревнований приходит положительный допинг-тест (вставка — мысли о прошлом, анализ случившегося, осознание, что вины нет). Команде не удается доказать невинность спортсмена, он отстранён на 2 года (вставка — клубок мыслей в голове постепенно исчезает, остается пустота). Герой теряет цель в жизни, он пропускает Олимпиаду. В этой ситуации его спасает спорт — он продолжает играть в шахматы (вставка — воспоминания о том, что шахматы не раз возвращали веру в цель), ходить в спортивный зал, самостоятельно занимается хоккеем.

Проходит два года, герой возвращается в большой спорт. Только наступил новый олимпийский цикл (вставка — календарь с выделенными годами Олимпийских игр). Усердные тренировки. Герою исполняется 25 лет. Он загадывает все то же желание —

принять участие в Олимпийских играх (вставка — воспоминания о дне, когда ему исполнилось 5 лет). Февраль, сборная команда едет на Олимпиаду (карта с перемещениями). Герой переживает, думает о том, что будет после Олимпийских игр (вставка — беспорядочные мысли о прошлом, настоящем и будущем). Олимпийские игры (вставка — открытие игр, стадионы, ледовая арена, количество участников, зрителей, телезрителей). Команда героя занимает второе место, проигрывая в финале. Он одновременно и расстроен, и рад тому, что медаль все-таки есть (вставка — мысли в голове окрашиваются в серебряный цвет).

Проходит два месяца, цель у героя — олимпийское золото (вставка — мысли о золотой медали). В тренировках проходит ещё два года, герой выиграл почти все возможные соревнования с клубом и сборной, но ему этого недостаточно (вставка — мысли в голове в иерархичном порядке — внизу все выигранные награды, сверху золотая олимпийская медаль).

Происходит то, чего никто не ждал — герой попадает в аварию. Его привозят в больницу, где ставят диагноз — он никогда не сможет вернуться в большой спорт и навсегда останется инвалидом (вставка — мысли в голове превращаются в кусок льда и разбиваются). Опять месяцы в больнице, опять реабилитация и опять герой смотрит спорт по телевизору, играет в шахматы. К нему приходит тренер и говорит о том, что герой может стать паралимпийцем (вставка — видеоряд про параолимпийские виды спорта). Герой понимает, что только так он сможет осуществить мечту об олимпийском золоте (вставка — разбитые мысли склеиваются, золотая олимпийская медаль превращается в паралимпийскую). Герой проходит полный курс реабилитации, учится играть в следжхоккей, принимает участие в Паралимпиаде, где забирает золотую медаль (вставка — паралимпийская медаль в мыслях героя начинает светиться золотым, пазл собран).

После Паралимпиады герой заканчивает спортивную карьеру, но остается в спорте, продолжает играть в шахматы, становится тренером (вставка — воспоминания о картине хоккеиста-орла и рассказ; герой часто показывает их своим подопечным), и пишет автобиографию, в которой рассказывает о том, как спорт возвращал его к полноценной жизни в самые непростые моменты (вставка — черно-белые картинки воспоминаний, которые приобретают цвет в переломные моменты).

* В этой серии мы хотели показать то, что спорт — это часть жизни, что он помогает обрести цель, мечту и не потерять в нее веру, а также то, что спорт объединяет людей на нашей планете. А основной посыл в том, что спортивную жизнь нельзя рассказать на словах, ее надо показывать, чувствовать, переживать вместе с героями (а это возможно, не зная земного языка).

** Часть сюжета основана на реальных событиях, поэтому мы постарались передать настоящие эмоции.

Об истории идей и устройстве человеческих типов

*Ольга Балла и Юлия Рахаева размышляют о книге
Александра Чанцева «Бунт красоты: эстетика Юкио Мисимы
и Эдуарда Лимонова»¹*

Юлия Рахаева

Два пылающих сосуда

«24 февраля руководство ЛДП явилось ко мне на Герцена. Первым приехал Андрей Архипов, привез шубу, колбасу, водку, даже вилки и даже домашние тапочки, которые тотчас надел. Пока он раздевался в коридоре, я рассмотрел его. Под меховой шапкой — костистое лицо, глубоко под бровями — вполне восточные глаза. Длинное пальто из ткани букле, с поясом. Худ, спортивен, гимнаст, велосипедист (позднее я жил у него десяток дней. Велосипед занимает Центральное место: висит на окне), холостяк, инженер. Всегда такое впечатление, что он бежит в ровном галопе, даже если идет. До ЛДП последним местом работы Архипова была газета “Аргументы и Факты”.

Инициатором встречи были они: Архипов, а может быть, и Владимир Вольфович. Архипов предложил “поговорить”. Я согласился. Я не соврал журналистке Юле Рахаевой из “Московского комсомольца”: да, я искал банду. Но совсем без спешки и без нервозности. Пока я уже предложил свои услуги Алкснису и Бабурину и на завтра вылетал по их просьбе в Красноярск. Так что одна банда у меня уже была.

(Лимонов против Жириновского. — М.: Независимый альманах «Конец века», книжное приложение, 1994.)

Когда я пришла на интервью (судя по надписи на книге «Это я — Эдичка» — «Юлии от скандального автора. Спасибо за интервью», дальше автограф латиницей и число, — это произошло 7 февраля 1992 года), в этой самой квартире на Герцена, которую снимал для Лимонова его первый российский издатель Александр Шаталов, тоже находились двое молодых людей. Я их не видела ни до, ни после. Запомнились мне они тем, что были очень хорошо одеты, чисто выбриты и промыты. То есть выглядели такими западными персонажами в довольно пестрой и бедно одетой тогда Москве. Я мысленно пошутила: ксендзы охмуряют Козлевича.

К тому времени я, конечно же, прочитала самую известную книгу Лимонова (а, возможно, даже и всю трилогию). Я дружила с Александром Шаталовым.

Александр Чанцев. Бунт красоты: эстетика Юкио Мисимы и Эдуарда Лимонова. — 2-е изд., испр. и доп. — М.; СПб.: Т8 Издательские Технологии / Пальмира, 2024. — 326 с. — (Литература и искусство).

Именно он дал мне все эти книги и предложил сделать интервью с писателем, который тогда уже был в большой моде. Он сам договорился о времени, и вот я ждала, когда мой будущий собеседник проводит предыдущих гостей и мы сможем, наконец, поговорить под диктофон.

По контрасту с образами Эдички и Эди-бэби Лимонов в жизни оказался настоящим джентльменом. Он извинился за то, что мне пришлось ждать, и вообще был безукоризненно вежлив, предупредителен, интеллигентен. Интервью прошло как по маслу. И под заголовком «Я ищу банду, к которой мог бы примкнуть» вышло в «Московском комсомольце» 20 февраля 1992 года.

А я продолжила читать выходявшие одна за другой книги Лимонова. Переживала, когда его посадили. Зауважала незнакомого мне тогда Сергея Шаргунова, отдавшего узнику свою премию. Когда Лимонов вышел на свободу, я работала редактором на телевизионной передаче «Синий троллейбус». И мы пригласили Эдуарда Вениаминовича в качестве гостя. Но буквально накануне прямого эфира откуда-то сверху пришел запрет на Лимонова, пришлось срочно кого-то искать на замену, но это уже другая история.

В общем, я всё это к тому, что личность и творчество этого писателя и человека были мне по-прежнему интересны. Но почему-то книга Александра Чанцева, вышедшая в 2009 году, прошла мимо. Однако мне был дан ещё один шанс с ней познакомиться, и я его не упустила.

Между первым изданием книги Александра Чанцева «Бунт красоты. Эстетика Юкио Мисимы и Эдуарда Лимонова» и нынешним вторым, исправленным и дополненным, прошло пятнадцать лет. Тут можно было бы порассуждать, как сильно за это время изменилась жизнь вообще и наша в частности, — да мало ли о чем ещё! Однако за время, прошедшее с момента выхода первого издания, произошло и нечто такое, что принципиально изменило в книге Чанцева решительно всё.

В 2009 году один из двух главных героев книги был жив. Больше того, и об этом пишет автор в предисловии ко второму изданию, Лимонов буквально в первый день продаж купил эту книгу в «Фаланстере», а затем и отрецензировал её в «Живом журнале», ревниво попеняв автору, посмевавшему его с кем-то (пусть и с самим Мисимой!) сравнить. И то верно, ведь сказал же поэт: «Не сравнивай: живущий несравним». Тем более несравним с давно не живущим...

Но потом Лимонов умер. И книга сразу стала совсем другой, оставшись по сути той же самой. Помните, у ещё одного поэта: «Ляжем — сравняемся»? Теперь уже оба героя книги Александра Чанцева легли и, таким образом, сравнялись. Стали равноудаленными от нас — не по времени, так по месту (по ту сторону Стикса) — объектами для препарирования.

Все знают знаменитую цитату из Заболоцкого про красоту. Ну в смысле, сосуд она, в котором пустота, или огонь, мерцающий в сосуде? То есть поэт рассматривал красоту как нечто несамостоятельное, а если самостоятельное, то неполноценное. Ему, как и многим, было куда важнее содержимое этого сосуда. Для обоих героев книги Александра Чанцева вопрос так не стоит. И для Мисимы, и для Лимонова красота — абсолютная, самодостаточная ценность. Для обеих эстетика однозначно превышает этики. Правда, в разной степени. И вот об этом — о степени, а также о пределе допустимого для красоты, о попытках преодолеть мешающее человеческое у своих героев — книга «Бунт красоты. Эстетика Юкио Мисимы и Эдуарда Лимонова».

Сразу скажу: мне показалось, что у япониста Чанцева, возможно, и против его воли, более симпатичным получился образ нашего соотечественника Лимонова. Который не сумел, а может, и не захотел пойти до конца, убить в себе во имя красоты все слишком человеческое. Мисима — смог. И на этом не остановился. Во имя красоты он в конце концов сделал то, что неоднократно делали герои его литературных произведений. Совершил сэппуку (хотя до книги Александра Чанцева я была уверена, что это действие называется харакири).

Главным различием Мисимы и Лимонова Чанцев называет уровень мизантропизма. Тотальный у Мисимы — он «пытается построить свою метафизику на одной эстетике, лишь минимально, да и то безуспешно привлекая этическое основание. Эстетически красивый бунт Мисиме был нужен лишь для оправдания, мотивации

прекрасной смерти». И менее радикальный у Лимонова, который «пишет об эстетике, красоте бунта, но она не является для него самоцелью. По сути, перед нами вульгарное переложение идей уже анархо-коммунизма (отменить деньги, всем дать равное), в коммунизме же очевидна христианская составляющая».

Далее автор «Бунта красоты» пишет об отношении своих героев к войне. Оба, говоря современным языком, завоинисты. Но Мисима просто любит красоту войны, тогда как Лимонов находит ей тактическое оправдание: «Вовремя начатая война сберегает жизни». И к личностным противоречиям героев автор книги в этом случае добавляет противоречия ментальные. Персоналистский, антропоцентричный подход, утверждает он, свойственен именно европейскому менталитету. В отличие от менталитета восточного... В конечном итоге эстетические поиски привели Мисиму к «желанию слиться с некой абстрактной, надмирной, трансцендентной красотой». А Лимонова — «к любви к конкретному народу, слиянию с ним».

Можно, считает Александр Чанцев, «со всей справедливостью говорить о формальном заимствовании Лимоновым темы смерти у Мисимы и перенесении её в структуру собственной эстетики». Но Лимонов, по его словам, «в значительной мере отстает от канона Мисимы, в котором только смерть была по большей части самоценна». Для него смерть «не является красотой самоценной, как у Мисимы, а служит красивым завершением красивой жизни, красивой точкой в финале самосочиненного существования».

Более человеколюбив Лимонов, в отличие от Мисимы, и по отношению к старости. Для Мисимы всё просто: надо «убить красивого человека, пока он молод». Лимонов же, замечая, что «старость явление неприятное, некрасивое», всё же местами не чужд жалости к старикам, особенно тем, которым выпало жить в перестроечные времена. Возможно, поэтому он дожил до достаточно преклонных лет, родив уже на закате двух своих единственных детей. В отличие от Мисимы, который, в точности следуя известной формуле, жил быстро, умер молодым и оставил красивый труп.

Ещё одно важное отличие, обнаруженное Александром Чанцевым. У Мисимы жителям идеальной страны будущего запрещено читать и учиться. Лимонов же выступает за образование, но иное, не такое, как репрессивная (по его мнению) школа советского образца. «Детей, — уверен он, — будет содержать и воспитывать община. <...> Образование станет коротким и будет иным. Мальчиков и девочек будут учить стрелять из гранатометов, прыгать с вертолетов, осаждать деревни и города, освежевывать овец и свиней, готовить вкусную жирную пищу и (внимание! — Ю.Р.) писать стихи».

В своем «Заключении» Александр Чанцев пишет о том, что, при многих различиях, делает его героев тем не менее во многом похожими. Мисима — западник по воспитанию, который мечтает не просто вернуться к корням, стать плотью от плоти японской традиции, но и возглавить антиглобалистское (как бы мы теперь сказали) течение в стране. Лимонов — многолетний эмигрант, вернувшийся в страну, которую фактически забыл, сразу стал искать тех, с кем можно было бы побужить. То есть их сближает ещё и то, что оба они по сути маргиналы, точнее, «люди со стороны».

Александр Чанцев называет в своей книге имена писателей, которые наследуют Лимонову, а через него (или непосредственно) Мисиме. Но перечислять их нет смысла, ибо время подбрасывает всё новые и новые примеры, а старые вдруг трансформирует, порой до неузнаваемости.

Несмотря ни на что, книга «Бунт красоты. Эстетика Юкио Мисимы и Эдуарда Лимонова» своей актуальности за минувшие пятнадцать лет не потеряла. А чтобы её ещё больше актуализировать, автор добавил в качестве бонус-треков несколько своих статей на близкие к ней темы. Одним из таких бонусов стал некролог на смерть Лимонова. Закончу цитатой оттуда: «Желчный старик — что может быть отвратительнее? Но кто может быть талантливее Лимонова?»

Ольга Балла

Да, жизнь?

Прежде всего стоит обратить внимание на то, что Чанцева-теоретика мы, его внимательные читатели, почти не знаем. Вернее, мы не видели его очень давно — с момента первого издания ныне представляемой книги, вышедшего пятнадцать труднообразимых лет назад, в 2009-м. Есть повод перечитать, заново продумать и то, что в ней сказано, и явленный нам здесь облик многоликого автора, — тем более, что с выхода в свет первого издания прошло уже исторически значимое количество времени. Изменилось всё, от исторических обстоятельств и создаваемой ими атмосферы до биографической ситуации персонажей «русской» части книги, включая её главного русского героя, который первое издание читал, а ко времени появления второго уже умер и по завершении его жизненного проекта оказался стремительно причисленным к лику классиков. Кстати, среди дополнений, вошедших во второе издание книги, расширяющих её внутреннее пространство и добавляющих представленному в ней взгляду объёмности, есть и написанный в 2020-м некролог Лимонову — столь же личный и пристрастный, сколь и взвешенный. Чанцев умудряется думать как исследователь даже и в этом жанре.

Словом — выросла дистанция, счастливо избавляющая книгу от статуса актуального высказывания. С самого начала позиционированная как исследование, книга и не намеревалась быть публицистическим суждением ни в одной из своих частей, но полтора десятилетия назад соблазн прочитать её в качестве такового оказывался (почти) непреодолимым, о чём читатель имеет возможность кое-что узнать из авторского предисловия ко второму изданию. «Когда я предлагал, — рассказывает Чанцев, — её рукопись различным издательствам, список отказавшихся печатать был весьма внушительным, в два десятка примерно: Эдуард Лимонов относительно недавно вышел из тюрьмы, был политически активен и, как бы сейчас сказали, весьма “токсичен”».

Тогда, в сердцевине нулевых, был ещё всюю активен не только Лимонов, но и его молодые последователи, которым посвящена последняя глава книги, «Без знамени», и среди которых сегодняшний читатель с изумлением увидит, например, и Дмитрия Быкова¹ в его не менее изумляющем тесном соседстве с, допустим, Сергеем Шаргуновым. Теперь все они в их тогдашнем виде, включая ныне живущих, — достояние истории. Прежняя цельность распалась. Обо всём этом уже можно и нужно говорить беспристрастно.

Пора, значит, книгу перечитать — а заодно и продумать, как осуществлённая в ней профессиональная позиция автора соотносится со всеми остальными — прозаика, эссеиста, литературного критика... — можно ли проследить в основе всех его интеллектуальных практик общие принципы и проблемы. (Спойлер: а как же!)

Тут сразу надо сказать, что в качестве аналитика и теоретика Чанцев ясен до прозрачности. Видя свой предмет со всей возможной отчётливостью, он нисколько не склонен нагружать (тем более перегружать) свой текст теоретическим инструментарием, специальной терминологией; всё необходимое он умеет сказать помимо сложных конструкций; он не возводит барьер между собой, носителем

¹ Минюст РФ считает Д.Быкова иноагентом. Чанцев же упоминает его в этом контексте следующим образом: «В самом масштабном и итоговом на сегодняшний день романе Д.Быкова* “ЖД” (2006) идеология России недалёкого будущего весьма напоминает футуристические построения Мисимы и Лимонова вместе взятые», оговаривая при том, что «безусловно, Быков* совсем не симпатизирует описываемому и, скорее, пытается утвердить некие другие ценности апофатически».

профессионального знания, и кругом своих коллег — и читателями-неспециалистами, к которым он обращается в равной степени.

Тем более что, формально будучи исследованием в области истории идей, ценностей, моделей поведения, книга его на самом деле — акт философствования на темы, касающиеся решительно каждого: об отношениях человека с красотой, смертью и жизнью, с самим собой. Просто, для пушей убедительности и основательности, для пушей *видимости*, эти темы рассматриваются автором на конкретных, единичных примерах — для среднестатистического читателя вполне экзотичных, способных выгядеть скорее уж исключениями из общего порядка человеческих обыкновений. Чанцев же выявляет обоснованность казусов Мисимы и Лимонова, их, в конечном счёте, со всеми оговорками, укоренённость в их национальных культурных историях. Да, показывает он, это случаи действительно исключительные, находящиеся куда скорее на периферии культурного пространства и вряд ли, вопреки всем стремлениям, имеющие надежду занять когда-либо место в его центре, — что нисколько не отменяет их вписанности в общую логику своих культур. Герои Чанцева заостряют, помещают в фокус внимания — литературного, биографического — то, что в культуре уже так или иначе содержится, что каждый из них застал готовым (как, например, Мисима — кодекс самурайской этики) и использовал в своих целях.

Книга издана в серии «Литература и искусство», что формально совершенно правильно. Тем не менее важно и вот что: да, оба героя книги, несомненно, были активно практикующими литераторами, значимыми и влиятельными, особенно Мисима, который даже выдвигался на Нобелевскую премию (и не прошёл, поскольку Нобелевский комитет совершенно справедливо не усмотрел в его текстах внятных и приятных западному глазу гуманистических тенденций), — но — и это вот Чанцев ясно показывает — литература была лишь частью жизненного проекта каждого из них. Частью действенной, неотъемлемой, однако, рискну сказать, всё-таки не главной.

Что же было главным? Всё в целом. В обоих случаях.

Вообще-то тема книги заявлена как «восприятие эстетики Юкио Мисимы в России», и даже конкретнее того: «реализация идей Мисимы в творчестве Эдуарда Лимонова». Другие случаи рецепции эстетических и иных ценностей японского автора в книге не рассматриваются; там же, где речь заходит о молодых нацболах¹ и сочувствующих, она касается следования именно Лимонову, а если уж говорить о Мисиме, то Лимонов оказывается фильтром, сильно видоизменяющим мисимовское наследие. «Если эстетическая система Лимонова, — говорит автор, — строится во многом на основе эстетики Мисимы, то многие из тех радикальных писателей, кто пришёл в русскую литературу после него, обращается уже непосредственно к опыту Лимонова», причём «вычлняя у него главным образом радикальный дискурс», чему соответствует и сопутствует упрощение, огрубление, в конечном счёте — опустошение заимствуемых установок. «Если у Лимонова большинство интересующих нас тем <...>, — пишет Чанцев, уже подводя итоги своему исследованию, — насыщались философским смыслом, привлекались для создания многомерной метафизической картины мира, вступали друг с другом в подчас даже противоречивые отношения, то у большинства упомянутых авторов эти темы присутствуют скорее как знак, симулякр». Самого же Лимонова Чанцев прямо называет «продолжателем дела Мисимы», хотя и оговаривается: продолжателем «своеобразным», — «потому что он не только использует элементы художественной системы Мисимы, но и развивает их, идёт дальше по тому пути, по которому шёл Мисима».

Говоря как будто об эстетике своих героев и, действительно, обращая внимание на центральное значение для каждого, особенно для Мисимы, красоты и на коренную её связь с некоторыми другими важнейшими для них концептами, прежде всего со смертью, прослеживая корни соответствующих представлений в истории культуры, Чанцев по существу не занимается историей эстетической мысли как таковой, в её самоценности и самодостаточности, не прослеживает собственно эстетических

¹ Нацболы — члены запрещенной в 2007 году Национал-большевистской партии, лидером которой был Эдуард Лимонов. — *Прим. ред.*

смысловых линий, выходит за их пределы. Предмет его исследований — нечто более сложное: устройство человеческого поведения, человеческих типов.

Аналогии между своими далеко разнесёнными во времени и пространстве героями, между их позициями и пристрастиями сам автор называет «творческим сходством», «важными и общими элементами в их прозе», «переключками». Думается — именно на основе того, что собрано и показано им самим в книге, — дело тут существеннее и глубже, и стоило бы говорить о типологическом их родстве, об оттисках одной и той же матрицы.

Отношения человека с жизнью, смертью и красотой (причём красота оказывается узлом, в который нерасторжимо связаны друг с другом спутницы её по этому, так сказать, тематическому комплексу, сёстры-соперницы — жизнь и смерть) Чанцев рассматривает в каком-то смысле как предшествующие воплощению в определённых национальных культурах с их особенностями (и в определённых исторических обстоятельствах — у Мисимы и Лимонова они были, казалось бы, едва ли не предельно разными. Впрочем, вероятно, при соответствующей настройке внимания сходство между ними найти возможно, но социальной ситуацией своих героев Чанцев занимается минимально, в той мере, в какой этого совсем уж невозможно избежать). Во всяком случае, несомненно, что, несмотря на принадлежность героев Чанцева к очень далёким друг от друга и лишь отчасти друг для друга прозрачным символическим системам, ведущими темами (не текстов, это уж во вторую очередь, но) жизнью обоих — показывает автор — становится если не совсем уж одно и то же, то, во всяком случае, вещи сильно сопоставимые: «эстетика молодости, прекрасного тела, тема героя, войны, революционного восстания, смерти» — и это не полный список; на неполноту его автор указывает сдержанным «и т.д.». (Кстати, среди черт, сближающих обоих писателей, оказывается ещё и чрезвычайная «эkleктичность, разнородность, использование фактов и теорий из совершенно разных философских систем», часто приходящих «в противоречие друг с другом»; причём у Лимонова таких противоречий гораздо больше.)

Вот Чанцев и сопоставляет их, — скрупулёзно, последовательно отмечая совпадения и расхождения. Из сказанного им видно, хотя сам он и не формулирует таких выводов: оба героя с их идеями, действиями, страстями могут быть поняты как разные реализации одного и того же человеческого типа, — что, собственно, и позволило нашему собрату по культуре, Лимонову, воспринять и усвоить влияние японца Мисимы. За, казалось бы, штучностью, единичностью каждого из героев книги, сквозь общность их мотивов, лишь отчасти объясняющуюся заимствованиями Лимонова у Мисимы и общностью испытанных ими влияний, отчётливо просматриваются черты если не универсальности (это уж точно нет), то, несомненно, некоторой общей формы.

Важно: социальные и политические позиции своих героев Чанцев, разумеется, рассматривает, но ведёт разговор из-за пределов этих позиций — не то чтобы считая их достойными пренебрежения, но видя их как, в конечном счёте, вторичные, как следствие — обладающее собственной логикой — гораздо более коренных установок, задач, тревог. О красоте, ведущей (одной из ведущих, но тогда уж едва ли не главной среди них) категорий своего исследования, он говорит как о явлении не эстетическом (эстетика — только следствие; посредничающее звено между экзистенциальными импульсами и социально выраженным поведением), но, в самом первом приближении, психологическом, при рассмотрении же более глубоком — онтологическом. Речь в обоих случаях идёт о, так сказать, эстетически отрефлектированных жизненных моделях. В случае Мисимы так называемое эстетическое (смерть относится к кругу таких явлений в первую очередь), показывает Чанцев, — прямой указатель на метафизическое, путь к нему. Лимонов метафизическими вопросами озабочен куда менее. «Можно со всей справедливостью говорить о формальном заимствовании Лимоновым темы смерти у Мисимы, — замечает автор, — и перенесении её в структуру собственной эстетики», но при этом «у Лимонова эта тема не только не находит никакого развития по сравнению с оригиналом, но даже и утрачивает те философские и метафизические коннотации, что характерны для эстетики Мисимы (особенно на её позднем этапе развития)».

Вполне чужд метафизическому, показывает автор, Лимонов тоже не остался, но отношения русского самурая с этим аспектом бытия своеобразны — хотя известное родство с японским предшественником обнаруживают и они: «В произведениях Лимонова позднего периода, написанных им во время его тюремного заключения, — говорит Чанцев, — можно обнаружить, хоть и латентно-примитивный, метафизический аспект отношения к смерти, свойственный Мисиме времён “Моря изобилия”. <...> Пробудившийся у Лимонова, как и у Мисимы, в позднем творчестве интерес к метафизике связан у него с темой тюрьмы».

Да, позицию и пристрастия обоих своих героев Чанцев подробно соотносит с фашизмом, точнее, с «прото-фашизмом» — по Умберто Эко, ориентируясь на статью «Вечный фашизм» и перечисленные там его признаки. Действительно, у обоих обнаруживается с этими признаками немало совпадений, иной раз и весьма точных — как, например, основанность утопических построений каждого «на архаических принципах язычества и спорах с христианством»; неприятие модернизма; антиинтеллектуализм; «действие ради действия» (скорее даже ради него, чем ради достижения целей); происхождение позиции обоих писателей из «индивидуальной фрустрации» и опора «на фрустрированные элементы общества — молодёжь и маргиналов»; «неудержимое стремление стать героем и одержимость идеей смерти»; к этим признакам Чанцев добавляет ещё неомифологизм. (Кстати, Мисима от фашизма точно дистанцировался и собственную, «навязанную ему», как говорит Чанцев, репутацию сторонника такого категорически отвергал, считая фашизм «искусственной формой политического мировоззрения».) Всё это, однако, ни в малейшей степени не означает ни апологии фашизма (тут шлю запоздалое, как всегда, возражение некоторым оппонентам, остающимся за рамками нашего рассуждения, — в некоторой социальной сети автору этих строк, лишь обозначившему, что собирается на презентацию книги о Лимонове, немедленно прилетели упрёки: Лимонову — в фашизме, а всем прикосновенным к книге и её презентации — как минимум в попустительстве таковому, а то и в сочувствии ему. Чтобы такое утверждать, достаточно не читать Чанцева. Мы, слава Богу, читали), ни причисления к его сторонникам обоих героев.

Признавая «справедливость прочтения творчества обоих писателей в рамках исследования фашистского дискурса», Чанцев, однако, утверждает, что отмеченное им «соответствие систем Лимонова и Мисимы признакам прото-фашизма не позволяет говорить об их “чёрно-коричневой” ориентации», тем более что «определённой доле признаков, приводимых Эко, творчество обоих писателей не соответствует никоим образом». «Фашизм» и Мисимы, и Лимонова он считает не политическим движением, но, скорее, культурной формой, «сродни, например, дадаизму или сюрреализму наиболее радикального толка», того, что «привлекало в своё время того же Маринетти и других футуристов». В случае обоих авторов он находит возможным говорить куда скорее об «эстетическом фашизме», подобно тому, как Сьюзен Зонтаг говорила о фашизме «магическом».

Своих героев Чанцев не оправдывает и не осуждает, вообще (ну, почти) не оценивает их, особенно Лимонова, который на что-нибудь такое буквально напрашивается. Как мы уже заметили, в его отношении почти оценочные суждения, очень осторожные, всё-таки появляются, — вроде «латентно-примитивный». В «Заключении», подводящем итоги книге, оценочные интонации звучат отчётливее: здесь автор говорит о «пагубных» следствиях «тотальной пассионарности и мобильности» обоих героев, о том, что «все знаковые слова культуры даются ими с редуцированными семантическими полями — изначальные значения этих слов подменены маргинальными»; разединённость у обоих «таких имманентных человеческой природе качеств, как духовное и телесное», он называет «трагической».

Да, оценочность представляется здесь неминуемой, как и публицистичность высказывания, на которую историческая близость предмета исследования прямо-таки провоцирует. От соблазнов публицистичности Чанцев удерживается. Он своих героев анализирует, проясняет устройство и происхождение их позиций, вписывает их в широкие контексты, находит их образам, ценностям, моделям поведения соответствия

у предшественников и современников. Такого, кстати сказать, ни при жизни Лимонова, ни после неё, по крайней мере, у нас — с той же основательностью и бесстрастностью — не делал никто. Как замечает сам автор, несомненный знаток своего предмета, настоящих теоретических работ о Лимонове на русском языке до сих пор так и не появилось (исключая те, авторы которых списывали у самого Чанцева). Как, кстати, и о Мисиме. (Не потому ли, что культурное целое — из защитных соображений — отторгает такие типы, не без оснований чувствуя их разрушительный потенциал?)

Чанцев умеет говорить о вопросах, глубоко волнующих его самого, на материале сделанного другими, высказывать собственные философские суждения («апостасийность <...> является, на мой взгляд, одной из генеральных характеристик отношения индивида с миром прекрасного») — не выпуская из вида этих других, их собственных личных смыслов. (Прежде всего, думается, это — вопрос мучительной власти красоты над человеком и нерасторжимой её связанности со смертью; я бы добавила сюда ещё и — глубокую у Мисимы, грубоватую у его русского наследника — тему благородства поражения, соотнесённости его с основами жизни никак не менее победы, а то и более неё.) И сверх того — несомненно не разделяя позиций и ценностей своих героев во всём объёме таковых, — Чанцев чрезвычайно внимателен к тому, что занимающие его — или сопоставимые с ними — вопросы делают с другими, как другие обходятся с этими вопросами. Это он умеет и в качестве критика, и, как мы теперь в очередной раз видим, — в качестве теоретика.

В конечном счёте (и разнокультурная принадлежность его героев позволяет увидеть это столь же отчётливо, сколь и чрезвычайность их позиций, расположенность каждого на заострённом, режущем, ранящем краю своего культурного мира, доведение каждым тенденций своих культур до некоторого катастрофического предела — собственно, потому плодотворных, долгосрочных и конструктивных продолжений ни у одного из них так и не оказалось), Чанцев в этой книге — работающий теоретическими, литературоведческими, историко-культурными средствами — мыслитель, исследующий устройство человека и его — неустранимо, коренным образом проблематичные, в конечном счёте трагические — взаимоотношения с миром. Я бы сказала, что то же самое он делает и всеми остальными своими средствами.

Что же до смерти, занимавшей воображение, мысль и чувства обоих героев этой книги, легко видеть, что для каждого из них — вполне возможно, и в глазах самого автора — приближение к ней и слияние с нею означает не противоположность жизни, но высшее её напряжение, доведение её до предела, в каком-то смысле максимум её, — экстремальную, парадоксальную, далеко не общеприемлемую и не общепонятную, но тем не менее — форму жизнеутверждения. Да, жизнь?¹

¹ Аллюзия на «Да, Смерть!» — так называлось эссе Лимонова о Мисиме: «Юкио Мишима: да, смерть!» — и этими же словами, ставшими одним из девизов лимоновской партии, заканчивалась почти каждая статья в газете «Лимонка».

Татьяна Веретёнова

«Уж точно не Гришка Отрепьев»

Алексей МАКУШИНСКИЙ. *Димитрий*: Роман. — Баден-Баден: Freedom Letters, 2023.

Новый роман Алексея Макушинского «Димитрий» — итог многолетней работы, реализация замысла двадцатилетней давности, роман театральный и литературный, исторический и философский, любовный и авантюрный. Основательно продуманная на многих уровнях, текстовая ткань романа стилистически напряжена, пародийна и очень смешна, но одновременно печальна, даже трагична. «Димитрия» можно назвать и романом из подполья: жанровым образцом для него, по признанию автора, стали «Записки из подполья» Достоевского.

Читатель становится свидетелем создания эмоциональных и ярких воспоминаний некоего Димитрия. Постоянная авторская ремарка, сопровождающая его текст, всегда дана в скобках, — «пишет Димитрий» («со вздохом пишет Димитрий», «скорбя, пишет Димитрий» и т.п.). Эти ремарки и есть единственные включения авторского голоса в романе (автор как будто лишь констатирует эмоцию, сопровождающую письмо героя), а все остальное — непрерывный интенсивный монолог самого Димитрия, сочетающий в себе черты как письменной, так и устной речи. Хотя он и пишет, сидя где-то за столом и поглядывая в окно, но при этом его голос явно звучит вслух, обращенный к слушателям, преимущественно женского пола, на что указывает обилие обращений: «мусью», «мадам», «сударыня», «фрау», «синьора», «ясновельможная пани» (отметим и указание на многонациональность этого слушательско-зрительского состава). Порой он даже реагирует на допускаемые воображением (в тексте их нет) возражения слушателей: «Я не сказал, что она влюбилась, сударыня; не перебивайте меня и не путайте; она еще не влюбилась, но уже увлеклась».

В своем исповедальном рассказе Димитрий повествует о создании и репетициях пьесы о царевиче Димитрии (роль которого он исполнял), о повседневности небольшого московского театра на маленькой площади (рубеж 1980—1990-х), о взаимоотношениях внутри труппы, о самой сильной своей влюбленности, упоминает и о своих последующих ролях в телесериалах. Он ведет повествование из неопределенного «сегодня»; на первой же странице — «мы были еще очень молоды в ту далекую зиму» — указывает, что Димитрий-повествователь далеко не молод. И все вроде бы логично в его воспоминаниях, пока не заходит речь о его «отрочестве в Курляндии»...

Главный, пожалуй, художественный трюк в романе — изображение сознания, существующего одновременно в двух эпохах: рубеж XVI — XVII веков и конец 80-х — начало 90-х XX века (и это помимо самого момента повествования). Димитрий рассказывает две свои истории даже не параллельно, а как-то уникально едино: детство-юность-царствование и постановка пьесы Макушинского в московском театре. Два временных плана в сознании героя не только не противопоставлены, но перетекают один в другой, сливаются почти бесшовно; и слитность их выполнена виртуозно — обычно эта незаметная машина времени функционирует в рамках одного предложения: например, в словах Шуйского: «...А говори ему (народу), что царек иноземцев любит, наших не любит, что обычаев дедовских не блюдет, по старинке не живет, после обеда не спит, в портках заморских ходит, джинсами прозываемых, джаз слушает, на пьесы Беккета бегает с Маржеретом, на поганой польке намерен жениться».

Повествование от лица Дмитрия — шаг в сторону от себя-автора — новый ход в прозе Алексея Макушинского, лишь отчасти им намеченный в предыдущем романе «Один человек». Тем любопытнее, что в «Димитрии» присутствует персонаж А.Макушинский, автор пьесы; «разглагольствующий» «зануда», «недотепа» — в изображении Дмитрия, относящегося к нему неприязненно. Образ Макушинского — сатирический автопортрет, несущий важную сюжетную и идейную нагрузку: именно Макушинский-персонаж излагает в романе концепцию исторического образа Дмитрия, альтернативную карамзинской и пушкинской.

Да, «Димитрий» откровенно полемичен. Макушинским (и автором, и персонажем) прочитаны и осмыслены, возможно, все художественные произведения, так или иначе изображающие царевича Дмитрия и его историю. Упоминаются Лопе де Вега, Шиллер, Гёббель, Мериме; Сумароков, Суворин, Погодин, Островский... И много раз — Пушкин, который при создании образа Самозванца в трагедии «Борис Годунов» (посвященной, кстати, памяти Карамзина) опирался на версию, изложенную в «Истории государства Российского». Димитрий изображен Макушинским как получивший отличное европейское образование юноша, стремящийся привнести на Русь идеи разумного государственного устройства, основать университет, донести идею свободы — такой человек не может быть беглым монахом Гришкой Отрепьевым: «А я не был Гришкой! кем угодно, но Гришкой не был я никогда!» — возмущенно пишет Димитрий. Пушкин — наше всё, спорить с ним почти нереально, и тем не менее роман «Димитрий» не что иное, как пародийная попытка развенчания пушкинского мифа о Лжедмитрии — в тексте регулярно встречаются фразы вроде «...я не любил холодную, аки гелий, Марину, что бы ни рассказывал обо мне А.С.Пушкин» или «о, Александр, как же оклеветал ты меня, как же надругался ты надо мною!».

У исторического персонажа Дмитрия Ивановича, что царствовал на Руси один год — с июня 1605 по май 1606, при том, что о нем написано много, незавидная литературная судьба. Так, Макушинский-персонаж сетует, что Шиллер умер, успев написать лишь начало пьесы о Димитрии, иначе мировая литература могла получить совершенно иной миф о царевиче.

Роман Макушинского предлагает лишь версию судьбы Дмитрия, но, разумеется, не настаивает на ней. Самое удивительное, что главный герой сам не знает, настоящий он царевич или же мальчик из Углича, выданный за него: «...Что если и вправду было два мальчика... Если их было двое, то который из них я сам? Что если не тот, а другой?» Вот это самосомнение, это вечное «кто я?» поднимает роман на высоту философской проблематики, делает Дмитрия фигурой трагической, глубоко рефлексивной: «Никто ведь не знает, кто он на самом деле, и тот, кто делает вид, что знает, тот, сударыня, обманывает себя и других».

Мотив «никто не знает, кто он на самом деле» становится авторской присказкой и повторяется в тексте с некоторыми вариациями регулярно (заметила восемь раз). С каждым разом вопрос «кто я на самом деле?» звучит все острее и задает все более высокую ноту абстракции. Недаром возникает и параллель с шекспировским Гамлетом и его вечным вопросом: «Если принц, то — Гамлет, сударыня. Если царевич, то — Димитрий... На сцену мира мы с Гамлетом вышли одновременно...» Трагедия Дмитрия не только в его предопределенной, как и у Гамлета, гибели, но в страшном незнании правды о себе.

Димитрий — сложно устроенный образ и сложно устроенная личность. Образ его исключительно речевой — нет портрета, только напористая, эмоциональная, почти непрерывная речь. В романе отсутствует деление на главы и даже на абзацы, выделены лишь нумерованные фрагменты объемом от полстраницы до трех. Димитрий — это и подпольный рассказчик (не пытайтесь угадать, где он сидит и пишет), и артист, исполняющий роль царя, и еще некто в роли царя, и, возможно, сам царь, «сияющий и страшный», и веселящий всех скоморох, и молодой удачливый любовник, и глубоко несчастный пожилой человек. Димитрий как будто отказывается выходить из роли царевича, наоборот, вращается в нее, сживается с ней. И тогда становится важна не личность Дмитрия, а его образ. Образ как идея, как архетип. «Однажды был Димитрий, но есть (всегда есть, навсегда есть) идея Дмитрия, эйдос Дмитрия (о Аристокл!), есть (как его?) архетип (о Карл! о Густав!) Дмитрия. И это я, сударыня,

это я». Таким образом, существуя “на чистом небе прообразов, эйдосов, архетипов”, Дмитрий «обречен умирать и воскресать, вновь и вновь». А роман между тем смело ступает в сферу фантастического.

Дмитрий-повествователь еще и определенная стилистическая роль. Он взял тон скомороха, злого циника, шута, забавляющего публику. Однако при рассказе о любви зазвучат ноты нежные, лирические, а всем известный финал царского правления Дмитрия потребует аккордов трагических. Дмитрий ломает свою комедию по максимуму, заговариваясь, как Хлестаков, до абсурда, горюет горы нелепостей: «Кого и узнают-то у нас на Москве? Серёжу Маковецкого, да Серёжу Безрукова, да меня, безгрешного, хоть я, конечно, и не Серёжа... Приходится прятаться, а то ведь пристают с автографами, как, бывает, идешь по Тверской. Как выйдешь на Тверскую, так девки на тебя и кидаются».

Ирония во всей красе — тонкая и горькая, ядовитая и масштабная — становится основным стилистическим приемом романа. Наблюдать иронию мы могли и в прежних книгах Макушинского: и в «Пароходе в Аргентину», и в «Остановленном мире», и в «Одном человеке», и в «Предмestьях мысли», но там она не доминировала, а как будто постепенно вызревала. И это ирония иного толка, чем, допустим, у Виктора Пелевина, с прозой которого неожиданно захотелось сопоставить «Дмитрия». (Впрочем, это могло бы стать темой для отдельного обширного исследования.) Отмечу лишь, что Виктор Пелевин и Алексей Макушинский почти ровесники; и, возможно, ирония присуща им как прием поколенческий, как оптика поколения — корень у неё один, из позднесоветской молодости 80-х. Объектом иронии Пелевина ежегодно становятся все новые социальные явления, ирония же Макушинского пронзает русскую жизнь сквозь века. И если «Дмитрий» — пародия, то высокая, лирическая.

Единственный роман Макушинского, в котором, пожалуй, почти нет иронии, — дебютный «Макс» (1998); сюжетно и тематически он плотно связан с «Дмитрием». Именно из «Макса» в новый роман переместился и театр на маленькой площади где-то в центре Москвы, его режиссёр Сергей Сергеевич, и прима Мария Львовна, и просто Перов (Простоперов), некоторые другие персонажи. Тень самого Макса неоднократно мелькает на страницах романа: «Пару раз поминали они при мне какого-то Макса, но кто это, я так и не выяснил», — пишет Дмитрий. Несколько упрощая, можно сказать, что в «Максе» речь идет о постановке одной пьесы в театре, а в «Дмитрии» та же труппа и в том же театре спустя несколько лет ставит другую пьесу. Но вопрос «как соотносятся герой-повествователь из “Макса” и “зануда Макушинский” из “Дмитрия”, одно ли это лицо» — остается открытым. Итак, театральный роман, том второй.

Романы «Макс» и «Дмитрий» наглядно роднит имя героя в заглавии романа. Можно вспомнить и недавнего «Одного человека», потому как и Макс, и Дмитрий — один человек, одинокое имя в названии подчеркивает индивидуализм героя. При этом Дмитрий — имя особое, царское, несущее шлейф исторических ассоциаций. Заявлением «я не хотел носить маску» Дмитрий близок Макс, с образом которого связан мотив отказа от роли, но все-таки он являет собой принципиально иной характер. Макс совсем не циник, в отличие от Дмитрия; в своей чистоте и открытости миру он больше сходен с Ксенией, возлюбленной Дмитрия. Макс отказывается играть роль; Дмитрия же хочется назвать его антиподом, потому что он-то как раз отказывается выходить из роли, живет в роли, живет ролью, возвышаясь над реальностью, превращаясь в архетип, в дух. Обратим, кстати, внимание на эпиграф к «Дмитрию» — на английском из шекспировской «Бури» (которую, кстати, тоже ставят в театре на маленькой площади):

В этом представленьи
Актёрами, сказал я, были духи.
И в воздухе, и в воздухе прозрачном,
Свершив свой труд, растаяли они.

(Шекспир, «Буря», перевод Михаила Донского)

У Макса дело дошло до премьеры, он сыграл свою роль на сцене и таким образом от нее освободился, смог уйти. В «Димитрии» же дело до премьеры не доходит (только «предварительная, для друзей и родственников, для мам и пап»), и герой будто бы «застревает» в роли навсегда. Если для Макса игра на сцене приобретает характер психотерапевтический, то для Димитрия — гибельный: «Так понемногу добрались мы до премьеры и гибели». Высокий трагический пафос очень смешного романа «Димитрий» отчетливо виден на фоне дебютного, несколько идиллического «Макса», где все было всерьез. Изданные с интервалом в четверть века, «Макс» и «Димитрий» при прочтении один за другим дают любопытную картину динамики творческого метода автора.

«Димитрия» можно увидеть и как сплошную репетицию: весь роман — о репетициях постановки, да и годовое правление Димитрия, по сути, репетиция правления Петра. Театральность романа и в авторских ремарках, и в условном времени действия (абстрактное «сейчас», но Москва-сити уже стоит), и в еще более условном месте действия. Между тем, создается впечатление, что, будучи романом театральным, «Димитрий» сам обладает изрядным постановочным потенциалом. Меняются исторические декорации, а Димитрий вечен со своим надысторическим видением и вечным вопросом «кто я?». При чтении невольно начинаешь представлять героя на сцене: вот он сидит в своем «подполье» где-то под сценой, смотрит в окно; вот он взмывает над сценой как дух; а порой спускается в зрительный зал и, подсаживаясь то к одной зрительнице, то к другой, обращается к ним — «сударыня», «фрау», «мадмуазель»...

С именами героев в романе не все просто. Есть группа персонажей, связанных с театром и перекочевавших из «Макса»: Сергей Сергеевич, Мария Львовна, Перов... Они, хотя и принимают участие в постановке пьесы, но настоящих своих имен не утрачивают. К ним примыкает Макушинский (персонаж). Такой важный герой, как Симон, наставник юного Димитрия в Курляндии, относится лишь к плану XVI века, с его именем проблем нет. Другие же герои — сам Димитрий, и Ксения, и Басманов, и Марина, и Эрик, и Шуйский, и француз Маржерет — существуют в двух временных пластах. Однако о них читатель в какой-то момент понимает, что имеет дело с их сценическими именами, а реальные, по мнению повествователя Димитрия, для его истории не принципиальны. На роль Ксении «годилась лишь Ксения, или Сергей Сергеевич ее в этом уверил. <...> А как ее на самом деле звали, сударыня, не имеет к самому делу ни малейшего отношения». В связи с этими именами-обманками читатель, вместо привычного отождествления с героем-повествователем, регулярно хватается воздух и получает весьма некомфортное ощущение — да Димитрий ли это на самом деле и во всех смыслах?! (Чего, очевидно, и хотелось автору.)

Предлагая свою версию загадочного и криминального исторического сюжета про царевича, Макушинский превращает роман (где-то в средней трети) поначалу в авантюрный, а далее и в роман воспитания. После чудесного спасения, выздоровления и приключений мальчик оказывается в удаленном замке «в Курляндии, под опекой и присмотром Симона, великого человека, фабриканта моей доли, врача и влаха». Масштабно мыслящий, но тайный европейский политик, прекрасно образованный, Симон воспитывал Димитрия как будущего монарха, читая с ним Сенеку, Эпиктета, Монтеня и рассказывая «в пленительных подробностях обо всех династиях и правящих домах Европы». Вторым воспитанником Симона и другом детства Димитрия становится шведский принц Эрик.

Историческим романом «Димитрия» можно назвать лишь очень условно, скорее это роман на историческом материале; в повествовании всплывают целые пласты прошлого, причем не только Руси, но и Швеции, и Польши, упоминаются десятки исторических деятелей. История стран и народов то предстает театрализованным действием, то сама становится персонажем романа: «История сентиментальна, народу нужны мелодрамы». В историческом контексте явлена и тема царской власти: почти год продержался Димитрий со своим европейским воспитанием и индивидуализмом против русской соборности, московского «Боярбюро», наивно обещая поначалу: «Кровь не прольется, казней не будет». Царевич полон благих идей, но чувствования страны и понимания народа у него, как и следовало ожидать, нет: большую часть жизни он провел на чужбине. Есть у него уважение к свободе и жизни конкретной

личности (он простил, например, Шуйского), но нет уважения к традициям, понимания народного мировоззрения. Тема свободы и свободного человека — еще один сквозной мотив романа. Но сентенции Димитрия о свободе подчас противоречивы: «Я мечтаю о революции, несущей свободу». Однако «свободных людей все всегда ненавидят». И наконец: «Ничего, я выбью из вас холопство; победим татарина с туркой, сделаю из вас свободных людей; сами себя не узнаете».

Почти все основные события романа происходят в Москве. Димитрий на московском престоле, строит себе новый дворец в Кремле. Театр на маленькой площади затерян где-то в переулках, недалеко от Тверской. Московскими бульварами гуляют влюбленные Димитрий и Ксения, целуются в знакомых двориках. Московское метро неожиданно становится местом для одной из эротических сцен. С Воробьевых («тогда еще Ленинских») гор смотрят на панораму Москвы Димитрий и Пётр Басманов (ну да, как Герцен и Огарёв). Не раз направится Димитрий в Беляево — провожать Марию Львовну; окажутся они и на другом конце города, в Медведкове. Узнаваемы трамвайные и троллейбусные маршруты, механические кассы в троллейбусах, детально описанные автором, набережные и мосты, проспекты и переулки, Остоженка и Пречистенка, памятники и кафе. Например, «кафе “Хрустальное” на пересечении Кутузовского проспекта с Дорогомиловской улицей, кафе огромное, горизонтальное» становится местом знакомства героя с Лжедмитрием и разговора, меняющего ход событий. А заключительные эпизоды романа описывают августовский путч в Москве 1991 года.

Система образов и оппозиций просматривается вполне четко: все герои так или иначе соотносятся с главным. У героев-двойников двойничество особой природы: большинство из них раздваивается на два исторических плана. Некоторые образы отражаются друг в друге, дwoятся: Димитрий и А.Макушинский, Димитрий и его преданный друг Петя Басманов; Димитрий и Лжедмитрий (ближе к развязке), и самая любопытная пара — Димитрий и Эрик. Русский царевич и шведский принц выбирают разные жизненные пути: Димитрий в XVII веке следует дорогой, определенной для него Симоном, — идёт в политику и добивается восхождения на престол, а Эрик выбирает жизнь обывателя: «Эрик, не будь дурак, выбрал обыкновенную жизнь, тяготы, но и отрады простого существования, просто существования...» Но в Москве рубежа 90-х XX века Димитрий поступит именно так, как когда-то поступил Эрик, последует его выбору, а не повторит свой.

В романе присутствует, разумеется, и история любви (можно даже сказать, что «Димитрий» прежде всего о любви), есть несколько смелых эротических сцен. Любовный треугольник: Мария Львовна — Димитрий — Ксения. С появлением на страницах воспоминаний «политико-поэтической девушки» Ксении начинают звучать явно лирические ноты, а в самой середине романа Ксения временно становится ночным адресатом рассказа Димитрия, однако рассказ его столь длинен, что она засыпает, а он продолжает говорить, говорить, обращаясь к ней «спящая Ксения». Образ «чистой девочки, ничего не знающей о жизни, властелинки лохматых собак, читательницы стихов» в воспоминаниях героя близок к идеальному. Но Ксения станет ревновать к Марине: «Я честно пытался ей объяснить, что не к Марине меня бы следовало ей ревновать. Я не говорил, к кому...» Марина — это, конечно, Марина Мнишек (и в театральном, и в историческом плане). Но в видении Димитрия (в изображении Макушинского) она «холодная, аки гелий» и не становится для героя объектом страсти. В финале Димитрий отказывается участвовать в очередном историческом «представлении», отказывается ехать с Ксенией на баррикады к Белому дому, делает шаг за пределы истории, выбирает женщину, для которой жизнь — кукольный театр (громко говорящая метафора). Если прошлое для Димитрия было всерьёз, и он участвовал в нем как исторический деятель, то в настоящем он согласен лишь на участие в спектакле (лицедействе), но не желает быть вовлеченным в значимые исторические события. Расставаясь с Ксенией, Димитрий расстается с реальностью, а выбирая Марию Львовну и оказавшись (наконец-то!) в ее квартире, он попадает в компанию кукол.

Димитрий — фигура нереализованного замысла: в историческом плане — правление меньше года, лишь перспективы, начинания; на сцене — лишь репетиции

и предпремьера. Пьеса А. Макушинского и роль царевича, похоже, самое настоящее, что случилось в его актёрской карьере («главная, лучшая роль»), далее лишь пародийные стрептофуражкины в сериалах. Так и Ксения — его, по большому счету, нереализованная жизненная возможность. Отравленный цинизмом и «разувереньем» («Сухая скорбь разуверенья, говорит Боратынский»), Димитрий не способен создать с Ксенией глубокие отношения, не способен поверить ни в её политические идеалы, ни в православную традицию — ни разу не отправится вместе с ней в монастырь, а лишь иронизирует над «тропарями и кондаками». По сюжету Ксения как будто чего-то ждет от Димитрия, несколько раз зовет его за собой, а в момент воспоминаний именно её ставит он в центр своей истории, по ней мучительно тоскует спустя годы, по её чистоте и наивности.

По всему роману гуляет мотив сумасшествия; Димитрий не раз намекает, что он, возможно, в психиатрической больнице, «в Кашенке». Да и воображать себя монархом — не что иное, как мания величия! Такая версия видится вполне очевидной, когда Димитрий выдает фразы вроде «я лучшее, что могло случиться с этой страной». С одной стороны, он постоянно призывает слушателей верить ему, а с другой — живет в пространстве иронии, возведенной в высокую степень. Ирония и не требует однозначной локализации — какая разница, откуда смеяться? Развязка, как все помнят, трагична. Гибель Димитрия на сцене на глазах у зрителей парадоксальным образом обладает эффектом катарсическим, очищающим: «Я согласен был умереть. Я даже счастлив был, умирая. Когда я умер, все личины упали, осталось только лицо».

Алексей Макушинский, используя образ Димитрия-повествователя, создает текст высокой плотности, слитности; его ритмически организованная напряженная тональность (помним про стихотворный опыт автора) образуется лексической избыточностью, и эта осознанная избыточность становится особым авторским приемом. Повторы и уточнения, частые скобки и пояснения накапливают плотность, создающую эффект настойчивости Димитрия: взяв определенный доверительный тон, он выговаривает свой монолог-исповедь с явным напором. Длинные, порой длиннейшие предложения полны сложными синтаксическими узорами, долгими перечислительными рядами с созвучными членами, и это тоже работает на ритмичность текста. «Шел снег (мокрый), шли прохожие (редкие); шли, по большим и соседним улицам, нам невидимые троллейбусы, нам невидимые трамваи; шло время (счастливое время, как я теперь понимаю)». Уточняющие эпитеты в скобках в постпозиции и уточнение в скобках «счастливое время»; повтор существительного «время», эпитета «невидимые», местоимения «нам», повтор глагола — все вместе лексически уплотняет смыслы и одновременно организует уникальный ритм предложения. И, наконец, нельзя не упомянуть об уже привычном для текстов Макушинского явлении — обильных, но коротких иноязычных вкраплениях: латынь, английский, французский, немецкий, польский.

Имеющий многолетнюю историю создания, «Димитрий» по мере написания естественным образом претерпевал неизбежную трансформацию начального замысла, основная тенденция которой — от вопроса самоидентификации «кто я?» к вопросам власти и исторических закономерностей. В романе прослеживается и (нередко свойственная воспоминаниям) смена настроений от надежд и мечтаний молодости к разочарованиям и сожалениям преклонного возраста; за смехом скрыт трагизм и пессимизм героя, его ощущение жизненной неудачи. По признанию Димитрия, он и пишет, «чтобы справиться с банальностью бытия», чтобы преодолеть эту неудачу средствами художественными. Таким образом пространство высокого вымысла (и романное, и театральное) обнаруживается в оппозиции к «пошлости реальности». Димитрий уходит со сцены, но где он парит, в каких сферах? В этой неуловимости, нелокализованности, неопределимости — уникальность заглавного героя, потеснившего в этом романе автора.

Евгений Абдуллаев

С китайского и обратно

В детстве у меня был свитер. Старый, ношенный, но ещё вполне крепкий и теплый. Я любил его. На бирке сзади были какие-то иероглифы и крупнее, кириллицей, вышито «Дружба».

Свитер, как мне объяснили старшие, был времён советско-китайской дружбы.

Ко времени моего детства-отрочества от неё не осталось ничего.

Кроме старых свитеров, плащей, зонтов и десятка глупых анекдотов не только о ней, но и о самом Китае тогда почти ничего не напоминало. Разве что переводы китайской классики, мгновенно сметавшиеся с полок книжных магазинов. Но то — древность, средневековье; красные терема и нефритовые гуаньини. Из современной китайской прозы издавали только Лао Шэ, погибшего в 66-м. Дальше простиралась зона безмолвия.

В начале 90-х Китай вернулся. Ещё не литературой; вначале, как все помнят, накатила волна китайского ширпотреба. Дешевого, не всегда качественного, с уморительными инструкциями по-русски... Литературная волна дошла только к концу нулевых.

С одной стороны — да, новый этап сближения России и Китая. С другой — сама современная литература Китая к этому времени получила международное признание. 2012 год — вручение Нобелевской премии Мо Яню. Начинают, с некоторым опозданием (по сравнению с английскими переводами), переводиться на русский его книги. Переводятся и издаются и другие прозаики: Лю Чжэньюнь, Лю Цысинь, Юй Хуа...

Но о переводах ещё скажу. А сейчас — о том информационном поводе, который и обусловил китайский вектор этого разговора. Точнее, российско-китайский.

Поводом была Пекинская международная книжная ярмарка, проходившая с 19 по 23 июня.

В ней, благодаря российскому Институту перевода, смогли принять участие русские писатели. Павел Басинский, Евгений Водолазкин, Нина Дашевская, Максим Замшев, Инга Кузнецова, Ярослава Пулинович, Анастасия Строкина и автор этих строк (простите за невольную ассонансную рифму).

Участие не ограничивалось выступлениями на российском стенде. Были ещё встречи — в университетах, в книжном магазине, Российском культурном центре, школе... Побывать на всех было физически невозможно, но о некоторых упомяну.

Первая встреча прошла за день до открытия ярмарки, 18 июня, со студентами-русистами Института иностранных языков Народного университета Китая.

Студенты как студенты, половина сидела, уткнувшись в гаджеты; другая половина активно слушала, задавала вопросы. Были и китайские литераторы: прозаик Ли Эр, детский писатель Чжоу Минь, редактор журнала «Ши юэ» («Октябрь») Цзян Цзай.

Евгения Водолазкина спросили о «Лавре» и о концепции времени в его романах; Ли Эр говорил о влиянии писателей на современный язык; Цзян Цай показала том Достоевского («Идиот»), который когда-то читала в университете, весь в разноцветных закладках...

«Когда пишешь, нужно чего-то не знать, — сказал Водолазкин, — чтобы удивляться вместе с читателем».

В конце встречи прошло что-то вроде концерта: Ли Эр прочел (наизусть!) целый отрывок из китайского перевода «Доктора Живаго»¹; студенты показали инсценировку по повести Нины Дашевской «Вилли», сама Нина играла на скрипке...

19 июня, открытие ярмарки. Огромный зал Китайского национального конференц-центра, более 20 стран-участников.

Почетный гость этого года — Саудовская Аравия. Много арабской вязи, костюмов, арабской речи. Российский стенд в углу павильона, здесь тише и уютнее. Во время встречи с Павлом Басинским (посвященной его «Подлинной истории Анны Карениной») какая-то женщина в абайе неподалеку у стены тихо совершает намаз.

Сама встреча была, кстати, интересной: недавно вышел китайский перевод книги (а в России по ней снимается фильм). Над чем работает Басинский сейчас? «Над биографией Леонида Андреева, для “ЖЗЛ”». Хорошо, ждем.

Вечером — встреча в Российском культурном центре. Зал довольно большой, свободных мест нет. В первой части — разговор о современной русской детской литературе, во второй — о «взрослой». Нина Дашевская, Максим Замшев, Анастасия Строкина... Пришедших на встречу интересует, что за последние десять лет произошло в русской литературе. Что общего между современной китайской и русской литературами. Чем отличается современная «женская» проза от «мужской». Многие вопросы искусно «провоцирует» Евгений Резниченко, директор Института перевода, ведущий встречу. От вопросов литературных быстро переходим к «жизненным». Можно (и нужно ли) наказывать детей? Публика в зале разделяется на два лагеря, сторонников и противников.

Из зала встречу снимает на смартфон Ирина Чуднова — единственный известный русский литератор, живущий и пишущий в Китае. Несколько лет назад я откликнулся на ее стихи на «Полёте разборов» (проект Бориса Кутенкова); теперь состоялось очное знакомство. Ирина публикуется и в русской литературной периодике («Просодия», «Интерпоэзия»), и в китайской — переводит китайских поэтов, ее переводят на китайский.

Но вернусь к делам ярмарочным.

20 июня. «Пушкинский день в Пекине». Встреча под бронзовым бюстом Пушкина в кампусе Института иностранных языков Столичного педагогического университета. Александр Сергеевич отлит в момент вдохновения, с пером и стопкой листов. Памятник поставили пять лет назад; говорят, студенты уже успели натереть до блеска какую-то часть классика: помогает при сдаче экзаменов.

Приветствие (центоном из пушкинских текстов) ректора университета профессора Вана Цзунху. Чтение стихов. «Нелепый день. Мне смысл его не виден. Он ни единым знаком мне не выдан...» — читает свое известное стихотворение Инга Кузнецова... И — снова концерт, устроенный на этот раз силами студентов русского отделения Института. Скрябин и Шостакович, Пушкин, и Пастернак; удивительно трогательная композиция из писем Чехова и Книппер-Чеховой. Закончилось всё пением «Миллиона алых роз», почти коллективным.

Затем — долгая, с обилием приветственных, благодарственных и прочих речей, церемония вручения переводческой премии «Россия — Китай. Литературная дипломатия», за лучшие переводы с русского на китайский. Премия учреждена

¹ Кстати, проза самого Ли Эра, переведенная на все основные европейские языки, до сих пор, к сожалению, неизвестна русскому читателю.

русским Институтом перевода и Пекинским центром славистики, созданным в 2015 году на базе Столичного педуниверситета.

Первое место получила переводчица Лю Хунбо за перевод романа Евгения Водолазкина «Лавр», второе — Ло Цзя за перевод сборника стихов Геннадия Айги «Поля-двойники», третью — Ван Лидань за перевод сборника пьес Надежды Птушкиной «Пизанская башня». Логично: проза, стихи, драматургия.

Вообще, многих участников русского «литературного десанта» на Пекинскую ярмарку уже успели перевести на китайский. Евгения Водолазкина, Павла Басинского, Ингу Кузнецову... А тираж переводов подростковой прозы Нины Дашевской уже достиг тридцати тысяч. Не знаю, как по китайским масштабам, но по меркам российского книжного рынка впечатляет.

День завершился в книжном магазине «Rendez-vous» встречей с читателями под веселым названием «С литературой не соскучишься!». Скучно, и правда, не было. Вместе с китайскими коллегами порассуждали о влиянии классики на современную литературу, о детской литературе, о поэзии.

«Поднимите, пожалуйста, руки, кто читает поэзию!» — обращается к пришедшим Анастасия Строкина. Поднимается десяток рук. Ещё несколько. Остальные скромно улыбаются, потупив глаза. Знакомая ситуация.

Особенно оживился зал, когда заговорили о школьной программе: включать ли в неё современную зарубежную литературу, и какую. Оказывается, в китайской школьной программе зарубежные авторы присутствуют в гораздо большем объеме, чем в российской. Впрочем, тут нужно более детальное сравнение.

Рамки этой «барометровской» колонки не позволяют рассказать (даже кратко) обо всех встречах; это и не нужно. Пекинская ярмарка, как и было сказано, лишь повод для разговора. О чем?

О делах переводческих. О том, что литературные контакты с Китаем растут, что называется, не по дням, а по часам. В рамках мнжгосударственной Программы перевода предполагается издание 50-томной Библиотеки русской литературы в Китае и, соответственно, 50-томной Библиотеки китайской литературы — в России.

Правда, бума в отношении современной китайской литературы в России пока не заметно. Да, вопрос продвижения. Литература обычно приходит в «пакете» с другими вещами, в разное время — разными. В свое время русская литература вошла в Китай в «пакете» с коммунистической идеологией и военной и экономической помощью. Интерес к современной японской литературе в России в начале нулевых совпал с появлением, как грибов после дождя, японских кафешек и ресторанов, с популярностью манги и фильмами Такеши Китано. Интерес к литературе Турции — с массовым российским туризмом...

В отношении Китая о таком «пакете» говорить пока сложно. Несмотря на политическое и экономическое сближение, Китай ещё остается во многом экзотической и культурно далекой страной. По крайней мере, для европейской части России, где находятся основные издательские и «читательские» центры. На российском Дальнем Востоке, где локальные связи с Китаем традиционно прочнее, он, судя по всему, воспринимается иначе.

Второй проблемой остается перевод. Хотя интерес к изучению китайского растет¹, переводчиков художественной литературы пока явно не хватает. Некоторые книги китайских авторов, как поговаривают, переводят с английского перевода. Может быть. Особенно учитывая нынешнюю ситуацию с гонорарами за перевод — выглядит это, увы, вполне правдоподобно.

Как в начале 2000-х констатировал известный переводчик китайской классики Дмитрий Воскресенский: «Сейчас в Китае много интересных писателей. Китайскую

¹ Если в 2019 году китайский изучало около 17 тысяч российских школьников, то уже в 2021 их количество увеличилось до 91 тысячи (<https://www.kommersant.ru/doc/5941668>).

литературу сейчас много переводят в Англии, Франции, США, Японии. Думаю, что в последнее время приоритет в области перевода с китайского языка постепенно переходит к Западу, что для нас прискорбно. На Западе выросла школа синологии, в которую вошли китайцы с хорошим европейским образованием и в то же время понимающие менталитет китайцев...»¹

Ситуация с тех пор несколько изменилась, но не сильно.

И ещё. Для продвижения переводной литературы важно, чтобы были известны не только имена переводимых авторов, но и имена их переводчиков. Имена, скажем, Апта, Голышева, Лунгиной, Микушевича, Трауберг были также и гарантией качества. Или, если говорить о сегодняшнем дне, Немцова, Коваленина, Сонькина (можно назвать ещё несколько имен). Уверен, что есть и известные в своем кругу переводчики современной прозы с китайского. А за пределами круга? Был Игорь Егоров, переводчик Мо Яня, но он два года назад скончался. Может, в будущем — Юлия Дрейзис; пока она больше переводит поэзию.

Китай в более выигрышном положении: русская литература на китайский переводилась, и довольно активно, весь двадцатый век. Даже после некоторого охлаждения интереса к современной русской литературе с начала 60-х и особенно — в 90-е (когда Россия окончательно отказалась от социалистической повестки), русская классика продолжает активно переводиться и издаваться. Для сравнения: объем переводов русской литературы на китайский язык в начале 2000-х был почти в двадцать раз больше, чем переводов китайской литературы — на русский².

В Китае и гораздо больше переводчиков русской литературы, чем в России — китайской. Многие переводчики — одновременно профессора русской литературы на соответствующих факультетах. Один из самых известных и авторитетных — Лю Вэньфэй, он же — один из активных организаторов «русской» программы на Пекинской ярмарке. В библиографии трудов, изданной к его 60-летию, более ста переводов. Поражает не только количество, но и диапазон. Жанровый, стилистический, идейный. От Белого до Пелевина, от Чаадаева до Троцкого, от Кушнера до Драгомощенко, от Арцыбашева до Елизарова... Не говоря уже о русской классике и нескольких собственных монографиях. Возможно, и среди русских переводчиков китайской литературы со временем появятся аналогичные фигуры. Хотелось бы верить.

Ярмарка завершилась.

Сравнивать с предыдущими годами не могу, но, судя по отзывам, российское участие в этом году было более заметным. И литераторов приехало больше, и издателей («Эксмо», «Детская литература», «Русский язык. Курсы»...). Издатели вроде бы тоже довольны переговорами с китайскими партнерами. Проблема в переводе платежей — влияние санкций ощущается и в нашем литературно-книжном хозяйстве.

Из других постсоветских государств на ярмарке заметен только Азербайджан; участвует в этом году в первый раз. Стенд по соседству с российским; преобладают роскошно изданные книги и альбомы. Большого оживления у стенда не заметил; но уже хорошо, что азербайджанское книгоиздание было представлено на этом крупнейшем (втором после Франкфуртской ярмарки) издательском форуме. Потом, глядишь, и литераторов своих тоже будут в Пекин привозить.

И последнее. Хотелось, из ностальгических соображений, привезти из Китая свитер. Но программа была такой густой и плотной (надеялся ещё и немного посмотреть Пекин), что до свитера дело не дошло. Привез упаковку чая, кружку с логотипом Народного университета, книги... И воспоминания и мысли, которыми и попытался здесь поделиться. Свитер, в конце концов, дело десятое.

¹ Калашникова Е. По-русски с любовью: Беседы с переводчиками. — М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 144.

² Родионов А.А. О переводе и издании на русском языке новейшей китайской прозы в 2009—2018 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2019. Т. 11. Вып. 4. С. 401.

Борис Минаев

Сгущающийся мрак

Мне всегда нравилось в спектаклях то, что условно можно назвать «загадочной темнотой». Некий сгущающийся мрак в глубине сцены, некий назревающий грозовой разряд, — и ты с замиранием следишь за этим театральным *нечто*, которое вскоре должно превратиться во *что-то*.

Из самых сильных сторон новой постановки «Отцов и детей» в Театре Наций я бы прежде всего назвал именно это — театральный *сгущающийся мрак*. Но что в нём таится, что просвечивает, — ещё надо понять.

Аркадий Кирсанов, тот самый, что «говорит красиво», в огромных наушниках, чёрных очках, то и дело берущий в руки бас-гитару и исполняющий песни рок-бардов 80-х. Базаров в длинном кожаном пальто, с загадочным лицом конспиратора, уходящего от слежки. Привычная со школьной скамьи, до боли знакомая по советским экранизациям и постановкам парочка, но на этот раз вовсе не абстрактные «бунтари», а вполне себе узнаваемые персонажи перестроечных лет. Непризнанные гении, подпольные рок-музыканты, герои андеграунда, художники и поэты. Мои друзья. Базаров и Кирсанов? Похожи ли ребята той эпохи, скажем, художник Дима Врубель, или издатель журнала «Урлайт» Илья Смирнов — на избалованного барчука и угрюмого сына земского врача?

...С их нервного мельтешения по сцене и начинается долгий путь внутрь тургеневского текста, попытка его понять и подчинить себе.

О том, что это не просто «Отцы и дети», а какие-то совсем другие «Отцы и дети» (по крайней мере, по замыслу создателей), должно нам говорить многое: вот хотя бы огромная лестница на сцене, вокруг которой всё вертится. В самой последней сцене, освещенная кровавым светом, лестница становится для умирающего Базарова Голгофой, «лестницей в небо», но звучащие весь спектакль отдаленные голоса станционной дежурной (перечисляющей вагоны, составы, пути) отсылают нас совсем к другой эпохе. Русская провинция и безысходное желание уехать отсюда навсегда. Этот знакомый с детства запах вокзала, бесприютности, он просочился в поры тургеневского текста благодаря этой лестнице.

«Это то время, из которого произошло мое поколение, и оно, как мне кажется, мощно резонирует с литературным первоисточником. Речь идет не о том, что отцы с сыновьями столкнулись лбами, решая вопросы мироустройства. Важно, что и те и другие оказались перед лицом неотвратимых глобальных перемен, вот только каждый в меру своего жизненного опыта, или его отсутствия, видит будущее по-разному. В центре истории, так или иначе, стоит семья».

...Режиссёр (а также автор инсценировки, художник по свету, композитор и исполнитель главной роли) Семён Серзин попытался предложить удобную оптику для разглядывания сгущающегося мрака на сцене. Подкрути колёсико — и всё понятно.

Ну да, *perestroika*, великая и бурная эпоха. Спектакль «Отцы и дети» — благородная, нежная, я бы даже сказал, смелая по нынешним временам попытка её защитить, оправдать, по крайней мере, придать ей солидную классическую аранжировку. Придать сейчас, когда во всех телевизорах о ней говорят едва ли не с отвращением.

Я старательно отмечал по ходу спектакля все перестроечные аллюзии, старательно «вживленные» в хрестоматийный текст. Это в первую очередь, песни. Например, Егора Летова («У меня засохла кишка, / У меня опустела башка, / Я захрючил свои мозги, / Я тащусь от дурной тоски», песня называется «Умереть молодым» и повторяется в спектакле аж три раза, поэтому ее смело можно считать лейтмотивом), песня группы «Центр» («Ту-ту-ту... Тургеневские женщины читают газеты, звонят по телефону, ходят на работу, имеют образование, опускаются в метро»), наконец, финальная песня Юрия Шевчука. Плюс небольшие куски из интервью Егора Летова, Александра Башлачёва, диалоги из «Ассы».

Театр Наций, как всегда, был переполнен молодежью, в основном девушками в вечерних платьях и на высоких каблуках, средний возраст плюс минус тридцать лет, для них, «целевой аудитории» театра, события и герои 80-х, эстетика перестройки — это вообще древняя история, как в учебнике для средней школы, настолько древняя, что ее вполне можно ставить в один ряд с тургеневскими нигилистами и народовольцами. Сравнивать одну древность с другой древностью и находить в них параллели и повторы — а, собственно, зачем?

На самом деле, вечная загадка тургеневского текста состоит в том, что он применим к любой «перестройке», к любой исторической эпохе, где в «сгущающемся мраке» рождается новая реальность, страшная, драматичная, но неизбежная. Где появляется формация молодых людей, отвяжавшихся от старых цепей, нитей, связей, готовых к радикальным поступкам. Будь то шестидесятники (Высоцкий и Вознесенский), хиппи и панки, рокеры 80-х (Науменко, Свин), будь то левые радикалы начала века (Троцкий и Блюмкин), поэты 20-х (Маяковский и Есенин), да вообще кто угодно.

Это всегда они, только они, угаданные на века, списанные с природы и оставшиеся в вечности, сильный и слабый, величественно-беспощадный и добропорядочно-нежный, оба смешные и нелепые с точки зрения «реальной жизни», и оба — твердо стоящие внутри шторма, в самом центре движения времени.

Им можно рисовать любые прически, наряжать их в любые одежды, впихивать их в любую субкультуру, но сама проза Тургенева, сама история, которую он придумал, по-прежнему будет работать, работать безотказно, как волшебная машина.

Базаров будет влюбляться и страдать, Аркадий будет мучиться и восхищаться Базаровым, Павел Петрович будет с ним стреляться, Николай Петрович будет изо всех сил защищать свою семью, и все они стремительно и бесповоротно будут расходиться в разные стороны.

С этим ничего не поделаешь, никакой коллаж и никакая «стилистика» здесь ничего не изменят, все идеально пригнано в ней, в этой тургеневской машине, и никакая внешняя «мазь» ей не нужна. Собственно, и текст из интервью то ли Летова, то ли Башлачёва, он как раз о том, что обо всех субкультурах нужно временно забыть, ибо сейчас время революции, «не до стиля».

Вообще книга Тургенева, конечно, значительно полнее и интереснее любых попыток его «представить», «разобрать на характеры», и уж, конечно, он как небо и земля отличается от школьных истолкований про «новых» и «старых» людей. Великий русский писатель честно пытался разобраться в интеллектуальной пище поколения демократов, честно понять, чем анатомия человека может быть интереснее великой поэзии, почему «ощущение» важнее «принципов». За каждой тирадой Базарова стоит не голый эпатаж или дерзкая интонация революционера, каким он, в сущности, вообще не является, а десятки томов тогдашнего «маст-рид»: философских и исторических монографий, часы напряженной полемики внутри московских и питерских кружков. Битва идей. Напряжённая рефлексия.

Но все-таки... ничего важнее и глубже, чем любовь, одних поднимающая, других убивающая, автор в этой самой окружающей реальности не нашел, хотя и пытался.

И это тоже — отдельный сюжет. Теперь мы примерно представляем, как много сказал Тургенев именно о себе, уже немолодом и уставшем, в этом «манифесте молодого поколения».

И вот я смотрю на фотографию Семёна Серзина, вспоминаю его в спектакле. Наверное, я не видел ещё такого Базарова. Очень ранимый, очень мягкий, с каким-то

глубоким пониманием людей и... осязаемым чувством вины. Родился режиссёр и актёр в 1987 году, то есть *время, из которого произошло моё поколение* — он тоже видит ретроспективным взглядом. Ровесник моих детей — человек, выросший в 90-е, взрослевший в нулевые, знающий перестройку по рассказам родителей. И во многом его взгляд — это именно взгляд через родителей, то есть через нас.

Отец Базарова (Борис Каморзин) — на сцене в засаленном оранжевом жилете железнодорожного рабочего, хотя и врач. Говорящий штрих. Трудное время, голодное время социальной травмы для одних (а не только сладкое время свободы для других). Эта горечь за родителей, бессилие изменить их жизнь, эта метафизика вынужденной нищеты — многих молодых интеллектуалов тогда, в 90-е, привела на путь радикального отрицания реальности. В том числе тех, чьи тексты цитирует Семён Серзин. Сцены с отцом и матерью (Ольга Лапшина), короткие и пронзительные, — наверное, вообще лучшие в спектакле.

Русские мальчики, которые приехали в столицу утверждать себя, свободно плыть в море новой свободы и новых возможностей, — многие из них оставили за спиной вот таких беспредельно трогательных и невыносимо выпавших из жизни родителей.

Гораздо труднее расшифровываются братья Кирсановы, Павел и Николай (Геннадий Блинов и Владимир Майзингер). Похожи ли они на, как теперь принято говорить, бенефициаров 90-х? На тех, кто жил в относительном достатке, приобретал, работал, старался?

Внешне похожи, а внутренне...

Наверное, они тоже угаданы, хотя мне труднее об этом судить, это люди последнего советского поколения, тоже страдающие — но не от потрясения социальной реальности, не от внешнего давления, а от какой-то внезапно образовавшейся внутренней пустоты. Да, были и такие персонажи в 90-е.

Наконец, добрался до девушек.

Как и те, что были в зале, — все они прекрасны. Органичная Александра Бортич в почти бессловесной роли Фенечки, прекрасно сыгравшие всегда загадочную сестринскую любовь Ирина Старшенбаум и Алёна Долголенко (Анна и Катерина Одинцовы). В «сгущающемся мраке» угадывается сегодняшнее состояние современной женщины — на пороге ужасных событий, в томительном ожидании, чем всё это кончится, сохраняющей надежду, несмотря ни на что.

Выходя из театра после спектакля, пробираясь сквозь тихий московский вечер с его кажущейся безмятежностью, я продолжал спорить с Семёном Серзиным, с его Базаровым. Базаров умирает по воле страшного случая, но случай закономерен — в том российском обществе ему нечем стать, незачем жить. Он не нужен: по крайней мере, так всё устроено в тургеневском тексте, в этой прозаической машине, пережившей века.

Демократы позапрошлого века, разночинцы, народники, социалисты и просветители — судьба их действительно была трагична. Хотя далеко не всегда: например, Николай Семёнович Лесков успел побывать и в «Знаменской коммуне», среди социалистов, и в Париж съездить, и поработать репортёром, и пойти на государственную службу, чтобы «нести людям добро», и стать писателем.

Но ведь спектакль о перестройке — а в 90-е годы, несмотря на все драмы и разочарования, споря с властью, страстно ее критикуя, моё поколение продолжало испытывать чувство жадного творческого восторга, азарта, поиска. Время открытий, время созидания продолжалось ещё долго. Лесковых было достаточно много в нашей волне, мы продолжали верить в будущее ещё годы и годы, верим и сейчас.

Но сегодня, оглядываясь вокруг, вспоминая сцену смерти Базарова на этой огненно-алой лестнице, я вдруг понимаю, что *такой* взгляд на перестройку, на её людей, конечно, вполне оправдан.

Но соглашаться с ним всё равно не хочется...

Summary

Alexej Ivanov. Krestoslovitza (Crossword)

The kaleidoscope of Leningrad's literary, scientific, musical intelligentsia of the 1970s is rotating in this novel. Not a very big writer Konstantin Elagin is going to write the biography of the Tyrant. He doesn't use the archives, but he has some suitcases of letters – the fragmentary memoirs of still alive witnesses-ex-prisoners. They are steadily leaving this world. There is no time to waste. But the doubts are haunting the author: "What for do I meddle not in my business? Why do I kill myself with the poison of others' memories, the memories of the eyewitnesses of the life of the tyrant if it's quite clear that nobody else can comprehend either the life of the modern Dracula which is fed only by the blood of his victims or the lives of the victims themselves who were voluntarily going to the slaughter?"

Poetry

A variety of poets present their works in this issue. Darya Veryasova confesses her love to the Caucasus with the genuine sincerity. Anna Dolgareva is narrating about the tragical twists of fate which "still cause much pain to the heart alive". The original lyrics of Vladimir Kozlov is full of love to the native land. Psychological sketches of Maria Zatonskaya are about the inseparability of human beings and the Nature.

Viktoriya Polishchuk. Five Minutes Before the Dawn

The diary of V. Polishchuk presents the captured event of what had been waited but hasn't happened. The very private woman's observations are full of fighting – not with the life but with oneself, they are about the bringing up of the Spirit to which the Soul is answering. As if its vocation is to distract from the deeply hidden tragedy of loneliness. The philosophy of the author's private being is thoroughly subjective but at the same time ingenuous and opened for the dialogue. Her expectations and disappointments are going hand in hand.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Журнал «Дружба народов»

можно выписывать с любого месяца во всех отделениях Почты России.

Подписной индекс в каталоге «ГАЗЕТЫ. ЖУРНАЛЫ» — 70250

Подписной индекс в зеленом каталоге «ПРЕССА РОССИИ» — 91826

Электронную версию «ДН» можно купить на <http://дружбанародов.com>

Журнал продается в московских магазинах:

«Фаланстер» (Москва, ул. Тверская, 17, вход с Малого Гнездниковского переулка)

«Бункер» (Покровка, 17; ежедневно с 12 до 22)

Также журнал можно приобрести через интернет-магазин [Лабиринт.ру](http://лабиринт.ру) в любом городе страны.

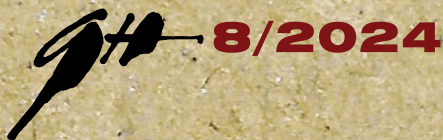
Вёрстка: Елена ЖИРНОВА

Корректурa: Елена ЛАПШИНА

Дизайн обложки: Степан ЛУКЪЯНОВ

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНО ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
МЕЖГОСУДАРСТВЕННОГО ФОНДА ГУМАНИТАРНОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА ГОСУДАРСТВ-УЧАСТНИКОВ СНГ
И ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

По страницам «ДН»

Я попал на войну летом 41-го года, когда мы ещё кончили только 9-й класс и поехали копать противотанковые рвы на Смоленщину. Школу я кончил уже во время войны, и выпускного бала у меня не было. /.../ 64-й год. Звонят с телевидения: не прочитаете ли вы со своими комментариями стихотворение Твардовского «В тот день, когда окончилась война»? Меня хлебом не корми, дай почитать Твардовского. Спрашиваю: а когда будете давать? Между третьим и четвёртым актами трансляции оперетты «Сильва». Я изумляюсь. Отвечают — всё уже запланировано. Начал обзванивать телевизионное начальство, поднимаясь всё выше. Разводят руками. И только на самом верху согласились — да, нехорошо, давайте сделаем хотя бы после. И вот — это самое «после». Довольно непригодная ещё Шаболовка. Прямой эфир. Я уже говорю, а вокруг убирают какие-то декорации. Начинаю читать стихи, и в какой-то момент чувствую — что-то произошло. Краем глаза кошусь и вижу, что люди стоят, замерев, и слушают...

**Андрей Турков.
«В списке славы золотой»
«ДН», 2016, №6**

